

СОЧЕТАНИЕ ИНТЕРЕСНЕЙШИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕТАЛЕЙ
С ПЕРВОКЛАССНЫМ ДЕТЕКТИВОМ.
ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ КНИГА.

Independent on Sunday

Ведь та
ЧАША

К. ДЖ. СЭНСОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Мэтью Шардлейк

Кристофер Сэнсом

Седьмая чаша

«Азбука-Аттикус»

2008

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Сэнсом К. Д.

Седьмая чаша / К. Д. Сэнсом — «Азбука-Аттикус»,
2008 — (Мэтью Шардлейк)

ISBN 978-5-389-19393-2

Англия, 1543 год. В фонтане на территории Линкольнс-Инн, известной адвокатской палаты, найден труп Роджера Эллиарда, друга Мэтью Шардлейка – одного из лучших в Лондоне специалистов сысского дела. Занимаясь расследованием убийства, Шардлейк выясняет, что это не одиночное преступление. За короткий срок совершены несколько жестоких убийств, и все обстоятельства свидетельствует о том, что маньяк руководствуется в своих поступках той частью Откровения апостола Иоанна, где Господь изливает на грешное человечество семь чаш гнева своего... В мире литературных героев и в сознании сегодняшнего читателя образ Мэтью Шардлейка занимает почетное место в ряду с такими известными персонажами, как Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, Ниро Вулф и комиссар Мегрэ.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-19393-2

© Сэнсом К. Д., 2008
© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	53
Глава 7	63
Глава 8	76
Глава 9	84
Глава 10	93
Конец ознакомительного фрагмента.	98

К. Дж. Сэнсом Седьмая чаша

C. J. Sansom
Revelation

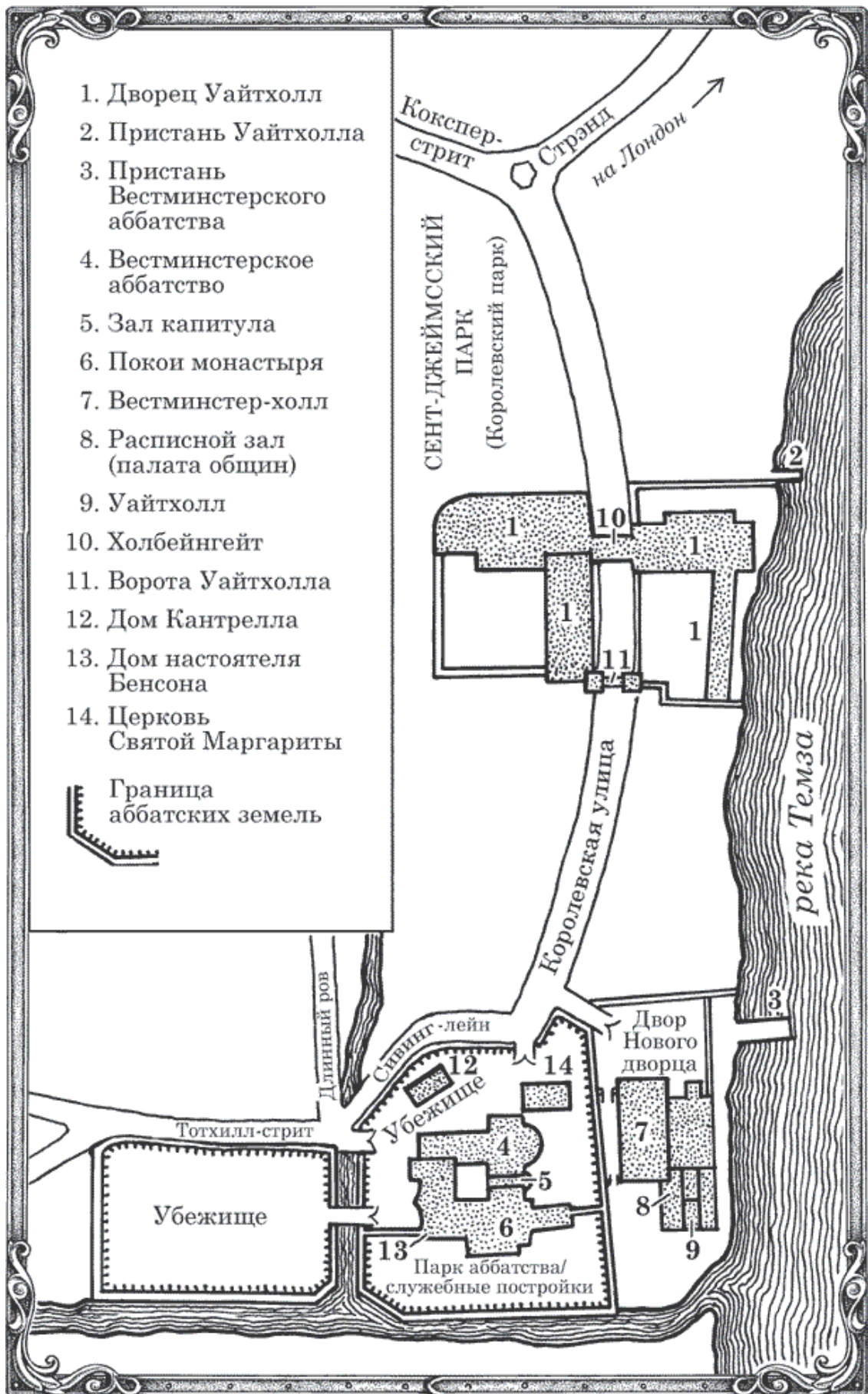
© C. J. Sansom, 2008

© А. В. Новиков (наследники), перевод, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Глава 1

Свечи в люстрах под высоким потолком Большого зала Линкольнс-Инн пылали огнем, поскольку спектакль начался лишь под вечер. Присутствовало большинство членов корпорации. Барристеры были, как обычно, облачены в мантии, их жены – в свои лучшие платья. После часового просмотра спектакля в стоячем положении спина у меня разболелась, и я испытал жгучую зависть к старым и немощным, для которых в зале поставили кресла.

Традиционно премьеры новых пьес проходили в Линкольнс-Инн в марте, но в этом году представление перенесли из-за небывалых снегопадов. Даже теперь, через месяц после положенного срока, было холодно не по сезону. С губ собравшихся срывались облачка пара и тут же поднимались к потолочным балкам. В тот год ставили «Искушение богатством», тяжеловесную нравоучительную пьесу, в которой участники представления в пышных костюмах изображали человеческие грехи и добродетели. Актер, выступавший в роли Добра, бесподобный в своих светлых одеждах и белой фальшивой бороде, читал нотацию тому, кто олицетворял Лицемерие, пытаясь отучить его от вероломства и наставить на путь истинный. Эту нудную тираду уместнее было бы адресовать собравшимся в зале адвокатам. Мне надоело смотреть на сцену, и я перевел взгляд на находящиеся в тени лица зрителей.

Главный казначей Роуленд, малоприятный человек с худым и вечно кислым лицом, глядел на актеров и, вероятно, думал, что следовало бы нанять труппу с менее дорогими костюмами, хотя приходилось признать, что никаких особых декораций для этой пьесы не потребовалось. Прямо напротив я увидел своего старого недруга, Стивена Билкнэпа. Жадным взором он ощупывал коллег-адвокатов. Его выцветшие светло-голубые глазки вечно бегали и никогда не смотрели прямо в лицо другим. Встретившись со мной взглядом, он тут же отвернулся. Это был, пожалуй, самый бесчестный из всех юристов, которых я когда-либо знал. У меня до сих пор саднило в груди при воспоминании о том, как полтора года назад из-за бессовестных махинаций его покровителя Ричарда Рича я вынужден был прекратить судебное преследование этого прощельги. К моему величайшему удивлению, сейчас он выглядел усталым, даже больным.

В некотором отдалении, держа за руку жену, стоял мой друг Роджер Эллиард, в дом которого я был приглашен на ужин после спектакля. Актеры тем временем разыгрывали уже новую сцену. Блуд заключил пакт о дружбе с Пристрастием. Обнимая его, Блуд внезапно скрючился, как бы от боли, упал на колени и продекламировал:

Увы, сражен я наповал!
Такая боль – стоять нет мочи,
И коль лекарство не принять,
Умру до следующей ночи!

И протянул дрожащую руку к зрителям. Я заметил, что Билкнэп смотрит на него с выражением удивленного презрения, а вот Роджер вдруг отвернулся. Я знал почему и позже собирался поговорить с ним об этом.

Наконец спектакль закончился. Актеры отвесили нужное количество поклонов, зрители похлопали в ладоши, и мы, разминая замерзшие конечности, вышли в Гейтхаус-корт. Солнце уже садилось, заливая здания из красного кирпича и тающий снег янтарным светом. Была суббота, канун Пальмового воскресенья¹, никаких дел в тот день не слушалось. Зрители шли к воротам или, если они были постояльцами Линкольнс-Инн, возвращались к себе, плотнее запа-

¹ Пальмовое воскресенье – праздник Входа Господня в Иерусалим. В православной традиции – Вербное воскресенье.

хивая полы плащей. В ожидании Эллиардов я стоял у выхода, раскланиваясь со знакомыми. Взглянув на окна Эллиардов, я увидел яркое освещение и мелькающие силуэты слуг с подносами. Ужины, которые давала Дороти, пользовались заслуженной славой, и я не сомневался, что даже сейчас, во время Великого поста, ее стол будет ломиться от яств и гости наедятся так, что их животы станут звенеть, как барабаны.

Невзирая на холод, я ощущал приятную расслабленность и покой, какого не чувствовал уже очень давно. Пройдет чуть больше недели, и наступит Пасха, а двадцать пятого марта официально начнется новый, 1543 год. Раньше мои мысли были заняты исключительно тем, какие еще неприятности принесет мне наступающий год, но теперь я ожидал лишь новой, интересной работы и приятного времяпрепровождения с добрыми друзьями.

Одеваясь в то утро, я замер и посмотрел на собственное отражение в стальном зеркале спальни. Я делал это крайне редко, ибо вид горбатой спины действовал на меня угнетающе. Но сегодня я заметил седые волоски в шевелюре и углубляющиеся морщины на лице. Что ж поделать, в минувшем году я разменял сорок лет, и рассчитывать на молодость уже не приходилось.

В тот день перед спектаклем я прогулялся вдоль Темзы, поскольку в кои-то веки, впервые после долгой и холодной зимы, услышал, как трещит лед. Я стоял на причале Темпл и смотрел на реку. Огромные глыбы льда в водовороте серой воды налезали друг на друга и сталкивались, оглашая окрестности громким стуком и треском. Я пошел дальше по мягкому подтаявшему снегу, с облегчением думая, что вот наконец-то пришла весна.

Стоя у дверей, я поежился, несмотря на подбитое мехом пальто. Хотя воздух сегодня и был заметно теплее, холоду не убавилось, а я так и не набрал тот жирок, который растерял во время лихорадки полтора года назад.

Кто-то хлопнул меня по плечу, и от неожиданности я слегка подпрыгнул. Это был Роджер. Его худобу компенсировала толстая шуба. Рядом с ним, улыбаясь мне, стояла его жена Дороти с покрасневшими от холода щеками. Ее каштановые волосы скрывал французский капюшон, расшитый жемчугом.

– Ты пребывал в глубокой задумчивости, Мэтью, – сказал Роджер. – Размышлял о высоком моральном пафосе пьес?

– Высоком, как каланча, и тяжеловесном, как лошадь, – вставила Дороти.

– Уж это точно, – согласился я. – Кстати, кто выбирал пьесу?

– Казначей.

Роджер посмотрел на Роуленда, который был погружен в беседу со старым судьей и поминутно кивал с необычайно важным видом.

Понизив голос, Роджер продолжал:

– Он искал что-нибудь далекое от политики. В наше время это весьма осмотрительно, но итальянская комедия была бы лучше.

Мы вместе прошли через двор. Я обратил внимание на то, что снег с фонтана Гейтхаус-корта, замерзшего добрых три месяца назад, почти сошел, обнажив дорожки серого льда. Пройдет совсем немного времени, и фонтан вновь заработает, наполняя двор нежным плещущим звуком. На поверхности льда виднелось несколько монеток. Люди продолжали бросать монетки даже в замерзший фонтан – на удачу как в судебных, так и в сердечных делах. Как бы яростно адвокаты ни отрещивались от этого, они все же были самым суеверным из всех сословий.

У двери нас приветствовал Элиас, старый дворецкий Роджера, служивший в этой семье уже многие годы. Он проводил меня на второй этаж. Там я помыл руки и прошел в гостиную, где толстые свечи отбрасывали уютный маслянистый свет на кресла и диваны. Около дюжины гостей – сплошь адвокаты и их жены – либо сидели, развалившись, либо стояли, под-

пирая стены, а Элиас и мальчик обносили их вином. В очаге гудело пламя, наполняя комнату теплом и сладким ароматом душистых трав, разложенных на деревянном полу. Огонь отражался в столовом серебре, которым был уставлен накрытый белоснежной крахмальной скатертью стол. Стены были увешаны картинами в богатых рамах, в основном портретами библейских персонажей. Такова была последняя мода. Над большим камином располагался, пожалуй, самый ценный предмет обстановки во всем Линкольнс-Инн, гордость и отрада Роджера. Это было большое деревянное резное панно, на котором ветки деревьев затейливо сплетались со стеблями цветов, висели фрукты, выглядывали морды различных животных: медведей, оленей и даже единорога. Рядом с этим шедевром деревянного творчества Роджер вел оживленную беседу с Амброузом Лодером, юристом из моей адвокатской конторы. В каждом движении Эллиарда сквозила неумная энергия, он возбужденно жестикулировал, доказывая что-то толстому Лодеру, стоявшему неподвижно со скептической миной на краснощекой физиономии.

Дороти, со своим обычным веселым и добродушным выражением лица, ярким пятном выделялась на фоне черных одеяний двух юристов. На ней было зеленое платье из шелковой узорчатой ткани, с золотым отделочным кантом впереди и высоким воротником, открытым у горла. Этот наряд ей очень шел. Увидев меня, она извинилась перед мужчинами и направилась в мою сторону.

Я знал Дороти почти двадцать лет. Ее отец был барристером высшего ранга в моей первой адвокатской конторе. В то время нам обоим было двадцать с небольшим, и меня необычайно влекли ее изящество, ум и доброта – редкое сочетание качеств. А ей, похоже, вполне нравилась моя компания, и, поскольку она не испытывала ни малейшего предубеждения против моего горба, мы скоро стали друзьями. Через некоторое время я осмелился мечтать о том, что наша дружба может перерасти в нечто большее. Правда, я никак не выдавал своих истинных чувств, и поэтому мне оставалось винить лишь самого себя, когда я узнал, что Роджер, мой друг и коллега, уже сделал ей предложение руки и сердца и оно принято. Позже он уверял, и я с готовностью верю ему, что не подозревал о моих чувствах по отношению к Дороти. Она же пыталась подсластить пилюлю, уверяя, что все вышло как нельзя лучше, иначе она, мол, оказалась бы перед слишком сложным выбором. В это было трудно поверить, поскольку Роджер сочетал в себе красоту, ум и неумную энергию, благодаря которой он был подвижен, как ртуть.

Дороти, как и я, разменяла недавно четвертый десяток, но, если не брать в расчет небольших морщинок вокруг глаз, выглядела гораздо моложе. Она наклонилась, и я расцеловал ее в пухлые щечки.

– Веселого Пальмового воскресенья тебе, Дороти.

– И тебе тоже, Мэтью. – Она сжала мне руку. – Как твоё самочувствие?

– Сейчас вполне сносно.

Меня часто беспокоила спина, но в последние месяцы я добросовестно выполнял все упражнения, которые прописал мне мой друг доктор Гай, и чувствовал себя гораздо лучше.

– Выглядишь ты хорошо.

– А ты, Дороти, с каждым годом выглядишь все моложе. Пусть этот год принесет тебе мир и процветание.

– Хотелось бы надеяться. Но недавно случилось весьма странное знамение, ты не слышал? Темза выбросила на берег двух огромных рыб – здоровенных, серого цвета, с половину дома каждая. Раньше они, видимо, находились подо льдом.

Огоньки, плясавшие в глазах Дороти, подсказывали мне, что ей эта история представляется восхитительно абсурдной.

– Они были живыми?

– Нет, они лежали на грязном берегу Темзы в районе Гринвича. Люди сотнями переходили через Лондонский мост, чтобы поглазеть на них. Все твердят, что в канун Пальмового воскресенья такое знамение предвещает нечто ужасное.

– В последнее время люди во всем видят знамения. Среди лондонских начетчиков это стало настоящей модой.

– Верно.

Вероятно, уловив в ответе горькую нотку, она бросила на меня испытующий взгляд. Двадцать лет назад Дороти, Роджер и я – мы все были сторонниками Реформации, надеясь на то, что благодаря ей в мире возникнет новое христианское братство. Дороти и Роджер до сих пор верили в это. И хотя многие из их теперешних гостей в прежние дни тоже тяготели к реформаторству, в последнее время большинство обрело тихую гавань в повседневной профессиональной жизни. Люди были напуганы или разочарованы волнами религиозных конфликтов и репрессий, которые приобрели еще больший размах через десять лет после окончательного разрыва между нашим королем и Римом. Любопытно, думалось мне, догадывается ли Дороти о том, что моя вера тоже поизносилась до дыр и вот-вот закончится?

Она переменяла тему разговора:

– Но есть и хорошая новость. Сегодня мы получили письмо от Сэмюэля. Значит, дороги в Бристоль снова открыты. – Она вздернула черные брови. – Воспользовавшись своим даром читать между строк, я пришла к выводу, что у него появилась девушка.

Сэмюэль был единственным сыном Роджера и Дороти, светом их очей. Несколько лет назад они переехали в Бристоль, родной город Роджера, где ему предложили должность рекордера – мирового судьи с юрисдикцией по уголовным и гражданским делам. Год назад он вернулся к своей практике в Линкольнс-Инн, но Сэмюэль, который в свои восемнадцать лет находился в учении у торговца мануфактурой, отказался переезжать, чем, насколько мне было известно, весьма расстроил родителей.

Я мягко улыбнулся:

– А ты уверена, что не домысливаешь в этом письме то, что хотела бы в нем прочесть?

– Нет! Он даже имя ее назвал – Элизабет. Она дочь торговца.

– До окончания срока учения он не сможет на ней жениться.

– Вот и хорошо. Значит, у них будет время, чтобы понять, подходят ли они друг другу. –

На губах Дороти появилась плутовская улыбка. – А у меня – возможность послать в Бристоль какого-нибудь шпиона. Хотя бы твоего помощника, Барака. Я слышала, ему нет равных в делах такого рода.

Я рассмеялся:

– Барак по горло занят работой на меня. Придется тебе поискать другого шпиона.

– Мне нравится его едкое чувство юмора. Кстати, у него все в порядке?

– В прошлом году они с женой потеряли ребенка. Для него это стало тяжелым ударом, но он держится.

– А она?

– Я давно не видел Тамазин. Все собираюсь пригласить их в гости, да никак не соберусь. А надо. Она столько возилась со мной, когда меня скрутила лихорадка.

– Суд прошений забирает все твое время². А еще то, что ты стал барристером высшего ранга. Я никогда не сомневалась в том, что ты когда-нибудь достигнешь подобных высот.

– Да, – улыбнулся я. – И это хорошая работа. Уже больше года прошло с тех пор, как архиепископ Кранмер назначил меня одним из двух барристеров, защищающих в суде интересы бедняков, а с этим назначением пришло и звание барристера высшего ранга. Никогда раньше я не получал такого удовольствия от своей работы. Но должен признаться, нагрузка весьма велика, а клиенты... Что ж, бедность не делает людей ни добрей, ни покладистей.

² Суд палаты прошений возник в XVI в. для разбора дел небогатых тяжущихся, которым было отказано в судах общего права. Компетенция суда была столь же обширна, как и у канцлерского, но касалась менее значительных дел. Этот суд был проще, дешевле и потому популярнее среди населения.

– И не может сделать! – с горячностью подхватила Дороти. – Бедность – это проклятие!
– Но я не жалуюсь. Даже такая работа бывает разной.

Я помолчал.

– Вот как раз сейчас у меня появилось новое дело. Мальчика упрятали в Бедлам³. Завтра я встречаюсь с его родителями.

– В Пальмовое воскресенье?

– Дело не терпит отлагательств.

– Понятно. Сумасшедший клиент.

– Сумасшедший он или нет, еще предстоит выяснить. Его отправили туда по приказу Тайного совета. Это одно из самых странных дел, которые мне только попадались. Весьма, весьма интересное, хотя, признаюсь, связываться с Тайным советом мне бы не хотелось.

– Ты обеспечишь торжество правосудия, я в этом не сомневаюсь. – Дороти положила ладонь мне на плечо. – Мэтью!

Рядом со мной внезапно возник Роджер и горячо пожал мою руку. Он был невысок и гибок, с худым, но красивым лицом, не знающими покоя голубыми глазами и черной шевелюрой, уже начинавшей редеть. Его, как всегда, переполняла энергия. Даже несмотря на то, что Дороти досталась ему, я любил этого человека всей душой.

– Я слышал, вы получили письмо от Сэмюэля? – спросил я.

– Ага, написал, чертенок! Наконец-то!

– Меня ждут дела на кухне, – проговорила Дороти. – Скоро увидимся, Мэтью. Поговори пока с Роджером, у него есть интересная идея.

Я проводил ее легким поклоном, снова повернулся к Роджеру и тихо спросил:

– Ну что, как твои дела?

Он тоже понизил голос:

– Со мной такого больше не было, но я был бы рад повидаться с твоим другом доктором.

– Я заметил, как ты резко отвел глаза в сторону, когда во время спектакля Блуд скрючился на сцене.

– Да, это пугает меня, Мэтью.

Вид у него вдруг стал беспомощным и беззащитным, как у ребенка.

На протяжении последних недель Роджер несколько раз без всяких видимых причин терял сознание и падал в обморок. Он боялся, что у него начинается падучая – ужасная болезнь, которая заставляет здорового с виду человека ни с того ни с сего валиться на землю, корчиться и рычать аки зверь. Болезнь неизлечимая, которую одни считают разновидностью временного умопомешательства, другие – свидетельством одержимости дьяволом. То, что приступ мог начаться в любой момент, заставляло людей сторониться больных этим недугом, и уж по крайней мере, ни о какой карьере юриста для них и речи быть не могло.

Я ободряюще сжал его руку:

– Гай докопается до причин, обещаю тебе.

Роджер открыл передо мной душу за ужином на прошлой неделе, и я пообещал ему устроить встречу с моим другом доктором не позже чем через четыре дня.

Роджер хитро улыбнулся:

– Будем надеяться, я услышу от него то, что хочу услышать. Дороти я сказал, что у меня рези в желудке. Думаю, так будет лучше. Ведь женщины готовы паниковать из-за любого пустяка!

³ *Бедлам* (искаж., от *англ.* Bethlehem: Bethlehem Royal Hospital, Вифлеемская королевская больница) – изначально английский монастырь сестер и братьев «Звезды Вифлеема», основанный в 1247 г. мэром Лондона С. Фитмэри. С 1330 г. служил госпиталем, а с 1402 г. – местом содержания и лечения душевнобольных. Получил печальную известность из-за жестокого обращения с больными.

– Мы тоже, Роджер, – улыбнулся я. – И иногда без всяких поводов. Причины твоих обмороков могут быть любыми, и не забывай, обморок – не припадок. Настоящих припадков у тебя, к счастью, не было.

– Да, я знаю.

– Дороти сказала мне, что у тебя родилась какая-то новая идея. – Я решил сменить гнетущую тему.

– Верно. – Он криво ухмыльнулся. – Я как раз излагал ее другу Лодеру, но его она, похоже, не заинтересовала.

Роджер обвел взглядом своих гостей и тихо добавил:

– Дело в том, что все мы здесь не бедные.

Он взял меня под руку и отвел чуть дальше в сторону.

– Я читал последнюю книгу Родерика Мора «Плач христиан по Лондону».

– Тебе следует быть осторожнее. Некоторые называют ее крамольной.

– Их пугает правда. – Голос Роджера звучал тихо, но настойчиво. – Господи, книга Мора – это обвинительный акт в адрес нашего города. В ней показано, как все богатства монастырей перешли к королю и его царедворцам. Закрывались монастырские школы и больницы, хворые оказывались предоставленными самим себе. Если раньше они могли рассчитывать на помощь монахов, то теперь лишились и этого. Легионы несчастных, лежащих на улицах, больных и полумертвых от голода – это позор всем нам. Вчера в Чипсайде я видел мальчика, сидевшего на мостовой возле какой-то двери. Его голые ноги были обморожены и поражены гангреной. Я дал ему шестипенсовик, но ему была нужна больница, Мэтью.

– Но как ты уже сказал, они в своем большинстве закрыты.

– И именно по этой причине я собираюсь добиваться открытия больницы, которая будет существовать на средства судебных корпораций. Сначала соберем деньги по подписке, потом пойдут добровольные взносы адвокатов.

– Ты говорил об этом с казначеем?

– Еще нет. – Роджер вновь улыбнулся. – Сначала я хотел опробовать убедительность моих аргументов на этих людях. – Он кивнул на пышнотелого Лодера. – Амброуз, к примеру, говорит, что нищие представляют опасность для прохожих своими ужасными гнойными язвами и зловонными миазмами. Он готов пожертвовать некоторое количество денег на то, чтобы очистить от них улицы. Другие жалуются на надоедливых попрошайек, которые шагу не дают ступить. Этим я пообещал спокойную жизнь без нищих. Для тех, кто не склонен к благотворительности, найдутся свои аргументы. – Роджер перестал улыбаться и устремил на меня серьезный взгляд голубых глаз. – Ты мне поможешь?

Я задумался.

– Даже если эта твоя затея увенчается успехом, что сможет одна больница на фоне беспросветной нищеты, царящей вокруг?

– Помочь хотя бы нескольким несчастным.

– Я помогу тебе всем, что будет в моих силах.

Если кому и была по плечу подобная задача, то только Роджеру. Его безудержная энергия и быстрый ум дорогого стоили.

– Я первым сделаю взнос по подписке и, если хочешь, помогу тебе провести ее среди других.

Роджер стиснул мои пальцы:

– Я знал, что ты поможешь. Скоро я организую комитет...

– Еще один комитет?

Это вернулась Дороти, раскрасневшаяся после кухонного жара. Она бросила на мужа шутливо-вопросительный взгляд. Роджер обнял ее за талию.

– Это связано с больницей, милая.

– Людей будет нелегко убедить. Их кошельки и так отощали после всех королевских налогов.

– И отощают еще больше, – добавил я. – Говорят, у нового парламента потребуют новых денег, чтобы король мог пойти войной на Францию.

– Пустая трата денег, – с горечью произнес Роджер. – А сколько пользы они могли бы принести! Но с другой стороны, для него это самый подходящий момент, чтобы проверить подобное мероприятие. Сейчас, когда король скоттов умер и на троне находится девочка-младенец, Шотландия не сможет вмешаться в войну на стороне Франции.

Я кивнул в знак согласия:

– Король отправил шотландских лордов, плененных при Солуэй-Мосс, домой, но прежде они, как рассказывают, поклялись поженить принца Эдварда и наследницу шотландского трона Марию.

– Ты, как всегда, прекрасно информирован, Мэтью, – проговорила Дороти. – Барак до сих пор приносит тебе на хвосте сплетни от своих дружков из числа дворцовой челяди?

– А почему бы и нет?

– Я слыхала, что король присмотрел себе новую жену.

– Эти слухи не затихают с того самого дня, как казнили Кэтрин Говард, – фыркнул Роджер. – Интересно, кто будет новой счастливицей?

– Леди Латимер, – ответила Дороти. – На прошлой неделе умер ее муж, и послезавтра состоятся пышные похороны. Это означает, что король поразвлечется с ней в течение нескольких лет, а дальше – одному богу известно.

Эти слухи до меня не доходили.

– Бедняжка, – проговорил я, перейдя на шепот. – Ей стоит побеспокоиться о своей голове.

– Да, – кивнула Дороти.

Несколько секунд она молчала, а потом подняла руки над головой, хлопнула в ладоши и громко крикнула:

– Друзья мои, ужин готов!

Мы дружно отправились в столовую. Длинный старинный дубовый стол был уставлен серебряными приборами, слуги под неусыпным наблюдением Элиаса расставляли блюда с угощением. Гордостью стола были четыре больших цыпленка. Вообще-то, в Великий пост дозволялось есть только рыбу, но поскольку река в эту лютую зиму сильно промерзла, цены на нее взлетели до небес, и король разрешил подданным есть белое мясо.

Мы расселись. Я оказался между Лодером и Джеймсом Рипроузом, старым барристером с жесткими бакенбардами, обрамлявшими сморщенное, как печеное яблоко, лицо.

Напротив нас сидели Дороти, Роджер и миссис Лодер – такая же пухлая и самодовольная, как ее муж. Она одарила меня улыбкой, продемонстрировав полный набор белоснежных зубов, после чего, к моему вящему изумлению, сунула пальцы в рот и вытащила оба ряда. Я заметил, что зубы крепились к двум деревянным протезам, выточенным с таким расчетом, чтобы надеваться на несколько гнилых пеньков – все, что осталось от ее настоящих зубов.

– Они выглядят просто изумительно, – сказала дама, перехватив мой взгляд. – Их изготовил для меня лекарь-брадобрей из Чипсайда. Разумеется, кушать с ними я не могу.

– Убери их, Джоанна, – произнес ее муж. – Никто не желает любоваться твоими зубами во время еды.

Джоанна надула губы, насколько это вообще было возможно без единого зуба во рту, а потом убрала вставную челюсть в маленькую коробочку, которую спрятала в многочисленных складках своего платья. Я с трудом удержался от того, чтобы не поежиться. Мода, заимствованная у французов и получившая распространение в высшем свете Англии – носить полон рот зубов, вырванных у мертвецов, – казалась мне отвратительной.

Роджер вновь заговорил о больнице, которую задумал создать, только теперь свои аргументы он адресовал старому Рипроузу.

– Подумайте о тех больных и беспомощных, которых мы могли бы забрать с улиц и, возможно, вылечить, – убеждал он.

– О, это было бы стоящим делом, – соглашался старик, – но как быть с другими нищими: здоровыми и вполне дееспособными, которые заполнили улицы и не дают прохожим шагу ступить, требуя подаяния, а подчас и угрожая? Что делать с ними? Я старый человек, и мне иногда бывает страшно выйти из дома одному.

– Очень верное замечание, – согласно затараторил брат Лодер, перегнувшись через меня, чтобы его могли слышать другие участники разговора. – Те двое, которые в прошлом ноябре ограбили и убили несчастного брата Гудкоула возле ворот, были монастырскими слугами, лишившимися хозяев. И их нипочем не изловили бы, не начни они бахвалиться в таверне, где пропивали денежки бедного Гудкоула, и не окажись ее хозяин честным человеком. Он-то и вызвал констебля.

– Ага, ага, – часто закивал Рипроуз. – Нет ничего удивительного в том, что оставшиеся бесхозными слуги безнаказанно воруют и убивают, а город может предложить нам в качестве защитников всего несколько констеблей, в большинстве своем таких же стариков, как я.

– Городской совет должен назначить сильных мужчин, которые сумеют выжечь эту заразу каленым железом! – припечатал Лодер.

– Ну к чему такие жестокости, Амброуз? – тихо укорила его жена. – Помнится, в молодости ты доказывал, что безработные бедняки имеют право на получение работы, что город должен платить им за полезный труд, к примеру за мощение улиц. Ты всегда цитировал Эразма Роттердамского и Хуана Вивеса, писавших об обязанностях христианской общины по отношению к обездоленным.

Закончив эту тираду, женщина одарила мужа приторной улыбкой. Возможно, это была ее месть за колкое замечание относительно вставной челюсти.

– Точно-точно, Амброуз, я тоже хорошо это помню, – с готовностью ухватился за неожиданную поддержку обрадованный Роджер.

– И я, – подхватила Дороти. – Ты очень сурово отзывался насчет обязанностей короля в отношении бедных.

– Ну, поскольку с той стороны данной проблемой, похоже, никто не интересуется, я не представляю, что мы можем тут сделать. Поселить десять тысяч вшивых попрошаек в лучших гостиницах и кормить их за столом для почетных гостей?

– Нет, – мягко ответил Роджер, – просто использовать наш статус состоятельных людей, чтобы помогать хотя бы немногим несчастным до тех пор, пока не настанут лучшие времена.

– Однако по улицам стало тошно ходить не из-за одних только попрошаек, – мрачно проговорил старый Рипроуз. – Теперь на каждом углу появились эти пустозвоны-начетчики с Библиями в руках. Один вон каждый день с утра до вечера торчит в конце Ньюгейт-стрит и что-то гавкает про грядущий апокалипсис.

За столом послышался одобрителный гул голосов.

За годы, прошедшие после падения Томаса Кромвеля, поддержка королем реформаторов, которые воодушевили его на разрыв с Римом, исчерпала себя. Он никогда в полной мере не разделял лютеранские воззрения, а сейчас в значительной степени дрейфовал в обратную сторону, к старой форме религии – чему-то вроде католицизма без Папы. Причем этот процесс сопровождался все более жестоким подавлением любого инакомыслия. Сомневаться в том, что хлеб и вино во время таинства причастия действительно превращаются в тело и кровь Христовы, было равнозначно ереси, за которую полагалась смертная казнь. Даже концепция чистилища вновь обрела прежнюю респектабельность. Все это вместе являлось анафемой в адрес тех радикалов, для которых единственным источником истины являлась Библия. Пре-

следования лишь заставили многих реформаторов влиться в ряды радикалов, и в Лондоне они были особенно осмелевшими и крикливыми.

– Знаете ли, что я видел сегодня на улице? – спросил кто-то из гостей. – Возле одной церкви люди раскладывали на снегу ветки, готовясь к завтрашнему празднованию Пальмового воскресенья. Неожиданно налетела целая свора юнцов-подмастерьев и раскидала ветки ногами, крича, что это папистский праздник, а Папа – антихрист.

– Этот религиозный радикализм является для черни дополнительным поводом устраивать вакханалии, – угрюмо заметил Лодер.

– Да, завтра могут возникнуть проблемы, – сказал Роджер.

Я кивнул. В Пальмовое воскресенье в традиционных церквях состоятся литургии, по улицам пройдет процессия, во главе которой будет шагать ослица, везущая младенца. А проповедники-радикалы в своих церквях станут поносить привычные церемонии, объявляя их папистским богохульством.

– Будет еще одна чистка, – с ноткой обреченности в голосе проговорил кто-то. – До меня дошли слухи, что епископ Боннер намерен с новой силой обрушиться на людей Священного Писания.

– Только бы не было больше никаких аутодафе, – негромко проговорила Дороти.

– Город не поддержит этого, – заявил Лодер. – Люди не любят радикалистов, но сожжения им нравятся и того меньше. Боннер не посмеет зайти так далеко.

– Вы полагаете? – осведомился Роджер. – Разве он не такой же фанатик, только находящийся по другую сторону баррикад? Весь город оказался разделен на две части.

– Большинство людей хотят всего лишь спокойной жизни, – проговорил я. – Даже те из нас, кто прежде называл себя радикалистами.

Я хитро улыбнулся, посмотрев на Роджера, и он кивнул, поняв намек.

– Фанатики со всех сторон, – сокрушенно проворчал Рипроуз. – А мы, обычные бедные люди, посередке. Иногда я со страхом думаю, что они принесут всем нам смерть.

Компания разошлась далеко за полночь, и одним из последних ушел я. Выйдя из дома, я почувствовал, что, пока мы сидели за столом, на улице опять подморозило и подтаявший снег превратился в наст, хрустевший под подошвами башмаков.

После разговора, состоявшегося за столом, настроение мое было уже не столь радужным. Все верно, Лондон превратился в несчастный город – город нищих и фанатиков. Если состоится чистка, ситуация станет еще хуже. Кое о чем я умолчал за ужином. Родители мальчика, отправленного в Бедлам, являлись членами радикальной протестантской конгрегации, и проблемы с психическим здоровьем их сына имели религиозное наполнение. Я не хотел бы иметь ничего общего с этим делом, но должность обязывала рассматривать жалобы граждан, а родители мальчика мечтали, чтобы их сына отпустили.

За спиной послышался хруст наста под чьими-то ногами. Я вздрогнул и обернулся. Обнесенная стеной территория Линкольнс-Инн обычно была довольно безопасным местом, но теоретически злоумышленники могли пробраться и сюда. Ночь была темной, луну наполовину скрыли облака, и в этот поздний час лишь несколько окон отбрасывали на снег квадраты света.

– Кто здесь? – окликнул я темноту.

Никто не ответил, но зато до моего слуха донесся быстрый звук удаляющихся шагов. Наморщив лоб, я двинулся в том же направлении. Звук доносился от дальнего конца постройки, в которой жили Эллиарды. Она имела общую стену со зданием Линкольнс-Инн. Заворачивая за угол, я положил ладонь на рукоятку кинжала.

Впереди находилась внешняя стена. Тот, кто оказался между мной и нею, загнал себя в ловушку. Но... там никого не было. Маленький пяточок между постройками и двенадцатифутовой стеной был совершенно пуст. По моему позвоночнику пробежал холодок.

А потом я увидел, что снежная опушка на верхней кромке стены нарушена. В этом месте через стену только что кто-то перелез. Я стоял и молча созерцал эту картину. Чтобы перемахнуть через четырехметровую стену, необходимо обладать нечеловеческой силой и ловкостью. В иной ситуации я сказал бы, что это невозможно, но пустой двор и потревоженный снег на стене говорили красноречивее любых слов.

Размышляя о том, что все это может значить, я двинулся обратно. Нужно будет завтра же сказать сторожу, чтобы он насыпал на верхнюю кромку стены битого стекла.

Глава 2

На следующий день я отправился на службу спозаранку. Родителям мальчика, помещенного в Бедлам, было назначено на девять. Информация о деле, которую мне прислали из суда общих тяжб, была хоть и разрозненной, но пугающей. «За поношение истинной веры в припадке безумия», как значилось в предписании, мальчика определил в Бедлам ни много ни мало сам Тайный совет, хотя претензий к парню не высказал даже епископский суд. Значит, дело политическое и, следовательно, в высшей степени опасное. Я попытался успокоиться, напомнив себе, что в любых действиях ни на шаг не отойду от норм и рамок юридической практики, но снова посетовал на судьбу за то, что заниматься этим делом выпало именно мне.

Из бумаг следовало, что мальчик, Адам Кайт, является сыном главного каменотеса и активного прихожанина церкви Святого Мартина, расположенной на Крик-лейн. Я отправил туда Барака, и тот, вернувшись, охарактеризовал тамошнего vicaria как «ругателя и визгуна».

Это само по себе было неутешительной новостью. Из опыта общения с духовными отцами я вынес убеждение, что они в большинстве своем упрямые, несговорчивые люди, которые вколачивают в собеседника библейские цитаты, как плотник гвозди.

Задумавшись, я по невнимательности наступил в лужу разлитых на мостовой помоев, поскользнулся и едва не упал. Кто-то засмеялся.

Во всех церквях города звонили колокола, возвещая о наступлении Пальмового воскресенья. В последнее время я ходил в церковь, только когда в этом возникала насущная необходимость. В следующее воскресенье я собирался навестить в дом Божий, чтобы совершить ежегодную исповедь и причаститься. Не могу сказать, что я с нетерпением ожидал наступления этого дня.

Очередной каприз погоды принес оттепель, и Канцлер-лейн развезло не хуже проселочного тракта. Проходя через ворота Линкольнс-Инн, я думал, соизволит ли казначей хоть чуть-чуть раскошелиться, чтобы сделать Линкольнс-Инн неприступным для злоумышленников. Сторожу я, как и собирался, рассказал о том, как накануне ночью едва не столкнулся с незванным гостем.

Холодная капелька вдруг поползла по моему лицу. За ней – вторая, третья... Первый дождь после двух месяцев сплошных снегопадов. К тому моменту, когда я добрался до своей конторы, разразился настоящий ливень, и моя шапка промокла насквозь. К моему удивлению, Барак уже находился в приемной. Он развел огонь в камине и расположился за большим столом, приводя в порядок документы для завтрашнего судебного заседания. Столешница вокруг него была завалена прошениями, письменными показаниями, заявлениями. Красивое лицо моего помощника осунулось, глаза покраснели от недосыпа, щеки покрывала щетина.

– Ты бы побрился, а не то его честь удалит тебя из зала «за неуважение к суду».

Несмотря на мои грубоватые манеры, между нами существовала крепкая дружба. Мы познакомились, работая по заданию прошлого хозяина Барака, королевского министра Томаса Кромвеля. После того как три года назад Кромвеля казнили, Барак стал работать на меня и оказался хоть и нестандартным, но весьма эффективным помощником.

– Ладно, – проворчал он. – Родители писюна-психа скоро придут.

– Не называй его так, – велел я, просматривая подготовленные Бараксом бумаги.

Все находилось в идеальном порядке, каждый документ сопровождала аннотация, написанная каллиграфическим, напоминающим вереницу крохотных паучков почерком Барака.

– Ты и в воскресенье сидишь на службе? И вчера наверняка тоже здесь был? Ты явно уделяешь бедняжке Тамазин меньше внимания, чем она заслуживает.

– За нее можете не волноваться, – буркнул мой помощник, встал и принялся собирать гроссбухи и документы.

Я смотрел на него и недоумевал, что могло случиться между ним и его женой, чтобы Барак дневал и, судя по его виду, даже ночевал на службе. Тамазин была замечательной женщиной, такой же энергичной и жизнелюбивой, как сам Барак. Они поженились в прошлом году, хотя произошло это несколько второпях. В связи с ее беременностью. Их сын умер в тот же день, когда родился. Барак продолжал вести себя в обычной для него манере грубоватой непочтительности, но теперь что-то странное звучало в его шутках, а иногда и появлялось в глазах. Я знал: потеря ребенка часто заставляет супругов крепче держаться друг за друга. А еще чаще – разводит.

– Ты видел родителей Адама Кайта вчера, когда они приходили договариваться о встрече. И отца семейства, и его супругу. Что они собой представляют?

Барак повернулся ко мне:

– Рабочие люди. Он каменотес. Начал с того, как велика милость Всевышнего, позволившего обратиться с их делом в суд прошений, поскольку Он никогда не оставляет своей благодатью тех, в чьей душе живет истинная вера. – Барак сморщил нос. – По-моему, они зациклены на Библии. Набожные люди, насколько я успел заметить, обычно выглядят весьма уверенными в себе, а эти Кайты больше напоминают парочку драных котов.

– Неудивительно, учитывая то, что случилось в их семье.

– Я понимаю.

Казалось, что Барак колеблется. Наконец он спросил:

– А вы что, и впрямь пойдете туда, где соберутся все эти припадочные, чтобы рвать на себе одежды и греметь своими цепями?

– Наверное. – Я снова заглянул в бумаги. – Мальчику семнадцать лет. Предстал перед Тайным советом третьего марта за необузданное и непристойное поведение в склепе Креста Благовествующего у собора Святого Павла, где «метался, издавая странные стоны и крики». Был направлен в Бедлам для излечения. Дальше – ничего. Никаких обследований состояния его здоровья врачом или консилиумом врачей не проводилось. Это против правил.

Барак устремил на меня очень серьезный взгляд:

– Ему еще повезло, что его не обвинили в ереси. Вспомните, что произошло с Ричардом Мекинсом и Джоном Коллинзом.

– Нынче совет ведет себя более осторожно.

Мекинс был пятнадцатилетним подмастерьем, которого сожгли на рыночной площади Смитфилда за то, что он посмел усомниться в присутствии плоти и крови Христовой в таинстве причастия. Дело Джона Коллинза было страшнее: этот юнец пустил стрелу в изваяние Христа внутри церкви. Многие посчитали его сумасшедшим, но, поскольку в прошлом году король выпустил эдикт, позволяющий казнить умалишенных, Коллинза тоже сожгли заживо. Жестокость этих расправ заставила народ ополчиться против стальной религиозной узды, с помощью которой епископ Боннер правил городом. С тех пор аутодафе не случались.

– Говорят, Боннер решил снова взяться за радикалов, – заметил Барак.

– То же самое я слышал вчера за ужином. А что думаешь обо всем этом ты, Джек?

У Барака до сих пор сохранились друзья среди тех субъектов, что работали на королевский суд, изображая из себя завсегдатаев таверн и пивнушек и рассказывая потом своим хозяевам о царящих в народе настроениях. Мне казалось, что совсем недавно он провел не один час, выпивая с этими сомнительными старыми приятелями.

Барак снова посмотрел на меня серьезным взглядом:

– Говорят, что теперь, когда Шотландия больше не представляет собой опасности, король хочет заключить союз с Испанией и пойти войной на Францию. Но для того чтобы стать приемлемым союзником для императора Карла, он должен проявить жесткость по отношению к еретикам. Вот почему он, по слухам, проталкивает через парламент закон, который запретит женщинам и простолюдинам читать Библию, а епископу Боннеру предоставит более широкие

полномочия чинить расправы над лондонскими переводчиками Библии. По крайней мере, так толкуют в Уайтхолле, так что я на вашем месте был бы поосторожнее с этим делом.

– Понятно. Спасибо тебе.

Информация Барака ставила меня в еще более щекотливое положение. Я выдавил из себя улыбку:

– А вчера за ужином до меня дошел слух, что король присмотрел себе новую жену. Леди Латимер.

– Насколько мне известно, это правда. Но на сей раз у него, похоже, не все гладко. Он не по нраву этой даме.

– Она ему отказала? – изумился я.

– Так говорят. Ее можно понять. У короля покрыты язвами обе ноги, и по Уайтхоллу он передвигается в основном на носилках. С каждым годом он становится все толще, а его характер – все хуже. Кроме того, болтают, что ее сердце уже принадлежит кому-то другому.

– Кому же?

– Об этом ничего не известно.

Поколебавшись, Барак добавил:

– Возможно, для этого дурня Кайта было бы лучше остаться в Бедламе. Да и для вас тоже.

По крайней мере, тогда вам не пришлось бы снова связываться с Тайным советом.

Мне оставалось лишь вздохнуть.

– Я адвокат и действую в рамках закона.

– У вас не получится прикрываться законом, коли в деле замешаны такие люди. Вы сами это знаете.

Барак, как, собственно, и мне, было неудобно от одной мысли, что опять придется иметь дело с могущественными врагами, которых мы нажили в прошлом. Ведь в Тайном совете заседали и герцог Норфолкский, и Ричард Рич.

– Мне просто не повезло, что это дело досталось именно мне, а не Хэрриотту, – сказал я. – Но поскольку так уж случилось, вести его буду я, причем с превеликой осторожностью. Я возьму бумаги к завтрашнему заседанию, а ты, как только появятся Кайты, проводи их сразу ко мне.

Слова Барака растревожили меня. Я прошел в свой кабинет, закрыл дверь и приблизился к разделенному надвое оконному проему. Дождь припустил еще сильнее, заливая стекло и не позволяя толком разглядеть Гейтхаус-корт. Я слегка поежился. Стук дождя, барабанищего в окно, неизменно воскрешал в памяти ту ужасную ночь, когда, ровно полтора года назад, я в первый и последний раз в жизни убил человека. Спасая собственную жизнь. И все равно ужасный предсмертный хрип до сих пор преследовал меня. Я глубоко вздохнул. Увы, от хорошего настроения вчерашнего вечера не осталось и следа. Может, ощутив себя счастливым, пусть даже ненадолго, я сам себя сглазил?

Бедлам, думал я. Само это название вызывало у жителей Лондона страх и отвращение. В течение долгого времени Вифлеемская больница являлась единственным в городе медицинским заведением, где лечили умалишенных. Хотя сумасшедшие были обычным явлением на улицах Лондона и почти у каждого горожанина имелись знакомые семьи, в которых кто-то тронулся умом, люди старались держаться от помешанных подальше. Их боялись не только потому, что считали опасными или, хуже того, одержимыми. Просто они являлись живым напоминанием, что безумие может настичь любого – внезапно и приняв одну из тысячи ужасных форм. Вот почему Роджер так боялся, что проявившиеся у него симптомы являются предвестниками падучей. В Бедлам, насколько мне известно, помещали только самых тяжелых больных. Некоторые были выходцами из богатых семей, другие содержались там за счет благотворительных взносов. А время от времени туда – с глаз долой – сажали таких, как Адам Кайт, оказавшихся костью в горле властей предержавших.

В дверь постучали, и Барак впустил супружескую пару средних лет. Я удивился, увидев, что вместе с ними в кабинет вошел и некто третий – священнослужитель в длинной рясе. Он был высок и худ, с густыми бровями, пышной седеющей шевелюрой и красным холерическим лицом. Муж и жена были одеты во все черное и имели подавленный вид. Маленькая хрупкая женщина напоминала птичку и еле удерживалась от рыданий. Ее муж был высоким широкоплечим мужчиной с обветренным лицом. Он поклонился, она сделала глубокий реверанс. Церковник окинул меня холодным оценивающим взглядом. Похоже, его не впечатлили ни Линкольнс-Инн, ни моя черная мантия, ни кабинет, заставленный книгами по юриспруденции.

– Я адвокат высшей категории Шардлейк. А вы, должно быть, мастер и госпожа Кайт?

Я улыбнулся, пытаюсь помочь супругам расслабиться и почувствовать себя свободнее. Обычно сопровождающий бывает наиболее агрессивной стороной. Скорее всего, церковник, пожаловавший ко мне вместе с четой Кайт, является их приходским священником, и именно от него следует ожидать проблем.

– Дэниел Кайт, к вашим услугам, – представился мужчина, поклонившись. – А это моя жена Минни.

Женщина вновь присела и неуверенно улыбнулась.

– Мы очень благодарны вам за то, что вы решили потратить на нас воскресенье, – добавил Кайт.

– Пальмовое воскресенье, – с гримасой отвращения уточнил церковник. – По крайней мере, если уж мы оказались здесь, нам не придется лицеизреть все эти папистские церемонии.

Он с вызовом посмотрел на меня.

– Я Сэмюэль Мифон. Эта несчастная семья – мои прихожане.

– Прошу вас, садитесь, – предложил я.

Они рядом сели на лавку, причем Мифон оказался посередине. Минни нервно подвернула полы своего платья.

– Я ознакомился с бумагами, поступившими из суда, – сообщил я, – но в них содержатся лишь голые факты. Расскажите мне о том, что произошло с вашим сыном, с самого начала и во всех подробностях.

Дэниел Кайт бросил нервный взгляд на Мифона.

– Я предпочел бы услышать это от вас и вашей супруги, – поспешно вставил я. – Не считите за неуважение к преподобному, но свидетельства из первых рук наиболее ценные.

Мифон слегка поморщился, но кивнул, дозволяя мастеру Кайту говорить.

– Еще полгода назад наш сын Адам был великолепным парнем, полным жизни, здоровым. Для нас он благословение Господне, поскольку других детей у нас нет. Он работал подмастерьем в моей мастерской на рынке Биллингсгейт.

– Вы каменотес?

– Главный каменотес, с вашего позволения.

Несмотря на то что мужчина пребывал в расстроенных чувствах, в его голосе прозвучала нотка гордости. Я взглянул на его руки. Они были большими, заскорузлыми, испещренными шрамами.

– Я надеялся на то, что Адам пойдет по моим стопам и унаследует семейный бизнес. Он был на редкость трудолюбивым. И рьяным прихожанином нашей церкви.

– Истинно так, – с торжественным видом кивнул преподобный Мифон.

– Мы приверженцы истинной Библии, сэр, – с вызовом пояснил Кайт.

– Как бы ни смотрел на нас этот греховный мир, – добавил Мифон, метнув в меня яростный взгляд из-под кустистых бровей.

– Все, что вы сообщите мне относительно ваших религиозных убеждений, будет сохранено мною в тайне, – пообещал я.

– Как я погляжу, вы не веруете так, как веруем мы, сэр.

В голосе Дэниела Кайта прозвучала даже не злость, а жалость.

– Мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать мои воззрения, – с натянутой улыбкой заметил я.

Мифон вновь пронзил меня взглядом:

– Я вижу, Господь обидел вас, сэр, но уверен: Он сделал это лишь для того, чтобы вы имели возможность обратиться к Нему за помощью.

Во мне стала закипать злость. С какой стати этот незнакомец берет на себя смелость рассуждать о моем горбе? Дальнейшие разглагольствования церковника решительно пресекла Минни Кайт.

– Мы, сэр, хотим только одного, – сказала она, – чтобы вы помогли нашему бедному мальчику. Так скажите, может ли закон помочь нам?

– Но для начала вы расскажите мне обо всем, что произошло. Прямо, подробно и без утаек.

Минни съежилась от резких звуков моего голоса. Ее супруг, поколебавшись, продолжил свой рассказ:

– Я уже сказал вам, что Адам был замечательным мальчиком. Но примерно с полгода назад он вдруг сделался тихим, стал грустить, замыкаться в себе. Это не могло не беспокоить нас с матерью. Как-то раз я оставил его одного в мастерской. Когда я вернулся, он стоял в углу на коленях и молился, умоляя Всевышнего простить ему грехи. «Почему ты занят этим сейчас, Адам? – спросил я его. – Господь отвел одно время для работы и другое – для молитвы». Тогда сын подчинился, хотя мне показалось, что, поднимаясь с колен, он издал такой тяжелый вздох, какого я не слышал никогда прежде.

– Но с тех пор мы неоднократно слышали от него эти вздохи, – вставила Минни.

– Вот как все это начиналось. Мы всегда поощряли Адама в его стремлении возносить молитвы Господу, но с того момента он вообще ничем, кроме этого, не занимался.

Голос Кайта дрогнул, и мне переданся страх, затаившийся на дне души этого человека.

– В любое время суток, в любом месте, хоть в мастерской, хоть в дружеской компании, он мог вдруг бухнуться на колени и начать молиться. Истово, одержимо, прося Всевышнего отпустить его грехи и дать ему знак, если он спасен. Доходило до того, что он отказывался есть и лежал скрючившись в углу мастерской. Мы пытались поднять его, но он сопротивлялся и отказывался вставать, поджимая ноги. А когда все же вставал, каждый раз выпускал этот ужасающий вздох.

– В нем звучало отчаяние, – добавила Минни, – безысходность.

Она опустила голову, пряча слезы.

– Наш сын уверен в том, что он одержим, сэр, – проговорил Кайт, глядя на меня.

Я смотрел на троицу, сидевшую в кабинете. Как мне было известно, религиозные фанатики, разделявшие воззрения Лютера, считали, что человечество делится на спасенных и проклятых, что только те, которые придут к Нему через Библию, обретут спасение в день Страшного суда. Остальное человечество обречено гореть в геенне огненной на вечные времена. А день Страшного суда, конец света, предсказанный в Книге Откровения, должен был наступить, по их мнению, в самом скором будущем.

Я был почти благодарен Мифону за то, что тот нарушил затянувшееся молчание.

– Эти добрые люди привели своего сына ко мне, – заговорил он. – Я беседовал с Адамом, пытался убедить его в том, что иногда Господь посылает сомнения тем, кого любит больше других, чтобы испытать крепость их духа. Я провел с ним полных два дня в посте и молитвах, но так и не смог пробиться к его душе. – Преподобный покачал головой с видом полного отчаяния. – Он сопротивлялся всем моим усилиям.

Минни подняла на меня взгляд. Ее лицо было потерянным и безжизненным.

– К тому времени от Адама остались лишь кожа да кости. Мне приходилось кормить его с ложечки, пока муж держал его, чтобы он снова не бухнулся на пол. «Я должен молиться! – беспрестанно твердил он. – Я не спасен!» Подумать только, слова «молитва» и «спасение» стали вызывать во мне ужас!

– Какие грехи Адам приписывал себе? – спокойно осведомился я.

– Этого он не говорил. Похоже, ему казалось, что он совершил все возможные грехи. До этого он был простым жизнерадостным парнем, иногда шумным, беспечным, но не более того. Он никогда не делал ничего плохого.

– А потом стал убегать из дома, – заговорил Дэниел Кайт. – Прятался в дальних улицах и пустынных закоулках, где никто не мог помешать ему молиться. Нам приходилось в буквальном смысле охотиться на него.

– Мы боялись, что он замерзнет до смерти, – вставила Минни. – Он убегал, даже не надев шубы, и мы искали сына по отпечаткам его босых ног на снегу.

С неожиданной для меня яростью женщина ударила себя кулачком по колену.

– О, как он только мог поступать столь жестоко со своими бедными родителями? Вот это и есть настоящий грех!

Мужчина положил натруженную ладонь на руку жены:

– Ну же, Минни. Имей веру. Господь ниспошлет нам ответ.

Он повернулся ко мне:

– Десять дней назад, когда на дворе бесилась такая вьюга, что нормальный человек и носа из дома не высунет, Адам пропал. Я в последнее время держал сына в мастерской, чтобы не спускать с него глаз, но он стал проворным, как обезьяна, и стоило мне отвернуться, как он отпер дверь, выскользнул на улицу – и поминай как звали. Где мы только не искали его! Но так и не нашли. А вечером того же дня к нам заявился чиновник от епископа Боннера и сообщил, что Адама нашли стоящим на коленях прямо в снегу перед Крестом Благовествующим во дворе собора Святого Павла и умоляющим Всевышнего послать ему знак, что он спасен и будет вместе с другими избранными допущен в райские кущи. Он кричал, что близится конец света, молил Господа и Иисуса Христа не низвергать его в геенну огненную в день Страшного суда.

Минни не выдержала и разрыдалась, ее муж умолк. Было видно, что его тоже переполняют эмоции. Глубину страданий этих простых людей было невозможно измерить, а то, что сотворил их сын, являлось чрезвычайно опасным. В собор Святого Павла допускались только священнослужители. Религиозная доктрина короля состояла в том, что *sola fide*, «только вера», не способна обеспечить человеку царствие небесное. Даже теория о разделении человечества на спасенных и проклятых была менее ортодоксальной.

Я посмотрел на Мифона. Тот сидел с хмурым видом и задумчиво перебирал пальцами густые волосы на макушке.

– Когда же Адам предстал перед Тайным советом? – Я мягко попытался вернуть Дэниела Кайта к нашему делу.

– Да-да, – спохватился тот. – Его привезли туда из епископской тюрьмы. Вызвали и меня. Я приехал во дворец на Уайтхолл. Там, в большой комнате с пышным убранством, за столом сидели четверо мужчин в богатых одеждах. – Голос Дэниела дрогнул, на лбу выступили капельки пота. – Там был Адам, закованный в цепи, а с ним – тюремщик. – Он бросил взгляд на своего викария. – Преподобный Мифон тоже пришел туда, но ему не дали говорить.

– Они бы не стали меня слушать, – сказал Мифон и добавил с презрительной гримасой: – Да я на это и не рассчитывал.

Мысленно согласившись с преподобным, я спросил:

– Кто были те люди?

– В белых одеждах сидел архиепископ Кранмер. Я видел его, когда он служил мессу в соборе Святого Павла. Рядом еще один церковник, крупный мужчина злого вида, с каштаново-

выми волосами. Одежды двух других, как мне помнится, были отделаны мехами и драгоценными камнями. Один был маленьким, с пронзительным голосом, у другого – длинная бурая борода и худое лицо.

Я медленно кивнул. Маленьким бледным человечком, вероятно, был сэр Ричард Рич, бывший протеже Томаса Кромвеля, злобный двурушник, который после падения Кромвеля сразу же переметнулся в стан консерваторов. Второй по описанию напоминал лорда Хартфорда, брата последней королевы и реформатора. Церковником со злым лицом был, несомненно, лондонский епископ Боннер.

– Что они вам сказали?

– Они спросили, каким образом Адам оказался в подобном состоянии, и я честно рассказал им все, что знал. Бледный мужчина сказал, что это похоже на ересь и мальчика необходимо сжечь. А в следующий момент, раньше, чем надзиратель успел удержать его, Адам соскользнул на пол и стал фанатично молиться о спасении души. Члены совета велели ему встать, но он обращал на них не больше внимания, чем если бы они были мухами. Тогда архиепископ сказал, что Адам явно не в своем уме и его нужно отправить в Бедлам, чтобы парня там подлечили. Бледный все пытался обвинить Адама в ереси, но остальные не соглашались.

– Понятно, – в раздумье кивнул я.

Видимо, Рич решил, что сожжение еще одного радикального протестанта прибавит ему очков в глазах традиционалистов. А вот Кранмер, помимо того, что был от природы добросердечным человеком, не хотел, чтобы на улицах Лондона опять запылали костры. Заключить Адама в Бедлам означало решить проблему без шума и хотя бы на первое время.

– Это заставляет меня задать один важнейший вопрос. – Я поочередно посмотрел на каждого из родителей. – Адам действительно безумен?

– Думаю, что да, – пролепетала Минни.

– Если он умственно здоров, сэр, мы опасаемся, что дело может обернуться еще хуже.

– Хуже? – переспросил я.

– Одержимость, – сказал, как отрезал, Мифон. – Вот чего я боюсь. А вдруг в юношу вселился нечистый и заставляет его прилюдно высмеивать милосердие Господа нашего? Если дело обстоит именно так, то я сумею спасти Адама, только постоянно находясь рядом с ним, усердно молясь вместе с ним, сражаясь за него с дьяволом.

– А вы в это верите? – спросил я каменотеса.

Тот переглянулся с Мифоном и закрыл лицо своими большими руками.

– Я не знаю, сэр. Да поможет Всевышний моему бедному сыну, если это правда.

– Думаю, Адам сейчас пребывает в великой растерянности и страхе.

Минни встретила взглядом с викарием, и я понял, что духом она сильнее своего благоверного. Женщина повернулась ко мне:

– Но в чем бы ни заключалась истина, пребывание в Бедламе убьет его. Адам заперт в промозглой одиночной камере, где нет огня и царит постоянный холод. Он ничего не делает для себя. Он лишь лежит скорчившись и на полу молится, молится. А нам разрешено проводить с ним всего лишь один час в день. С нас требуют плату за его содержание – три шиллинга в месяц, больше, чем мы можем себе позволить. Но даже получая эти деньги, они не заставляют его кушать и ухаживать за собой. Надзиратель будет только счастлив, если наш мальчик умрет. – Минни посмотрела на меня умоляющим взглядом. – Они боятся Адама.

– Из-за того, что он может быть одержим?

Она кивнула.

– А вы в этом сомневаетесь?

– Не знаю. Я ничего не знаю. Но если Адам останется в Бедламе, он умрет.

– Его должны выпустить под мою ответственность, – проговорил Мифон, – но они на это не пойдут. Только не эти вероотступники и паписты, окопавшиеся в Тайном совете.

– Значит, по крайней мере в одном мы сошлись, – подытожил я. – Парня необходимо вытащить из Бедлама.

– Да-да, – с готовностью закивал отец мальчика, обрадовавшись тому, что почувствовал хоть какую-то почву под ногами.

Некоторое время я молча размышлял, а потом неспешно заговорил:

– В этом деле я вижу две проблемы. Одна – юридическая. Любой, кто не в состоянии позволить себе адвоката, имеет право потребовать рассмотрения дела судом прошений. Однако судья может заявить, что это дело государственной важности, и тогда его вновь будет рассматривать Тайный совет. Но с другой стороны, если у вас нет возможности платить суммы, которые требуют за содержание вашего сына в Бедламе, суд может постановить, чтобы их вносил совет. Кроме того, суд может вмешаться и прекратить лечение, если сочтет его неудовлетворительным. А вот добиться того, чтобы Адама выпустили, дело гораздо более сложное.

Я сделал глубокий вдох.

– Что будет, если его отпустят? Вдруг он снова сбежит? Вдруг опять произойдет то, что уже было возле собора Святого Павла? В конце концов его обвинят в ереси. Если посмотреть на положение дел с этой точки зрения, то Бедлам вполне может оказаться наиболее безопасным местом для Адама при условии, что его не удастся привести в чувство. Связываться с Тайным советом очень опасно.

Я не стал напоминать про бедного Джона Коллинза, но по лицам собеседников видел, что они и сами не забыли, какая ужасная участь постигла того несчастного.

– Его должны выпустить из этого ужасного места, – настаивал Мифон. – Единственное лечение для бедного Адама заключается в том, чтобы он понял: Господь ниспослал ему эти испытания, и он не должен ставить под сомнение Его милость. Если же в Адама вошел дьявол или его мозг оказался поврежден по какой-то иной причине, только я смогу излечить его с помощью своих собратьев по вере.

Преподобный посмотрел на родителей Адама.

– Аминь! – произнес Дэниел Кайт, а Минни молча опустила глаза долу.

– Его не выпустят до тех пор, пока совет не убедится в его нормальности, – заметил я. – Но кое-что я все же могу сделать. У меня есть один знакомый врач, очень умный человек, который наверняка сумеет подобраться к Адаму и, может быть, даже помочь ему.

– Нет! – решительно мотнул головой Дэниел Кайт. – Все врачи безбожники!

– К моему другу это не относится, – поспешил я успокоить каменотеса.

Я счел за благо не сообщать о том, что мой друг Гай раньше был монахом, а в душе до сих пор продолжал оставаться католиком.

Мой ответ не развеял сомнений главы семейства, но его жена с облегчением выдохнула.

– Приведите его, сэр, мы согласны на все. Вот только у нас нет денег, чтобы заплатить ему...

– Я уверен, тут можно будет что-нибудь придумать.

Женщина посмотрела на мужа. Он помялся, бросил быстрый взгляд на Мифона и сказал:

– Это не повредит, сэр. Хуже уже точно не будет.

Судя по лицу преподобного, он собирался что-то возразить, но я не позволил ему сделать этого, поспешив заметить:

– Разумеется, с точки зрения интересов Адама дело это весьма щекотливое. Я, со своей стороны, буду держать его на контроле и побеспокоюсь о том, чтобы плату за лечение с вас не брали. В суде прошений сейчас скопилось так много дел, что судья буквально не разгибается, чтобы разгрести эти завалы. Но если мы представим наше дело как не терпящее отлагательств и нам улыбнется удача, надеюсь, примерно в течение недели оно может быть рассмотрено.

– Благодарю вас, сэр, – сказала Минни.

– Но я даже не стану пытаться подать прошение об освобождении Адама, если не появятся данные об улучшении его психического состояния. – Я посмотрел на Мифона. – Такое прошение будет неизбежно отклонено.

– В таком случае нам, видимо, не остается ничего другого, кроме как дожидаться вердикта докторов.

Он говорил ровным голосом, но взгляд оставался враждебным.

– А я тем временем нанесу визит в Бедлам. Нагоню страху на его зрителей, а заодно навещу Адама.

Супруги обменялись удивленными взглядами.

– Это будет очень благородно с вашей стороны, сэр, – сказал Дэниел Кайт. – Но должен вас предупредить: безумие моего несчастного сына является собой ужасающее зрелище.

– За свою жизнь мне пришлось много чего повидать, – ответил я, хотя, признаться, при мысли о предстоящем визите в Бедлам по коже начинали бегать мурашки.

– Мы отправляемся к Адаму завтра в девять утра, сэр, – сообщила Минни. – Может, вы поедете вместе с нами?

– Да, перед заседанием суда у меня как раз будет свободное время.

– Вы знаете, как туда добраться, сэр? Проедете через Бишопсгейт и сразу же ищите ворота Бедлама.

– Непременно приеду. – Улыбнувшись, я поднялся из-за стола. – Я сделаю все, что в моих силах, но повторяю: дело крайне сложное.

Я проводил гостей в приемную, но Мифон задержался в дверях и негромко проговорил:

– Не думаю, что от вашего доктора будет прок. Пути Господни неисповедимы, и через все испытания и преследования Он в итоге приведет к миру истинных христиан. Включая Адама.

Зеленые глаза преподобного горели под кустистыми бровями, и все же мне в голову пришло, что есть в нем какое-то актерство, словно он играет роль Добродетели в пьесе, зрителем которой является весь Лондон.

– Действительно, – согласно кивнул я. – Молюсь о том, чтобы бедный юноша обрел мир в своей душе.

– Сейчас мы отправляемся в нашу церковь и тоже будем усердно молиться за него.

После того как за ними закрылась дверь, я еще раз просмотрел бумаги и подошел к окну. По двору, заливаемому дождем, брели Кайты, нагнув голову и придерживая головной убор.

– Он не один из нас, – услышал я голос преподобного Мифона. – Он не обретет спасения в конце пути.

Они дошли до ворот и скрылись из вида.

Несомненно одно: теперь я в ответе за Адама Кайта. Именно мне придется решать, что в наибольшей степени отвечает его интересам, и скорейшее освобождение из Бедлама вряд ли входит в эту категорию, что бы там ни толковал Мифон. Для Минни Кайт благополучие сына важнее всего, поэтому, уверен, она должна прислушаться к моему мнению.

Я вышел в приемную. Барак сидел за столом и, хмураясь, смотрел на огонь. Когда я окликнул его, он вздрогнул от неожиданности.

– У тебя очень задумчивый вид, – сказал я.

– Я просто размышлял над тем, отправиться ли к брадобрею прямо сейчас или дожидаться, пока закончится дождь. Тот викарий так посмотрел на меня, когда вошел...

– Ручаюсь, он разглядел в тебе безбожника. Я слышал, как он по доброте душевной обрек меня на вечные муки, когда проходил мимо окна кабинета. – Я вздохнул. – Для меня очевидно, что это он запер Адама в комнате и в течение двух дней молился вместе с ним. Довел парня до полного истощения, хотя от того и так уже оставались кожа да кости. Иногда я задумываюсь: а может, если Боннер вычистит побольше таких типов, это будет не так уж плохо?

Перехватив удивленный взгляд Барака, я поспешил успокоить его:

– Не пугайся, это я так шучу. – Из моей груди снова вырвался вздох. – А если говорить серьезно, я пытаюсь понять, есть ли у этих людей будущее и неужели религиозная реформа сделает их своими марионетками? И от этих мыслей мне становится страшно.

– Но вы все же взяли дело?

– Я обязан взять его, но можешь не волноваться, я буду очень осторожен. Я хочу, чтобы мальчика посмотрел Гай, но сначала должен сам повидаться с Адамом.

– В Бедламе?

– Да, – в третий раз вздохнул я. – Завтра.

– Хотите, я поеду с вами?

– Нет, я должен быть один. Но все равно спасибо за предложение.

– Жалко, – понурился Барак. – Мне хотелось проверить, правду ли говорят, что вопли и завывания больных слышны аж на противоположной стороне улицы, отчего прохожие пускаются бежать подальше от этого страшного места.

Глава 3

Вскоре дождь прекратился. Выглянуло солнышко, и за окном вновь воцарилась холодная и ясная погода. В прозрачном воздухе все выглядело более четким. Голые ветви деревьев были каллиграфически вычерчены на фоне синего неба, в углах коричневых проплешин безжизненных полей за домами все еще виднелись полосы нерастаявшего снега.

Встреча с Кайтами дала мне обильную пищу для размышлений, и я решил прогуляться, чтобы хорошенько все обдумать.

Я шагал по ближайшим предместьям Лондона: вдоль Холборна, а затем по Шу-лейн. Праздничные службы по случаю Пальмового воскресенья уже шли полным ходом. Двери многих церквей и ворота церковных погостов были украшены гирляндами, на мостовых перед ними разбросана зелень. Но некоторые Божьи дома выглядели буднично и невзрачно, как в любой другой день. Клир одного из приходов проводил службу прямо в церковном дворе. Хор мальчиков в белых саккосах⁴ распевал гимн перед крестом, украшенным зелеными гирляндами, а рядом стояли трое мужчин, одетых пророками, с длинными фальшивыми бородами и нарядными головными уборами. Они напомнили мне персонажей вчерашней пьесы.

Я вспомнил, как кто-то из гостей Роджера рассказывал о подмастерьях, сорвавших подготовку к празднованию Пальмового воскресенья. Ходило много историй о противоречиях, раздиравших несметное число крохотных лондонских приходов. В одной церкви радикально настроенный викарий соскоблил со стен древние фрески и заменил их нравоучительными цитатами из Библии; другой консервативный настоятель допускал в своем храме только богослужения на латыни. Недавно мне рассказали, что священник-традиционалист, разозлившись на прихожан-радикалов, которые громко разговаривали во время звона колокола, возвещающего о возношении Святых Даров, принялся орать на них: «Еретики! На костер вас!» Стоит ли после этого удивляться, что в последнее время многие, подобно мне, старались держаться подальше от церквей!

Ровно через неделю настанет Светлое Христово Воскресенье, когда, согласно закону, каждый гражданин должен исповедоваться. Обо всех, кто пренебрежет этой обязанностью, будет доложено епископу Боннеру. Уважительными причинами для отсутствия в исповедальне могли служить болезнь или срочные дела, связанные с работой. Я решил воспользоваться этой возможностью, потому что мне была невыносима даже мысль о том, что я должен распахнуть душу перед своим приходским священником, приспособленцем и бесхребетником, чьим единственным принципом было держать нос по ветру, лишь бы не лишиться своего поста. А если уж исповедоваться, то одним из моих грехов было давно зреющее сомнение в том, что Бог вообще существует. В этом заключался еще один парадокс: яростная борьба между папистами и сторонниками сакраментариев⁵ вообще отвращали многих от веры.

«По плодам их узнаете их», – сказал Христос, но плоды и тех и других ревнителей веры с каждым годом выглядели все более гнилыми.

Когда я спускался по Шу-лейн, украшенные гирляндами двери одной из церквей распахнулись и из них повалили прихожане. Завершилась литургия. Эти люди заметно отличались от тех, которых я видел в другом церковном дворе. Женщины были одеты в темные платья, мужчины – в угольно-черные дублеты⁶ и накидки; манеры их были чинными и полными благоговения. Наверняка точно такая же паства и у преподобного Мифона – тесно спаянная группа

⁴ *Саккос* – белая одежда до колен, с широкими, не доходящими до запястья рукавами; надевается священником на время богослужения (обычно поверх сутаны) или мальчиками-певчими.

⁵ *Сакраментарий* – в западной церкви раннего Средневековья собрание текстов, которые произносились во время мессы.

⁶ *Дублет* – узкая короткая (до пояса) мужская куртка с узкими длинными рукавами.

радикалов. Ведь многие люди даже бросили свои дома и переехали в тот приход, где викарий разделял их религиозные воззрения. Если епископ Боннер попытается навязать подобным церквям старые традиции, это будет чревато серьезными неприятностями вплоть до бунтов. И все же он продолжал затягивать свою сеть: недавно был обнародован новый список запрещенных книг; священников, проповедовавших без разрешения официальных властей, арестовывали.

«А что случится, если эти жесткие меры будут иметь успех?» – думалось мне.

Радикалы попросту уйдут в подполье. Многие уже проводят в домах нелегальные собрания, на которых обсуждают Библию, еще сильнее укрепляясь в своих убеждениях.

Я порядком устал, когда вернулся в свой дом на Канцлер-лейн, расположенной недалеко от Линкольнс-Инн. Меня встретил аппетитный запах жарящейся рыбы: моя домохозяйка Джоан готовила обед. И все же я с большим нетерпением ждал окончания Великого поста, когда снова можно будет употреблять в пищу мясное. Я прошел в свою гостиную и сел перед камином, но даже благословенное тепло не помогало избавиться от напряжения. И причиной тому было не только дело Адама Кайта, вовлекавшее меня в опасные водовороты доктринальных противоречий. Хуже было осознание собственного неверия, которое с каждым днем становилось все глубже.

Ранним утром я отправился в Бедлам. Под накидкой на мне был надет мой лучший камзол, не позабыл я и цепь, свидетельствующую о высшем адвокатском звании. На обслуживающий персонал больницы не помешает произвести впечатление.

Признаюсь, собираясь в сумасшедший дом, я испытывал волнение. Я ничего не знал о безумии. К счастью, эта беда обошла стороной и мою семью, и моих друзей. Мне было известно лишь то, что доктора подразделяют сумасшедших на буйнопомешанных, с припадками и непредсказуемым поведением, и меланхоликов, которые замыкаются в себе, погружаясь в неизбывную грусть. Меланхолики встречались чаще, и обычно их болезнь протекала легче. Я знал, что и сам обладаю некоторой склонностью к меланхолии. А Адам Кайт? Кто он – буйный или тихий?

Капризная погода вновь принялась кусаться. Ночью выпал снег и теперь сиял в лучах утреннего солнца. Я трусил на своем добром коне по имени Бытие. Мне было жаль выводить его из уютной конюшни, но улицы стали слишком скользкими для пешей ходьбы, а Бедлам находился в противоположном конце города.

Я проехал под Лондонской стеной в Ньюгейте и двинулся по Ньюгейт-стрит в направлении рынка. Торговцы расставляли свои лотки в тени махины заброшенной церкви, оставшейся от давно сгинувшего в пучине времен мужского монастыря Святого Мартина. Благонравные мужние жены в белых чепцах уже разглядывали выложенные на прилавки товары. Проезжая мимо рынка, я услышал, как кто-то кричит, а на пересечении Ньюгейт-стрит с Шамблз, древней торговой улицей, увидел мужчину в темном дублете. Несмотря на колючий холод, на нем не было верхней одежды. Он стоял на пустом ящике, размахивал большой Библией в черном переплете и что-то кричал прохожим, которые поспешно отводили глаза. По всей видимости, это был тот самый надоедливый пустомеля, о котором упоминал за ужином старый Рипроуз. Я внимательно присмотрелся к крикуну. Это был молодой человек с раскрасневшимся от обилия эмоций лицом.

Мясники на бойнях, расположенных позади Шамблз, уже принялись за работу. В четверг заканчивался Великий пост, и они заранее начали забивать коров и овец. Из дворов бежали ручейки крови и стекали в сточную канаву, что тянулась посередине улицы. Указывая на них своей Библией, уличный проповедник вещал грудным голосом:

– То же будет и с людьми в последние дни мира! Их глаза расплавятся, кожа отделится от их костей, а остальное растечется кровью на две тысячи миль вокруг! Так предсказано в Апокалипсисе!

Выезжая с Шамблз, я слышал, как он призывает:

– Обратись к Богу, и лишь тогда ты познаешь сладость спасения Его!

Если бы констебли наложили лапу на этого крикуна, он дорого заплатил бы за проповедь без разрешения.

По всему Чипсайду подмастерья готовили к дневной торговле лавки своих хозяев, устанавливая ярко раскрашенные полотняные тенты. Дыхание облачками пара вырывалось из их ртов в холодный воздух. Некоторые разгоняли бездомных нищих, проведенных ночь на ступенях лавок, награждая их пинками и зуботычинами, если они двигались недостаточно проворно. Вдоль большого акведука, протянувшегося от Тайборна до Чипсайда, начали выстраиваться калеки, готовясь к долгому дню попрошайничества. Толкаясь и галдя, как голодные вороны, они расселись возле кондуита⁷, поджидая лондонцев, которые вскоре должны были потянуться за водой. Проезжая мимо, я смотрел на их худые обветренные лица. Мое внимание привлек старик с копной седых волос. Он дрожал всем телом, изо рта текла слюна. Увидев меня, он протянул руку и крикнул:

– Помогите старому монаху из Гластонбери, сэр! Они повесили моего аббата!

Я кинул старику шестипенсовик, и тот, пока его не опередили другие нищие, бросился за монетой с удивившим меня проворством.

Как много бездомных появилось в последнее время в Лондоне! С тех пор как власть позакрывала монастыри, на улицах повсюду можно было наблюдать душераздирающие сцены. Большинство прохожих предпочитали просто отводить глаза в сторону, превращая таким образом страдальцев в невидимок. Среди нищих было много бывших монахов, а также бедняков, приехавших в город после того, как их земли были отданы под пастбища, а дома разрушены. Больные, которые раньше могли найти хотя бы временное пристанище в монастырских больницах, теперь лежали прямо на мостовых и здесь же умирали. Сейчас я окончательно решил, что непременно помогу Роджеру в осуществлении его плана с больницей. Так я хоть что-то смогу сделать для этих несчастных.

Я снова проехал под городской стеной и стал подниматься по Бишопсгейт-стрит. Больница располагалась за городской чертой, где каждый год, будто на дрожжах, росли новые дома. Накануне днем я зашел в Линкольнс-Инн и прочитал все, что сумел найти в библиотеке, про Бедлам. Изначально это было монастырское лечебное учреждение. Избежать расформирования ему удалось благодаря пациентам из богатых семей, которых можно было «доить» и дальше. Король назначил нового попечителя больницы. Сейчас эту должность исполнял царедворец по имени Метвис. Тот, в свою очередь, назначил постоянного директора. Этот человек, по мнению родителей Адама Кайта, надеялся на то, что мальчик умрет.

Возле Бишопсгейта мне пришлось остановиться. По дороге медленно двигался траурный кортеж: черные кони, черные кареты и бедняки в конце процессии, распеваящие псалмы. Хоронили какого-то богача. Процессию возглавлял благородного вида старик с белой тростью. Это был экономайер покойного, сжимавший в руке посох, символизирующий власть хозяина. Скоро он разломит его и бросит в могилу. По размаху траурного кортежа я предположил, что хоронят, должно быть, лорда Латимера, чью вдовицу, по слухам, присмотрел для себя король. Я снял головной убор. Мимо проехала большая карета. Шторка на ее дверце отдернулась, и из окошка выглянула женщина. Ее лицо было обрамлено широким черным капюшоном. Ей было около тридцати лет. Скошенный подбородок и маленький ротик делали ее лицо, которое и во

⁷ Кондуит – раздаточная колонка водопровода.

всем остальном было прехорошеньким, просто поразительным. Она смотрела в толпу широко открытыми, невидящими глазами, и мне показалось, что в них затаился страх.

Карета проехала дальше, и леди Кэтрин Парр скрылась из виду.

Двигаясь по Бишопсгейту, вскоре я увидел двойные деревянные ворота в высокой каменной ограде. Они были открыты, и я въехал в просторный, засыпанный снегом двор, посередине которого высилась часовня. Три стороны двора были образованы задними стенами построек, в качестве четвертой выступало длинное двухэтажное здание из серого камня, по виду очень старое. Некрашенные деревянные ставни некоторых окон были открыты. Между постройками тянулись узкие тропинки, по которым сновали люди. Значит, Бедлам все же не является чем-то вроде тюрьмы, и звона кандалов здесь не слышно.

Я остановил лошадь возле большой двери в торце здания, спешил и постучал. Дверь открыл мужчина плотного телосложения с грубо вылепленным насмешливым лицом и в грязном сером халате. На его широком кожаном поясе болталась тяжелая связка ключей.

– Я мастер Шардлейк, – представился я. – У меня договоренность о встрече с Адамом Кайтом.

Мужчина оценивающе оглядел мой наряд:

– Вы юрист, сэр?

– Да, а вы смотритель Шоумс?

– Нет, сэр, он отошел, но скоро должен вернуться. Я другой смотритель, Хоб Гибонс.

– Родители молодого Кайта уже здесь?

– Нет.

– Тогда я их подожду.

Смотритель отступил в сторону, пропуская меня внутрь.

– Добро пожаловать в чертоги безумия, – проговорил он, закрывая дверь. – Полагаете, вам удастся освободить Адама Кайта?

– Я на это надеюсь.

– Мы были бы рады, если бы он ушел. Из-за него нервничают другие психи, поэтому мы постоянно держим его взаперти. Некоторые считают, что он одержим.

– А что думаете вы, Гибонс?

Смотритель пожал плечами:

– Думать – не моя забота. – Он наклонился ближе. – Если у вас есть немного свободного времени, сэр, я могу показать вам наших знаменитостей: Короля Стульчака и Закованного Ученого. Всего за шиллинг.

После некоторых колебаний я протянул ему монету. Чем больше я узнаю о том, что здесь творится, тем лучше.

Гибонс повел меня по выбеленному коридору, который тянулся через все здание. Справа были окна, слева – ряд крашенных в зеленый цвет деревянных дверей. Было холодно, и в воздухе слабо пахло человеческими нечистотами.

– Сколько у вас пациентов?

– Тридцать, сэр. Разношерстная публика.

Я заметил, что на уровне человеческого роста в дверях вырезаны глазки. В проеме открытой двери стоял еще один служитель в сером халате и заглядывал в палату.

– Ты принес воду для мытья, Стивен? – послышался женский голос изнутри.

– Да, Алиса. Забрать твой ночной горшок?

Сцена выглядела вполне мирной, даже домашней. Перехватив мой взгляд, Гибонс улыбнулся:

– Алиса большую часть времени совершенно нормальна. Но бедняжка страдает падучей в тяжелой форме. Не успеешь оглянуться, как она вдруг валится на пол и принимается кататься в судорогах, брызгая пеной.

Я невольно подумал о Роджере.

– Ей разрешено приходить и уходить, когда она захочет. А вот этому парню – нет.

Смотритель остановился перед дверью, запертой на тяжелый засов, и улыбнулся мне, продемонстрировав обломанные серые зубы.

– Познакомьтесь с его величеством.

Он открыл смотровой глазок и отступил в сторону, чтобы я мог заглянуть внутрь.

Зрелище, представшее моему взгляду, заставило меня выдохнуть и сделать шаг назад. Квадратная камера с закрытыми ставнями на окнах освещалась единственной свечой, воткнутой в горлышко бутылки, стоящей на полу. На выкрашенном белой краской стульчаке для ночного горшка сидел невероятно жирный мужчина. Его борода была коротко подстрижена – в точности так же, как у нашего короля, каким его чеканят на монетах. Грузное тело было облачено в совершенно невероятный пестрый наряд, сшитый из разноцветных лоскутов. В руке больной держал трость для ходьбы, на один конец которой был насажен деревянный шар – по всей видимости, это был его «скипетр». На лысом черепе сумасшедшего красовалась бумажная корона, выкрашенная в желтый цвет.

– Как вы сегодня, ваше величество? – спросил Хоб.

– Неплохо, дружок. Можешь привести моих верноподданных, я приму их.

– Может быть, позже, сир. Мне сначала нужно вычистить сортиры.

– Ах ты, дерзкий раб!

Гибонс захлопнул дверцу глазка и хрипло рассмеялся.

– Убежден в том, что он король. Раньше был школьным учителем, правда не очень хорошим. Ученики издевались над ним, играли в футбол на его уроках. А потом он вдруг решил, что является королем, и все его беды растаяли как дым.

– Шутовски изображать короля – это опасно, – заметил я.

Гибонс кивнул:

– Именно поэтому родственники поместили его сюда – подальше от посторонних взглядов. Сумасшедшие вообще произносят много опасных речей. Но на то они и психи, чтобы не понимать: нынче нужно быть особенно осторожным в том, что говоришь.

Он улыбнулся и вздернул брови.

– А теперь пойдете, я покажу вам нашего Закованного Ученого. Он обитает через две палаты. Весьма образованный субъект.

Гибонс окинул мою одежду насмешливым взглядом.

– Доктор общего права из Кембриджа. Не получив должности, которой добивался, напал на директора своего колледжа и едва не отправил его к праотцам. К таким, как я, он вполне терпим, а вот образованных людей просто ненавидит. Видели бы вы его в гневе! Если вы войдете в его палату, он набросится на вас и вцепится в лицо. Его мы держим под неусыпным надзором, но я могу открыть смотровой глазок, чтобы вы поглядели на него.

– Нет уж, спасибо.

– Он любит рисовать карты и планы, а сейчас перепроектирует для нас систему канализации. Вы, наверное, заметили, как у нас пахнет?

– Да, весьма дурно.

Я услышал неподалеку звук голосов и узнал возбужденный, злой голос Дэниела Кайта.

– Где это? – спросил я.

– В гостиной. Они, должно быть, вошли через черный ход. Так вы точно не хотите посмотреть на нашего ученого? – спросил смотритель уже с явной издевкой.

– Нет, – резко ответил я, – не хочу. Отведите меня к Кайтам.

Гибонс проводил меня в маленькую комнату с расставленными кругом дешевыми стульями, обшарпанным столом и огнем, горящим на решетке жаровни. Стены каморки были голыми. Минни Кайт сидела на стуле с совершенно опустошенным видом, а ее супруг горячо спорил с пухлым, мрачного вида человеком в черной куртке без рукавов.

– Вы могли бы попытаться накормить его! – кричал Дэниел.

– Ага, еще чего! Чтобы один из моих зрителей силком поднимал его с пола, а второй засовывал в рот еду? У них нет на это ни времени, ни желания. Он их пугает. Да он всех пугает! Лежит на полу, мычит, бормочет, зовет Бога... Неудивительно, что половина моих сотрудников считает его одержимым. Пищу ему приносят, а уж есть ее или нет – это его дело.

– Какие-то проблемы? – вмешался я в спор. – Вы, должно быть, главный зритель Шоумс?

Когда толстяк повернулся ко мне, я представился:

– Я мастер Шардлейк, адвокат семьи Кайт.

Шоумс посмотрел сначала на меня, потом на Кайтов.

– Каким образом вы можете позволить себе адвокатов, если вы даже не в состоянии оплачивать мои счета? – агрессивно спросил он.

– Я назначен судом прошений.

– А-а, – фыркнул главный зритель. – Адвокат бедняков! А по оснастке не скажешь, – добавил он, явно намекая на мою богатую одежду.

– Вот именно, – резко ответил я, – адвокат, который может опротестовать в суде выставленные вами счета и поставить вопрос о неправильном лечении. Это случится завтра, если то, что я увижу здесь сегодня, мне не понравится.

Шоумс поглядел на меня своими глубоко посаженными пороссячьими глазками.

– За мальчиком трудно ухаживать, он...

– Он нуждается только в питании, – проговорила Минни. – И чтобы кто-то набрасывал ему на плечи плед, когда он падает на пол.

Женщина повернулась ко мне:

– Здесь так холодно, а этот негодяй отказывается развести огонь.

– Огонь стоит денег!

Я повернулся к Кайтам:

– Мне хотелось бы увидеть Адама.

– Мы как раз собирались к нему.

– Отправляйтесь к нему, если угодно, только вы от него все равно ничего не добьетесь.

Толстяк буравил меня взглядом, и я понял: для этого человека Адам Кайт – всего лишь досадная помеха, и он не будет сожалеть, если тот отдаст Богу душу. Не пожалеем об этом и совет, у которого станет одной проблемой меньше.

– А потом, мастер Шоумс, – сказал я, – мне хотелось бы побеседовать с вами.

– Что ж, идите. Меня пока ждут другие дела.

Нас отвели к еще одной зеленой двери. Она была заперта. Шоумс отпер ее и заглянул в палату.

– Он в вашем распоряжении, – проговорил зритель и удалился.

Я вошел следом за Дэниелом Кайтом в светлую комнату со стенами, выбеленными известкой, и частично открытыми ставнями на окнах. Как и говорила Минни, здесь царил пронизывающий холод, а также невыносимо тяжелый запах – смесь нечистот и немытой кожи. Из обстановки в палате была лишь низенькая кровать на колесиках и стул.

Обратившись лицом в угол, на коленях стоял мальчик-подросток с грязными черными волосами и что-то бормотал себе под нос. Слова текли так быстро, что их смысл было трудно уловить.

– Каюсь в моих грехах, каюсь... Послушай меня, пожалуйста... Послушай, во имя Иисуса...

На мальчике была рубашка с пятнами от пищи и кожаный джеркин⁸. Его колено охватывала железная скоба, от которой тянулась цепь к металлическому кольцу в полу. Минни подошла к мальчику и положила руки ему на плечи, но он этого даже не заметил и никак не отреагировал.

– Цепь нужна для того, чтобы он больше не сбегал на церковные дворы, – пояснил Дэниел.

Он не приблизился к сыну, а стоял неподвижно, повесив голову на грудь.

Я набрал в грудь воздуха и подошел к Адаму. Он был широкоплеч, но очень худ. Я присел и заглянул ему в лицо. Это было жалкое зрелище. Возможно, когда-то мальчик был красив, но сейчас на него было страшно смотреть. Брови вздернуты вверх в гримасе страдания, широко раскрытые, словно от ужаса, глаза невидящим взором смотрят в стену, с губ вместе со слюной срываются сбивчивые слова:

– Скажи мне, что я спасен! Яви мне милость свою!

Он на мгновение умолк, будто к чему-то прислушиваясь, а затем воскликнул с еще большим отчаянием:

– Господи! Прошу тебя!

– Адам, – умоляющим голосом позвала его мать. – Ты испачкался. Я принесла тебе чистую одежду.

Она попыталась поставить его на ноги, но Адам сопротивлялся и продолжал жаться в угол.

– Оставь меня! – сказал он, даже не взглянув на мать. – Я должен молиться!

– Он все время такой? – спросил я Минни.

– Теперь – да.

Она отпустила плечи сына, и мы оба встали.

– Он не хочет подниматься на ноги, а когда его пытаются заставить, издает такие жалостные вздохи, что сердце разрывается.

– Я попрошу своего друга доктора осмотреть Адама, – негромко проговорил я. – Хотя, откровенно говоря, пока он находится в таком состоянии, его вряд ли можно будет забрать отсюда.

– О нем нужно заботиться, – сказала женщина, – или он умрет.

– Я вижу это и поговорю с главным смотрителем Шоумсом.

– Если вы оставите нас ненадолго, сэр, я попытаюсь почистить его. Иди сюда, Дэниел, помоги мне поднять его.

Мужчина подошел к жене.

– Тогда я отправлюсь на переговоры со смотрителем прямо сейчас. Приходите в гостиную, когда закончите. Я буду ждать вас там.

Минни улыбнулась мне дрожащими губами:

– Благодарю вас, сэр.

Ее муж все так же отказывался встречаться со мной взглядом.

Я оставил их и отправился на поиски Шоумса, исполненный гнева на то, как Адаму позволяют барахтаться в собственных нечистотах. То страшное и неведомое, что повредило ум этого несчастного, оставалось за пределами моего понимания, но уж с ленивыми и продажными чиновниками я умел справляться.

⁸ *Джеркин* – облегающая куртка с короткими рукавами. К этой части одежды крепились штаны-чулки. В эпоху раннего Средневековья – часть воинского облачения, в эпоху готики и Ренессанса – светская одежда.

Шоумса я нашел в его личном кабинете. Он пил пиво и смотрел на жаркий огонь, пылавший в большом камине. Услышав, как скрипнула дверь, он повернул голову и наградил меня свирепым взглядом.

– Я хочу, чтобы мальчика кормили! – рявкнул я. – Если понадобится, то и силой. Сейчас мать переодевает его, и я желаю, чтобы он оставался чистым. Вы должны за этим проследить. Я добьюсь судебного решения, в соответствии с которым этому пациенту будет обеспечен надлежащий уход, а счета по его содержанию будут оплачивать совет.

– А кто будет платить моим сотрудникам до той поры? Платить за работу, которую они выполняют, не говоря уж о том, что им приходится постоянно успокаивать других пациентов, которые нервничают из-за того, что среди них находится одержимый?

– Бедлам располагает собственными средствами. Кстати сказать, у вас в штате есть врач?

– Да, раз в две недели приходит доктор Фрит. Он увлечен составлением собственных микстур, но от них мало пользы. Была одна женщина-травница, она нравилась многим пациентам, но доктор Фрит ее прогнал. Назначение врачей – это вообще не моя обязанность. Этим занимается смотритель Метвис.

– А священник у вас есть?

– Эта должность вакантна с тех пор, как преставился старый викарий.

Я смотрел на его толстое красное злое лицо и думал о несчастных безумцах, судьбы которых вручили в руки его и таких, как он, ленивых и некомпетентных болванов.

– Я требую, чтобы в палате Адама Кайта разводили огонь.

– Вы заходите слишком далеко, сэр! – возмутился Шоумс. – Огонь – это непозволительная роскошь, и я не собираюсь оплачивать ее из средств Бедлама, иначе моя должность достанется смотрителю Метвису.

– В таком случае я добьюсь того, чтобы вам вообще запретили выставлять счета за услуги больницы.

Шоумс по-волчьи зыркнул на меня:

– Вы забрали чересчур много воли, бумажная душа.

– Не больше вашего. Ну так как?

– Ладно, я прикажу, чтобы у него разводили огонь.

– Я прослежу за этим.

С этими словами я развернулся и вышел.

Я вернулся в комнату для посетителей, сел и погрузился в глубокие раздумья. Вид Адама Кайта потряс меня. Что бы ни заставило рассудок мальчика помутиться, не могло быть и речи о том, чтобы добиваться у суда признания его *compos mentis*⁹. Оставалось только надеяться, что Гай хоть чем-то сможет помочь ему.

Дверь отворилась, и я поднял голову. Молодая женщина в сером халате смотрителя ввела в комнату седоволосую даму. Мне было странно видеть женщину-смотрителя, но я предположил, что они необходимы для ухода за пациентами женского пола. Значит, здесь все же не до конца утратили стыд.

Больная шла деревянной походкой, опустив голову на грудь. Смотрительница вела ее к стулу у окна. Добравшись до цели, пациентка брякнулась на стул и обмякла, тяжелая и безжизненная, как мешок с капустой. Увидев меня, смотрительница сделала книксен. На вид ей можно было дать тридцать с небольшим лет. Глубокие синие глаза и каштановые волосы, выбивавшиеся из-под белого чепца, делали ее несколько вытянутое лицо привлекательным. В нем угадывался характер.

– Вы позволите, чтобы Сисси немного посидела здесь, сэр? – спросила она.

⁹ Находящийся в здравом уме и твердой памяти; вменяемый (*лат.*).

– Разумеется.

– Она сегодня что-то хандрит, и мне не хочется оставлять ее одну в палате. Сисси, я захватила для вас иглу и нитки. Вы ведь любите штопать халаты?

Было странно видеть, как молодая женщина говорит со старухой так, будто та – маленькая девочка. Сисси подняла бессмысленный взгляд, и смотрительница вручила ей мешочек с вышиванием и рваный халат. Она положила халат на колени старой женщины и попыталась всунуть в ее толстые пальцы иглу с продетой в нее ниткой.

– Ну же, Сисси, ведь вы просто чудо что за мастерица! Покажите, как вы умеете шить. Сисси с неохотой взяла иглу.

– Она не доставит вам хлопот.

Женщина снова присела и оставила меня наедине с Сисси, которая принялась шить, не поднимая на меня глаз.

«Значит, не все смотрители – бесчувственные скоты», – подумал я.

Вскоре вернулись Кайты. Я поднялся со стула и пересказал им свой разговор с Шоумсом.

– Значит, Адаму придется остаться здесь? – спросила Минни.

– До тех пор, пока его не приведут в чувство, находиться здесь для него безопаснее всего.

– Возможно, такова воля Господа, – сказал Дэниел Кайт и посмотрел на меня с неожиданным вызовом. – Иногда Всевышний посылает самые страшные испытания именно тем, кого любит больше других, как Иова. Так говорит преподобный Мифон. Может быть, это предупреждение людям, напоминание о близящемся конце света и о том, что они должны перестать грешить. Адам пугает людей, напоминает им о том, что они тоже должны молиться.

– Нет! – набросилась на мужа Минни. – Господь не стал бы столь жестоко испытывать несчастного, который так верит в него!

– Кто ты такая, чтобы решать за Господа? – фыркнул мужчина. – Если это не Бог, то сатана, и, значит, наш сын действительно одержим нечистым, как многие утверждают.

Они оба находились на грани срыва, и я видел это.

– Он очень болен, – мягко проговорил я.

– А вам откуда знать? – огрызнулся Дэниел Кайт. – Вы не истинный верующий!

Он посмотрел на жену, на меня, повернулся и вышел.

– Не сердитесь на него, сэр, – сказала Минни. – Он повсюду ищет ответы и не может их найти. Он очень любит нашего мальчика.

– Я понимаю, хозяйюшка, и обещаю сделать все, что в моих силах. Теперь за Адамом будет надлежащий присмотр, а я прослежу, чтобы для бедняжки делалось все, что необходимо. Очень скоро я снова свяжусь с вами, а вы, если уход за вашим сыном не станет лучше, немедленно сообщите об этом мне.

– Непременно. Мы навещаем его каждый день.

Женщина сделала книксен и вышла следом за мужем. Я повернулся и увидел, что Сисси смотрит на меня с любопытством своими коровьими глазами. Встретившись со мной взглядом, она тут же опустила голову к своему шитью. Вскоре послышались шаги, и в комнату вошла смотрительница. Выражение ее лица было озабоченным.

– Я услышала громкие голоса, – сказала она. – С Сисси все нормально?

– Да. – Я виновато улыбнулся. – Это кричал один из моих клиентов.

Она подошла и посмотрела на работу Сисси.

– Отлично сделано! Халат будет как новенький.

Старая женщина поблагодарила ее улыбкой. Молодая вновь повернулась ко мне:

– Вы навещали Адама Кайта, сэр?

– Да.

– Как жаль его родителей!

Она поколебалась, бросила быстрый взгляд в сторону открытой двери и, понизив голос, сказала:

– Многие здесь боятся Адама. Боятся, что он одержим дьяволом. А смотритель Шоумс надеется на то, что, не получая лечения, он совсем захиреет и умрет. – Она наморщила лоб. – Шоумс – нехороший человек.

– Я только что преподавал смотрителю Шоумсу примерный урок. У него будут крупные неприятности в суде, если он не обеспечит Адаму должного ухода. А вам спасибо за информацию. – Я улыбнулся женщине. – Как вас зовут?

– Эллен Феттиплейс, сэр.

Она поколебалась и спросила:

– Что за хворь у юного Адама? Я никогда не слышала о подобных случаях.

– Я тоже. Но у меня есть знакомый доктор, и он приедет, чтобы осмотреть мальчика. Он хороший человек.

– А вот от доктора Фрита нет никакого толку.

– Приятно видеть, что хоть одному смотрителю есть дело до своих подопечных.

Женщина вспыхнула:

– Вы очень добры, сэр.

– Как случилось, что вы стали здесь работать, Эллен?

Она подняла на меня взгляд и грустно улыбнулась:

– Я сама была пациенткой Бедлама.

– О-о! – изумленно протянул я.

Эта женщина производила впечатление самого вменяемого человека из всех, кого я встретил здесь сегодня.

– Мне предложили должность помощника смотрителя, когда мне... стало лучше.

– Вы не захотели уходить отсюда?

И снова грустная улыбка.

– Я никогда не смогу уйти отсюда, сэр. Я не покидала стен Бедлама вот уже десять лет. Здесь я и умру.

Глава 4

Следующие два дня я был занят в суде, но вторая половина четверга выдалась свободной, и я организовал встречу Роджера с Гаем. Это был Великий четверг Страстной недели, завершающейся Пасхой, и, возвращаясь из суда в Вестминстере в Линкольнс-Инн, я видел, что церкви вновь заполнены прихожанами. Завтра покровы, которые скрывали алтари во время Великого поста, уберут, и те из прихожан, которые остались верны старым традициям, поползут на коленях к кресту. После мессы с алтарей снимут праздничное убранство в память о том, что Христос бы предан после Тайной вечери, а в Уайтхолле король совершит омовение ног двенадцати беднякам.

Я с грустью думал о том, как мало все это значит для меня теперь. Близилась четыре выходных праздничных дня, но для меня они будут наполнены скукой и праздностью. Утешало только одно: после окончания поста Джоан обещала приготовить запеченное седло барашка.

На дворе по-прежнему стоял холод, а небо оставалось пепельно-серым, хотя снега больше не было. Перед тем как отправляться за Роджером, я заглянул в свою контору и с удовольствием увидел, что в камине весело полыхает огонь. Барак и мой младший клерк Скелли трудились за письменными столами. Я снял отороченную мехом накидку и стал греть руки у огня. Поглядев на Барака, я заметил, что он чисто выбрит, но на его дублете не хватало пуговицы, а на груди виднелось подозрительное пятно – похоже, от пива.

«Интересно, где он шлялся всю ночь?» – подумал я и снова вспомнил о Тамазин.

Их дом располагался рядом с лавкой Гая, и я решил, что на обратном пути, захватив Роджера, загляну к ним, словно невзначай.

– Я заходил в канцелярию суда, – сообщил Барак. – Апелляция по делу Адама Кайта будет слушаться в следующий вторник, тогда же, когда и дело Коллинза.

– Хорошо.

Меня так и тянуло посоветовать ему почистить дублет, но не хотелось, чтобы мои речи напоминали нравоучения сварливой старухи. Кроме того, я знал: у Барака хватит ума явиться на судебное заседание в незаляпанной одежде. Я быстро просмотрел новые документы, поступившие из суда, и снова набросил на плечи накидку.

– Я собираюсь отвести мастера Эллиарда к Гаю, – сообщил я.

Барак внимательно разглядывал что-то за окном.

– Что это там со старым мерзавцем Билкнэпом? – с любопытством спросил он.

– С Билкнэпом?

Я подошел и тоже посмотрел во двор.

– Похоже, он вот-вот откинет копыта.

Мой старинный недруг сидел на лавке возле все еще замерзшего фонтана. На снегу рядом с ним лежал ранец. Даже на таком расстоянии в глаза бросалась нездоровая бледность его худого лица.

– Действительно, что это с ним? – удивился я.

– Говорят, он уже не первую неделю болеет, и с ним постоянно приключаются обмороки, – сообщил Скелли из-за своего письменного стола.

– То-то мне показалось, что во время спектакля он выглядел неважно.

– Надеюсь, все-таки ничего серьезного, – пробормотал Барак.

Я загадочно улыбнулся:

– Мне пора идти.

Покинув их, я двинулся через Гейтхаус-корт. Чтобы добраться до жилища Роджера, нужно было миновать фонтан. Билкнэп не шевелился. Его худое тело буквально утонуло в

богатой шубе, подбитой мехом куницы, но, даже несмотря на столь теплое одеяние, погода не располагала расслаиваться на лавке.

Поравнявшись с ним, я остановился.

– Брат Билкнэп, – окликнул я его, – с вами все в порядке?

Он бросил на меня быстрый взгляд и тут же отвел глаза в сторону. Этот человек вообще не выносил прямых взглядов.

– У меня все прекрасно, брат, – процедил он. – Просто решил присесть ненадолго.

– Вы уронили ваш ранец. Он промокнет.

Билкнэп наклонился и поднял ранец. Я обратил внимание, что у него трясутся руки.

– Уходите! – сказал он.

Меня удивило то, что он выглядел испуганным.

– Я лишь хотел помочь, – сухо пояснил я.

– Вы? Помочь мне?

С его губ сорвалось насмешливое кудактанье. Он поднялся с лавки и поплелся прочь. Я покачал головой и пошел своей дорогой.

Роджер был у себя в приемной. Он держал в длинных пальцах письменное показание, изучая его при свете свечи, поскольку день был пасмурным.

– Подожди минутку, Мэтью, – с улыбкой попросил он.

Дочитав документ до конца, Роджер с довольным кивком передал его клерку.

– Отличная работа, Бартлетт. Очень хороший черновик. А теперь, Мэтью, пойдём поглядим эту твою клистирную трубку. – Мой друг нервно улыбнулся. – Я вижу, ты надел сапоги для верховой езды. Очень предусмотрительно. Я тоже переобуюсь, чтобы не погубить хорошие туфли в снежной каше.

Он захватил свои башмаки из крепкой старой кожи, которые часто носил, и мы пошли к конюшням.

– Обмороков больше не было? – осторожно поинтересовался я.

– Нет, слава богу.

Роджер глубоко вздохнул. Я видел, что тревога не отпускает его.

– У тебя сейчас много работы? – спросил я, чтобы отвлечь друга от грустных мыслей.

– Так много, что у меня не хватает рук.

Роджер был несравненным специалистом в области ведения судебных дел и по возвращении в Лондон в значительной степени упрочил свою и без того блестящую репутацию.

– Сегодня, после того как мы вернемся от доктора, мне нужно повидаться с одним клиентом, дело которого я буду вести «про боно»¹⁰.

Роджера окликнул женский голос, и мы обернулись. К нам спешила Дороти в одном домашнем платье, неся в руках что-то, завернутое в клеенку.

– Ты забыл это, – сказала она.

Роджер покраснел и взял из рук жены загадочный предмет.

– Это его моча, – чистосердечно пояснила женщина. – Для доктора.

Роджер смущенно улыбнулся и пробормотал:

– Ну что бы я без нее делал?

– Забыл бы где-нибудь собственную голову, муженек, – ответила Дороти и поежилась.

– Возвращайся в дом, дорогая, – сказал Роджер, – а не то тебе тоже понадобится доктор.

¹⁰ «Про боно» (от лат. pro bono publico – ради общественного блага) – безвозмездное оказание профессиональной юридической помощи благотворительным, общественным и иным некоммерческим организациям, а также частным лицам, которые не могут подобную помощь оплатить.

– Уже иду. Счастливо, любовь моя. До свидания, Мэтью. Приходи к нам отужинать на следующей неделе.

Она повернулась и пошла к дому, обнимая себя руками от холода.

– Ненавижу обманывать ее. Она все еще думает, что у меня какие-то нелады со сварением желудка. Но я не хочу сильно ее тревожить.

– Я знаю. Пойдем, и постарайся не уронить свою драгоценную ношу.

Пока мы неторопливо ехали по Чипсайду, Роджер был погружен в свои мысли и потому неразговорчив. Торговцы складывали лотки, убирали товар, и нам приходилось то и дело лавировать между разбросанными по дороге пустыми коробками. В опасной близости от копыт наших лошадей воробьями суетились босоногие мальчишки в лохмотьях, подбирая с земли гнилые овощи – остатки прошлогоднего урожая, выброшенные торговцами. У раздаточной станции водовода опять собирались нищие. Один из них, размахивая палкой, на которую был насажен кусок протухшей свиной грудинки, вопил во все горло:

– Помогите Тому из Бедлама! Помогите бедному умалишенному! Видите? Вот, на палку насажено мое разбитое сердце!

– Он наверняка Бедлама и в глаза не видел, – сказал я Роджеру. – Если бы все нищие, которые утверждают, что они там побывали, говорили правду, Бедлам должен был бы быть размером с Вестминстер-холл.

– Каким образом там оказался твой клиент?

– Он действительно скорбен умом. На него нельзя смотреть без содрогания. Я хочу попросить Гая осмотреть мальчика. Может быть, он сумеет разобраться в причинах странного недуга, поскольку мне сие недоступно.

– Значит, доктор Малтон – знаток в душевных болезнях? – с неподдельным интересом спросил Роджер.

– Вовсе нет, – поспешил я успокоить товарища. – Но он практикует почти сорок лет и за это время сталкивался с самыми разными болезнями. И он очень хороший врач – не чета тем коновалам, которые знают лишь слабительное да кровопускание. Страх нашептывает тебе, что у тебя может обнаружиться падучая. Но такие же симптомы могут быть вызваны сотней других причин. Кроме того, у тебя ни разу не было даже намека на припадок.

– Видел я такие припадки. Ими страдал один из моих клиентов. Как-то раз он повалился прямо у меня в конторе и принялся в корчах кататься по полу. Изо рта у него шла пена, а от глаз остались видны одни только белки. – Роджер потерянно потряс головой. – Жуткое зрелище, доложу я тебе. И эта напасть приключилась с беднягой, когда он уже был не первой молодости.

– Эта страшная сцена, которую ты видел, и заставляет тебя воображать всякие ужасы. Не знай я тебя как умного юриста, назвал бы нытиком и дураком.

– Может, так оно и есть, – усмехнулся Роджер.

Желая отвлечь друга от мыслей о собственной болезни, я рассказал ему про уличного проповедника, что стоял на Ньюгейте, суля реки крови.

– Может ли человек, который возвещает подобные вещи, быть хорошим христианином? – спросил я. – Даже несмотря на то, что в следующую минуту он уже разливался соловьем о сладости спасения.

Роджер покачал головой:

– Мы живем в сумасшедшем и злом мире, Мэтью. *Mundus furiosus*¹¹. Это мир, в котором все против всех, а молитвы наполнены и ненавистью, и злостью. Радикалы предсказывают конец света, потешая одних и смущая других. – Роджер посмотрел на меня с печальной улыбкой. – Помнишь, в юности мы читали о глупости торговли индульгенциями, о бесконечных

¹¹ Жестокий мир (*лат.*).

церемониях и мессах на латыни, которые не позволяли обычным людям понять смысл посланий Иисуса?

– О да, мы тогда были завязаными книжечками. Вспомнить хотя бы книги Хуана Вивеса, писавшего о том, что христианский правитель может положить конец безработице, поощряя общественные работы, строительство больниц и школ для бедных. Но мы тогда были молоды и полны мечтаний, – с горечью закончил я.

– Мечтаний о христианском обществе, живущем в добре и гармонии. – Роджер вздохнул. – Ты гораздо раньше меня понял, что все вокруг прогнило.

– Я тогда служил у Томаса Кромвеля.

– А я всегда был настроен более радикально, чем ты. – Он повернулся ко мне. – И все же я по-прежнему верю в то, что государство и церковь, не будучи намертво связаны с Папой Римским, могут быть превращены в нечто хорошее и глубоко христианское, несмотря на продажность наших властителей и всех этих новых фанатиков.

Я ничего не ответил.

– А ты, Мэтью? – спросил Роджер. – Во что ты веришь сегодня? Ты никогда не говоришь об этом.

– Я и сам не знаю, Роджер, – тихо признался я. – Нам сворачивать. Давай сменим тему разговора. Улицы здесь узкие, дома – совсем близко, а наши голоса слышны далеко. Нынче нужно говорить с осторожностью.

Солнце уже садилось, когда мы въехали на узкую улочку в Баклсбери, где жил и работал Гай. На ней было видимо-невидимо аптекарских лавок, и Роджер изменился в лице, увидев чучела аллигаторов и прочие диковинные предметы, выставленные в витринах. Когда мы спешили и привязали лошадей к ограде, он испытал огромное облегчение, обнаружив, что в витрине Гая нет ничего ужаснее стеклянных банок с разноцветными пилюлями.

– Почему твой друг обосновался в такой дыре, если он действительно хороший врач? – спросил Роджер, доставая склянку с мочой из седельной сумки.

– Гая только в прошлом году приняли в корпорацию врачей – после того, как он спас ногу богатому олдермену. До этого из-за темной кожи и того, что раньше он был монахом, его туда не пускали, несмотря на то что во Франции Гай получил степень доктора. Он мог быть только аптекарем.

– Но почему он по-прежнему остается здесь? – недоумевал Роджер.

Он сморщился от отвращения, заметив в соседней витрине детеныша мартышки в банке с рассолом.

– Он говорит, что привык к жизни здесь.

– Среди всех этих чудищ?

– Это всего лишь бедные мертвые существа. – Я ободряюще улыбнулся. – Некоторые аптекари утверждают, что сушеные части человеческих тел, растертые в порошок, могут творить чудеса. Гай к их числу не относится.

Я постучал в дверь, и ее почти сразу открыл мальчик в синем халате подмастерья. Это был ученик аптекаря Пирс Хаббердин, которого Гай взял в обучение годом раньше. Высокий темноволосый подросток, он обладал столь привлекательными чертами, что на улице вслед ему оборачивалось множество женских головок. Гай говорил, что ученика отличают необычайное трудолюбие и добросовестность, что было большой редкостью среди лондонских подмастерьев, получивших печальную известность из-за расхлябанности и отсутствия дисциплины. Парень отвесил нам низкий поклон.

– Добрый вечер, мастер Шардлейк. А вы, должно быть, мастер Эллиард?

– Да.

– Это, наверное, ваш анализ мочи? Позвольте, я заберу его.

Роджер с видимым облегчением избавился от треклятой склянки, и Пирс провел нас в лавку.

– Сейчас я позову доктора Малтона, – сказал он и оставил нас.

Я вдыхал сладкий мускусный запах лечебных трав, который наполнял врачебный кабинет Гая, Роджер рассматривал снабженные аккуратными ярлыками банки, выстроившиеся на полках. Маленькие пучки сушеных трав лежали на столе, где стояли ступка с пестиком и крошечные весы вроде тех, что используют золотых дел мастера. Над столом висела диаграмма с изображением четырех стихий и типов человеческого темперамента, отвечающих каждому из них: меланхолический, флегматический, сангвинический и холерический. Роджер внимательно изучил картинку.

– Дороти утверждает, что я легкий, жизнерадостный человек холерического склада, – заметил он.

– С некоторым налетом флегматичности. Если бы твой характер был бы столь мягок, ты не смог бы работать юристом.

– А ты, Мэтью, вечный меланхолик. Тебя отличает привычка видеть все в черном цвете.

– Я не был таким пессимистом до тех пор, пока полтора года назад меня не свалила лихорадка. – Я посмотрел на друга серьезным взглядом. – Если бы не Гай, она свела бы меня в могилу. Не переживай, Роджер, он поможет тебе.

Наконец в комнату вошел Гай, и я с облегчением повернулся к нему. Гаю уже стукнуло шестьдесят, и его волосы – черные, когда мы с ним познакомились, – побелели. На их фоне еще сильнее выделялась темно-коричневая кожа его лица. Я заметил, что он начал полнеть, что свойственно почти всем пожилым людям.

Когда мы познакомились шесть лет назад, Гай был монастырским лекарем. Тогда монастыри давали приют многим чужеземцам, среди которых оказался и Гай Малтон. Его родиной был испанский город Гренада, а предки – мусульманами. Он сменил рясу бенедиктинца на аптекарский халат, а теперь носил уже черное, с высоким воротником платье врача.

Когда Гай вошел, он показался мне озабоченным, словно его грызла какая-то печаль. Но когда он поднял глаза на нас, широкая улыбка осветила лицо моего друга.

– Здравствуй, Мэтью, – сказал он со своим экзотическим акцентом. – А вы, верно, мастер Эллиард?

Темные глаза внимательно ощупывали Роджера.

– Да, – ответил Роджер, нервно шаркнув ногой.

– Пойдемте в мой смотровой кабинет, поглядим, что там у вас за беда.

– Я принес мочу, как вы и просили, и отдал ее мальчику.

– Хорошо. – Гай улыбнулся. – Хотя в отличие от некоторых моих коллег я не основываюсь в своих диагнозах исключительно на анализе мочи. Для начала я осматрю вас. Ты подождешь нас здесь, Мэтью?

– Конечно.

Оставшись в одиночестве, я опустил на стул у окна. Вечерело, бутылки и склянки отбрасывали длинные тени на пол. Я снова стал думать об Адаме Кайте. Тревога не покидала меня. А что, если Гай, который продолжал втайне от всех хранить верность прежним религиозным догматам, тоже признает Адама одержимым? Я поймал себя на том, что на протяжении двух последних дней часто вспоминаю темноволосую женщину-смотрителя. Почему она никогда не сможет покинуть Бедлам? Может быть, ее пребывание в больнице является неким принудительным заключением?

Открылась дверь, и в комнату вошел Пирс со свечой в руке и большой книгой под мышкой. Книгу он поставил на высокую полку, рядом с несколькими другими, а свечу установил в длинный подсвечник и зажег ее. К аромату трав добавился запах горячего воска.

Затем подмастерье повернулся ко мне и спросил с отменной учтивостью:

– Вы не будете возражать, если я продолжу мою работу, сэр?

– Сделайте милость.

Молодой человек сел за стол, взял пучок трав и принялся толочь их в ступке. Предварительно он засучил рукава своей робы, и я видел, как на его руках перекачиваются сильные мускулы.

– Давно ли ты работаешь на доктора Малтона? – спросил я.

– Всего лишь год.

Он повернулся ко мне и улыбнулся, продемонстрировав ослепительно-белые зубы.

– Твой прежний хозяин умер?

– Да, сэр. Он жил на соседней улице. После его внезапной смерти доктор Малтон взял меня к себе. Для меня это стало большой удачей. Он человек редких знаний и к тому же очень добрый.

– Это точно, – согласился я.

Пирс снова занялся работой. Как же сильно он отличался от других подмастерьев, шумных бездельников, вечно ввязывающихся в разного рода неприятности! Самообладание, уверенность, сквозившие в каждом его движении и слове, подходили скорее мужчине, чем мальчику.

Гай и Роджер вернулись только через час. Уже изрядно стемнело, и Пирсу приходилось низко наклоняться над столом, чтобы видеть свою работу. Гай положил руку ему на плечо:

– Хватит на сегодня, дружок. Иди и поужинай. Но сначала принеси нам пива.

– Да, сэр.

Пирс поклонился и вышел. Я взглянул на Роджера и с удовольствием увидел на его лице чувство глубочайшего облегчения.

– У меня нет падучей! – ликуя, сообщил он.

Гай тонко улыбнулся:

– Самые странные вещи могут иметь простейшее объяснение. Я всегда предпочитаю начинать с поисков самого простого объяснения, которое, как учил нас Уильям Оккам¹², чаще всего и является истинным. Поэтому я начал с осмотра ног мастера Эллиарда.

– Он заставил меня стоять босым, измерил мои ноги, а потом уложил на кушетку и принялся сгибать и разгибать их. Должен признаться, я был удивлен. Я ехал сюда, рассчитывая узнать диагноз, основанный на анализе мочи...

– Однако это нам не понадобилось, – с видом триумфатора улыбнулся Гай. – Я обнаружил, что правая стопа мастера Эллиарда заметно заворачивается в сторону левой, а причина этого состоит в том, что левая нога слегка длиннее правой. Этот дефект формировался годами, а спасением от него является специальный башмак с деревянной вставкой, который исправит походку. Я велю юному Пирсу изготовить такой для вас. У него очень умелые руки.

– Не могу выразить вам всей глубины моей благодарности, сэр, – с искренней теплотой проговорил Роджер.

В дверь постучали. Вернулся Пирс с тремя оловянными кружками на подносе, который он поставил на стол.

– Давайте выпьем за счастливое избавление мастера Эллиарда от падучей.

Гай взял стул и подвинул второй Роджеру.

– Роджер подумывает о том, чтобы собрать по подписке деньги на организацию больницы, – сообщил я Гаю.

¹² Уильям Оккам (ок. 1284 – ок. 1350) – английский философ-схоласт, известный сегодня главным образом благодаря предложенному им принципу экономии мышления («бритва Оккама»), суть которого состоит в том, что всякое подлинное объяснение (а стало быть, любая теологическая или философская система) должно быть предельно простым.

Гай грустно покачал головой:

– Больницы крайне нужны этому городу. Это был бы добрый и глубоко христианский поступок. Возможно, и я смогу чем-то помочь, посоветовать?

– Это было бы очень благородно с вашей стороны, сэр.

– Роджер до сих пор разделяет идеалы Эразма, – сказал я.

Доктор кивнул:

– Я тоже когда-то изучал труды Эразма. Они пользовались большой популярностью, когда я впервые приехал в Англию. Мне казалось, что в его рассуждениях о чрезмерном богатстве церкви и о ее излишней приверженности внешним церемониям что-то есть, но большинство моих собратьев, монахов, так не считали, утверждая, что его пером водила легкомысленность.

Лицо Гая потемнело.

– Возможно, они были более прозорливы, чем я, и уже тогда предвидели, что разговоры о реформах рано или поздно приведут к разрушению монастырей и всему, что последовало за этим. И ради чего? – с горечью спросил он. – Ради того, чтобы восторжествовали жадность и страх.

Речи Гая в защиту монахов заставили Роджера почувствовать неловкость. Я перевел взгляд с одного на другого. Гай в душе по-прежнему оставался католиком, Роджер раньше был радикальным сторонником реформ, но потом стал умеренным, а я находился даже не между ними, а вообще в стороне, особняком. Довольно одинокое местечко.

– У меня есть еще одно дело, в связи с которым я хотел попросить у тебя совета, Гай, – решил я сменить тему. – Это случай, связанный с психическим расстройством на религиозной почве или, по крайней мере, похожий на него.

Я рассказал ему историю Адама Кайта.

– И вот, Тайный совет взял да и упрятал его в Бедлам: с глаз долой – из сердца вон, – заключил я свой рассказ. – Родители парня хотят, чтобы я вытащил их сына оттуда, но мне думается, что это не самая лучшая мысль.

– Мне известно о случаях навязчивой влюбленности, – задумчиво протянул Роджер, – но навязчивая религиозность... О таком я не слышал.

– Я слышал, – сказал Гай.

Мы оба повернулись и уставились в его темное непроницаемое лицо.

– Это новое психическое заболевание, которое Мартин Лютер добавил в копилку человеческих несчастий.

– Что ты имеешь в виду? – заинтересовался я.

– Всегда существуют люди, которые ненавидят себя и изводят, испытывая чувство вины за реальные или вымышленные проступки. Я неоднократно встречался с подобными случаями в бытность свою монастырским врачом. Мы всегда говорили таким людям, что Господь прощает каждого, кто раскаялся в своих грехах, ибо Он никого не обходит своей милостью.

Гай поднял голову, и в его голосе зазвучал гнев, что случилось с ним крайне редко.

– Но теперь нам говорят, что Бог будто бы по какому-то собственному капризу решил одних спасать, а других предавать вечному проклятию. Но если вы не можете рассчитывать на Божественную милость, вы обречены. Это один из основных постулатов Лютера. Я знаю, я читал его. Лютер может чувствовать себя ничтожной тварью, спасенной милостью Божьей, но задумался ли он над тем, чем может обернуться его философия для других, которые не обладают его внутренней силой и надменностью?

– Если бы это было правдой, разве не сошла бы с ума половина человечества? – спросил Роджер.

Гай неожиданно ответил на этот вопрос другим вопросом:

– А вот вы верите в то, что на вас лежит милость Божья?

– Я надеюсь на это. Я стараюсь жить по совести и верить в то, что могу быть спасен.

– Да, большинство, как вы и я, предпочитают жить надеждой на спасение, оставляя все остальное на усмотрение Бога. Но сейчас появились такие, которые абсолютно уверены в том, что они уже спасены. Эти люди могут быть опасны, поскольку считают себя особыми, не такими, как все остальные. Однако у любой монеты есть две стороны, поэтому существуют и другие – те, кто страстно желает уверенности и в то же время полагает себя недостойным. Такое состояние может обернуться тем, что происходит сейчас с вашим бедным юношей. Я слышал, это называют манией спасения души, хотя вряд ли этот термин способен передать те муки, что испытывают люди, страдающие этим заболеванием.

Он помолчал.

– Однако главный вопрос, я полагаю, заключается в другом: почему мальчик вдруг стал одержим чувством собственной греховности?

– Может, он и вправду натворил каких-нибудь великих грехов? – предположил я и с облегчением увидел, как Гай отрицательно помотал головой.

– Нет. Обычно в таких случаях речь идет о маленьких, незначительных проступках. Великими их делает то, как работают головы этих людей.

– Ты сможешь мне выяснить, что это, Гай? Некоторые в Бедламе считают Адама одержимым дьяволом. Боюсь, они могут причинить ему вред.

– Я съезжу туда и взгляну на него, Мэтью, – пообещал Гай. – Разумеется, я поеду как врач, а не как бывший монах, иначе он и впрямь перепугается, подумав, что оказался в лапах дьявола.

Внезапно вид у моего друга сделался усталым и постаревшим.

– Спасибо. Юный Пирс поистине неутомимый работник, – зачем-то заметил я.

– Да, он хороший ученик, – ответил Гай и тихо добавил: – Возможно, даже лучше, чем я заслуживаю.

– О чем это ты? – озадаченно спросил я.

Он пропустил мой вопрос мимо ушей.

– Пирс вдобавок ко всему еще и очень умен. Он все схватывает на лету. – Гай неожиданно улыбнулся, отчего его лицо неузнаваемо изменилось. – Позвольте, я покажу вам кое-что. То, что я обсуждал с Пирсом, то, что является новым словом в искусстве врачевания, и то, чего не приемлют многие мои коллеги по цеху.

Гай встал, подошел к полке, снял с нее ту самую книгу, которую незадолго до этого поставил туда подмастерье, и с превеликой осторожностью положил фолиант на стол. Мы с Роджером встали по бокам от него.

– «De Humani Corporis Fabrica», – негромко прочитал Гай. – Трактат «О строении человеческого тела». Только что вышел из печати. Мне привез его мой друг, немецкий торговец. Это анатомический атлас, написанный Андреасом Везалием, фламандским врачом, работающим в Италии. Там давно разрешено посмертное вскрытие человеческих тел, в то время как здесь оно до последнего времени находилось под запретом.

– Старая церковь не одобряла этой практики.

– И была не права. Везалий стал первым за многие века, а то и вообще за всю историю медицины ученым, который в столь беспрецедентных масштабах занялся препарированием человеческих тел. И знаете, что он обнаружил? Что древние – Гиппократ и Гален – эскулапы, на авторитет которых прежде было нельзя покуситься без риска вылететь из корпорации врачей, ошибались!

Гай повернулся к нам. Его темные глаза блестели.

– Везалий доказал, что древние заблуждались во многих своих описаниях внутренних органов человеческого тела. А все потому, что им не было разрешено анатомировать трупы и их описания основывались на исследовании не человеческих органов, а органов животных.

Гай засмеялся.

– Эта книга наделает много шума. Научное общество попытается всячески дискредитировать, а то и вовсе запретить ее.

– Но откуда нам знать, что Везалий был прав, а древние эскулапы ошибались?

– Это легче легкого, стоит лишь сравнить описания и рисунки из этой книги с тем, что мы видим, препарировав человеческое тело. Сейчас для публичного вскрытия доступны тела четырех повешенных преступников.

При этих словах я внутренне съежился, поскольку всегда отличался некоторой брезгливостью, но Гай продолжал:

– И в правильности того, о чем я сейчас говорил, мне удалось убедиться лично.

– Каким образом? – осведомился Роджер.

– Лондонский коронер имеет право потребовать вскрытия трупа с целью выяснения причин смерти. Большинство врачей считают подобную работу ниже собственного достоинства, тем более что и платят за нее гроши. Но я предложил свои услуги, и это позволило мне убедиться в правоте Везалия. Он ни в чем не ошибся.

Гай медленно, почти благоговейно раскрыл книгу. Написанная на латыни, она включала множество иллюстраций великолепного качества, но в чем-то смешных и жестоких. По мере того как доктор листал страницы, я видел изображение скелета, сидящего на столе в позе мыслителя, тело с начисто снятой кожей и выставленными на всеобщее обозрение внутренностями. В уголке рисунка с ворохом человеческих кишок сидел херувимчик, который испражнялся и при этом мило улыбался читателю.

Гай открыл книгу на странице с рисунком вскрытого человеческого сердца, лежащего на столе.

– Вот, – сказал он, – видите? У сердца четыре желудочка. Четыре, а не три, как нас всегда учили!

Я кивнул, хотя видел перед собой только ужасающую мешанину каких-то клапанов и тканей. Переведя взгляд на Роджера, я заметил, что тот заметно побледнел.

– Все это очень интересно, Гай, – поспешил я закончить неприятный разговор, – но, боюсь, несколько выходит за рамки нашего понимания. Кроме того, нам пора возвращаться в Линкольнс-Инн.

– Ну что ж, очень хорошо.

Обычно очень тонко чувствующий других людей, Гай сейчас, похоже, не ощутил, как покорила нас его книга. Он улыбнулся:

– Возможно, этот год является провозвестником наступления эры чудес. Я слышал, некий польский ученый напечатал книгу, в которой доказывает, что не Солнце вращается вокруг Земли, а наоборот. Я уже попросил своего друга привезти мне экземпляр. В новом, тысяча пятьсот сорок третьем году мы можем оказаться на пороге нового мира.

– Вы знакомы со многими чужеземными торговцами? – с любопытством поинтересовался Роджер.

– Мы, кто выглядит и говорит иначе, чем остальные, должны держаться друг друга, – с невеселой улыбкой ответил Гай.

Он принес нашу одежду, а Роджер оставил на столе плату за консультацию. Гай пообещал, что лечебные вкладки в башмаки будут готовы не позже чем через пару недель. Роджер еще раз горячо поблагодарил Гая за помощь, и мы распрощались. Как только дверь захлопнулась, он стиснул мою руку.

– Не могу передать, насколько я благодарен тебе за то, что ты привез меня к доктору Малтону. Я твой должник навек!

– Какие могут быть долги между друзьями? – с улыбкой ответил я. – Рад, что сумел тебе помочь.

– Правда, можно было бы обойтись и без книги про разрезанные трупы, – пробормотал Роджер, когда мы отъезжали.

Двигаясь вверх по Баклсбери, мы доехали до Олд-Бардж, старинного здания времен Генриха III. Длинный особняк был превращен в переполненный жильцами доходный дом. Именно тут жили Барак и Тамазин.

– Послушай, Роджер, ты не будешь возражать, если здесь мы с тобой расстанемся? – спросил я. – Мне нужно кое-кого навестить.

Он посмотрел на дом и скептически вздернул бровь.

– Надеюсь, не какую-нибудь дешевую шлюху? Я слышал, здесь их хоть отбавляй.

– Нет, тут живут мой клерк и его жена.

– А я тогда отправлюсь повидаться со своим новым клиентом.

– Что за дело?

– Еще не знаю. Поверенный прислал мне письмо и сообщил про своего клиента, у которого в Саутуорке возник какой-то имущественный спор. Клиент слишком беден, чтобы оплатить услуги барристера, но стряпчий утверждает, что дело интересное, и спрашивает, не возьмусь ли я за него безвозмездно. Все это пока звучит весьма расплывчато, но я обещал подъехать и встретиться с клиентом.

– Кто поверенный?

– Человек по имени Нантвик. Я прежде никогда не слышал о нем, но сейчас так много этой публики, рыскающей по судебным корпорациям в поисках любой, даже самой мелкой работы. – Роджер плотнее запахнул накидку. – Впрочем, нынче слишком холодно для верховых поездок. Отправлюсь-ка я лучше домой и в спокойной обстановке отпраздную конец своих страхов.

Он развернул лошадь, но придержал ее. Воздух был холодным и густым от древесного дыма.

– И где только потерялась весна? – спросил он, махнул мне рукой на прощание и растворился в ночной темноте.

Я спешил и пошел к освещенным окнам Олд-Бардж.

Глава 5

Я посещал жилище Барака еще в дни, предшествовавшие его женитьбе на Тамазин, и до сих пор помнил, какая именно из некрашенных дверей с улицы вела к нескольким ветхим квартирам, на которые был разделен старый, полуразвалившийся дом. Поднимаясь в крошечной темноте по немилосердно скрипучим ступеням, я неизменно испытывал ощущение, что все это жалкое сооружение вот-вот обрушится.

Я помнил жилище Барака как типичное логово молодого холостяка: горы грязных тарелок на столе, разбросанная по полу одежда и мышинный помет по углам. Поэтому я обрадовался, когда он сообщил, что после свадьбы они переберутся в маленький домик, расположенный где-то возле Линкольнс-Инн. Но впоследствии им пришлось отказаться от этого плана, к моему великому огорчению: Олд-Бардж был совсем неподходящим местом для молодой девушки, особенно столь домовитой, как Тамазин.

На втором этаже я постучал в дверь их каморки. Через минуту дверь приоткрылась, и я увидел головку с аккуратной прической, золотистым абрисом выделяющуюся на фоне света горевшей внутри свечи.

– Кто там? – нервно спросила женщина.

– Я, мастер Шардлейк.

– Ах это вы, сэр! Добро пожаловать.

Тамазин распахнула дверь, и я вошел в большую комнату, служившую одновременно столовой, спальней и гостиной. Повсюду была видна заботливая женская рука: везде царил чистота, тарелки вымыты и аккуратно сложены в старом обшарпанном буфете, кровать тщательно заправлена. Но в комнате пахло сыростью, а на стене по периметру окна бежали дорожки черной плесени. Было видно, что ее пытались оттереть, но плесень возвращалась снова и снова. Барака дома не было.

– Не желаете присесть, сэр? – Тамазин указала на стул возле стола. – Могу я взять вашу накидку? Барака, видите ли, нет дома.

– Нет, накидку я, пожалуй, оставлю. Я, гм, ненадолго.

На самом деле в комнате, где не горел огонь, было так холодно, что я не испытывал ни малейшего желания раздеваться. Я сел и принялся разглядывать Тамазин. Она была очень привлекательной молодой женщиной двадцати с небольшим лет, с высокими скулами, большими голубыми глазами и полными губами. До замужества она гордилась тем, что никогда не отказывала себе в хорошей одежде, теперь же на ней было бесформенное серое платье с застиранным белым фартуком, а ее светлые волосы скрывал большой чепец домохозяйки. Она радостно улыбнулась, но от меня не укрылось, что ее плечи ссутулились, а глаза потухли.

– Давненько я вас не видела, сэр, – проговорила она.

– Почти полгода. Как поживаете, Тамазин?

– О, весьма хорошо. Какая жалость, что нет Джека!

– Это не важно. Я отводил друга на консультацию к доктору Малтону, а на обратном пути проезжал мимо и решил заглянуть к вам.

– Не желаете ли кружечку пива, сэр?

– Желаю, но мне, пожалуй, пора отправляться.

Я знал, что нарушаю правила приличия, находясь с ней наедине.

– Нет, сэр, не уходите! Ведь мы же с вами старые друзья.

– Надеюсь, что так.

– Мне сейчас очень нужна добрая компания.

Она отошла, налила в кружки пива из кувшина, стоявшего в кухонном шкафу, принесла их к столу и села на стул, стоявший напротив меня.

– Доктор Малтон сумел помочь вашему другу?

Я сделал глоток пива, оказавшегося, к моему удивлению, приятно крепким.

– Да. Мой друг вдруг стал без видимых причин часто терять сознание и решил, что у него приключилась падучая, но, как оказалось, у него какие-то нелады с ногами.

Тамазин улыбнулась – тепло, как в старые добрые времена.

– Представляю, какое облегчение он испытал!

– Это точно. Сейчас, небось, пляшет от радости, невзирая на неправильные ноги.

– Доктор Малтон – хороший человек. Ведь это он спас вас, когда позапрошлой зимой вы заболели лихорадкой.

– Да, я обязан ему жизнью.

– А вот моему бедному маленькому Джорджи он помочь не сумел.

– Я знаю.

Она смотрела на пустое место у дальней стены.

– Он родился мертвым, мертвым лежал в своей маленькой колыбельке, которую мы сделали сами и поставили вон там. – Женщина перевела на меня глаза, полные боли. – Потом я не хотела, чтобы Джек убирал колыбельку. Мне казалось, пока она здесь, какая-то частица Джорджи тоже остается с нами. Но ему было невыносимо любое напоминание об этой потере.

– Приношу извинения за то, что я не пришел повидать вас после этой трагедии, Тамазин. Я собирался, но Джек сказал, что вам лучше побыть наедине друг с другом.

– Я была сама не своя. Джек не хотел, чтобы вы видели меня такой. А вы? Как ваше здоровье, сэр?

– Весьма удовлетворительно, – улыбнулся я. – Много работаю и процветаю, в том числе и благодаря вашему Джеку.

– Он просто восхищается вами, сэр. Все время рассказывает о том, как мастер Шардлейк выиграл то или иное дело, «обнаружив новые доказательства и опрокинув все бастионы противника».

– Правда? – Я рассмеялся. – Мне действительно кажется, что иногда он смотрит на меня как на полководца.

– Так и есть, сэр.

– Да...

Я улыбнулся женщине. Когда мы впервые познакомились два года назад во время большого королевского путешествия в Йорк, уверенная в себе, полная жизни Тамазин поначалу вызвала у меня некоторые подозрения, но по мере того как мы сообща преодолевали опасности, я проникся к ней поистине отцовской привязанностью. Глядя на уставшую домохозяйку, сидевшую напротив, я думал: куда девалось все это?

Эти мысли, видимо, невольно отразились на лице, потому что губы Тамазин задрожали, а по щекам скатились две крупные слезы. Она опустила голову.

– Тамазин, – проговорил я, приподнявшись на стуле, – ну зачем вы это?

– Простите, сэр.

– Ну же! По сравнению с тем, через что нам пришлось пройти в Йоркшире, несколько слезинок – ничто. Расскажите мне, что вас тревожит?

Она, захлебываясь, вздохнула, вытерла глаза рукавом и повернула ко мне заплаканное лицо.

– Все началось со смертью ребенка, – тихо заговорила она. – Для Джека она стала таким же потрясением, как для меня. Говорят, когда умирает ребенок, сердце матери каменеет, но у Джека оно окаменело тоже. О, он так зол!

– На вас?

– На всех. На самого Бога. Он считает, что Всевышний поступил жестоко, забрав у него ребенка. Он и раньше не особенно часто ходил в церковь, а теперь и вовсе носу туда не кажет. Завтра Пасха, но он не пойдет ни на литургию, ни на исповедь.

– А вы пойдете?

– Да, хотя... Я чувствую, будто из меня тоже выдавили веру. Но вы же меня знаете, – добавила она с оттенком своего прежнего юмора. – Я предпочитаю находиться на той стороне, где и власть.

– В наши дни это очень осмотрительно.

– По словам Джека, я хожу в церковь лишь для того, чтобы похвастаться своими лучшими нарядами. – Она посмотрела на свой фартук. – Что ж, в этом есть доля правды. После того как целую неделю носишь вот это, хочется хоть изредка приодеться во что-нибудь нарядное. Но я опасаясь, что, если Джек и дальше будет упрямо отказываться посещать церковь, это привлечет внимание, поползут слухи, церковные старосты начнут задавать вопросы, и в итоге он окажется в беде. Тем более что всем известно: в его жилах течет иудейская кровь. – Тамазин скорбно сложила губы, помолчала и добавила: – Он мечтал о том, что его род продолжится через нашего ребенка, и все время говорит об этом, когда напьется.

– Он часто пьет?

Я вспомнил, каким потрепанным выглядел мой помощник сегодня утром.

– Все чаще. Уходит со своими старыми приятелями и иногда пропадает ночами. Вот и сейчас где-то шляется. И я думаю, что он водит шашни с другими женщинами.

– С кем? – ошеломленно спросил я.

– Не знаю. Наверное, с соседками. Вам же известно, что за публика здесь обитает.

– Вы в этом уверены?

Она посмотрела мне прямо в глаза:

– Да. Запах, который исходит от него иногда по утрам, не оставляет места для сомнений.

– Нет ли признаков того, что через какое-то время у вас может появиться... другой ребенок?

– Нет. Наверное, я, как старая королева Кэтрин Арагонская, не способна производить на свет здоровое потомство.

– Ну-ну, зачем вы так! Ведь со времени смерти вашего первенца прошло – сколько? – всего полгода. Разве это срок, Тамазин?

– Этого хватило, чтобы Джек отвернулся от меня. Иногда в пьяном виде он начинает сетовать на то, что я, дескать, подавила его, превратила в домашнее существо. – Она обвела взглядом свое убогое жилище. – Как будто здесь можно хоть кого-то превратить в домашнее существо!

– Иногда Джек бывает невыносим, даже жесток.

– Что ж, он хотя бы не бьет меня. А ведь многие мужья поколачивают своих жен.

– Тамазин...

– О, протрезвев, он извиняется, он снова полон любви, называет меня цыпочкой, говорит, что не хотел меня обидеть, а все злые слова произносил лишь от злости на то, что Бог забрал у него сына. В этом я с ним согласна. Почему Господь поступает столь жестоко? – спросила женщина с внезапно вспыхнувшей в голосе злостью.

Мне оставалось лишь покачать головой.

– У меня нет ответа на этот вопрос, Тамазин. Подобные вещи и меня ставят в тупик.

– Сэр, – заговорила она, выпрямившись и устремив на меня взгляд, – не могли бы вы поговорить с Джеком, выяснить, что у него на уме? Он в последнее время стал таким странным, непредсказуемым. Я уже даже не знаю, нужна ли я ему еще.

– О Тамазин! – воскликнул я. – Я уверен в том, что он вас по-прежнему любит. А вот говорить с ним на такие темы совсем непросто. Если он узнает о том, что мы с вами обсуждали вашу семейную жизнь, то не на шутку разозлится.

– Да, он гордый. Но вы все же могли бы попытаться выяснить хоть что-нибудь. – Она смотрела на меня умоляющим взором. – Я знаю, вы умеете заставить людей разговариваться, а мне больше некого попросить о помощи.

– Я постараюсь, Тамазин, но торопиться не буду. Для этого нужно очень тщательно выбрать подходящий момент.

Она согласно кивнула:

– Благодарю вас.

Я встал:

– А теперь мне пора идти. Если он сейчас вернется и застанет вас изливающейся мне свои печали, то не на шутку рассердится. – Я положил ладони на ее руки. – Но если вам станет совсем невмоготу или захочется с кем-нибудь поговорить, отправьте мне записку, и я буду тут как тут.

– Вы так добры, сэр! Иногда я часами сижу, как бесчувственное бревно, и таращусь на эти пятна плесени, не ощущая в себе сил, не понимая, что со мной происходит. Я снова и снова отчищаю плесень, а она возвращается опять. – Женщина вздохнула. – Это не старые добрые времена, когда я прислуживала бедной королеве Кэтрин Говард. О, я была всего лишь ничтожнейшей из служанок, но там всегда было что-нибудь интересное.

– И опасное, как показало время, – с улыбкой вставил я.

– Верно.

Тамазин помолчала.

– Говорят, скоро будет новая королева. Вдова Кэтрин, леди Латимер. Она станет шестой. С ума сойти можно!

– Действительно странно.

Тамазин удивленно покачала головой:

– Ну был у нас еще когда-нибудь такой король?

Я оставил ее.

Спускаясь по темной, скрипучей лестнице, я вспоминал чудесный весенний день, когда поженились Барак и Тамазин. Я тогда, признаюсь, невольно завидовал их счастью. Холостяку несложно поверить в то, что все браки счастливы и благословенны. Именно это я наблюдал на примере Роджера и Дороти. Но сегодня я видел изнанку брака, те грустные вещи, которые скрывались за его внешней, вполне, казалось бы, благополучной стороной. Я был прав, предположив, что в семье моего помощника не все ладно, но и подумать не мог, что дело обстоит так скверно.

– Чертов Барак! – выругался я, выйдя на улицу и едва не столкнувшись с джентльменом, входившим в дом, возможно, чтобы навестить одну из здешних шлюх.

Большую часть Страстной пятницы и пасхальной субботы я провел дома, работая над документами. На Пасху я не пошел в церковь. Погода оставалась не по сезону холодной, к тому же снова повалил снег. Я находился в состоянии беспокойства. В воскресенье даже достал карандаши и альбом для рисования. В последний год я вернулся к своему старому хобби, рисованию, но в тот день из-под моего карандаша не выходило ничего путного. Я смотрел на пустой лист бумаги, но в воображении мелькали лишь какие-то расплывчатые круги и темные линии. Человек, находящийся в здравом уме, вряд ли мог бы составить из них хоть какое-то изображение.

Я улегся в постель, но уснуть не мог. В голове носились мысли о том, как в разговоре с Бараксом так подойти к теме о переживаниях Тамазин, чтобы не усугубить положение дел.

Незаметно я задремал, и мне приснился несчастный безумец Адам Кайт. Будто я вхожу в жалкую каморку в Бедламе и вижу его скрючившимся на полу и отчаянно молящимся. Но, приблизившись, слышу, что в молитвах он называет не имя Господа или Иисуса, а мое. «Мастер Шардлейк...» – бормочет он и просит меня даровать ему спасение души.

Я проснулся в холодном поту.

Было темно, но до рассвета оставалось недолго, поэтому я решил, что могу заняться работой, несмотря на Светлое Христово Воскресенье. В конторе накопилось изрядно бумажной работы. Моя домохозяйка уже поднялась и донимала своего помощника Питера требованиями разжечь огонь, чтобы хоть немного согреть холодные с ночи комнаты. Я позавтракал, надел мантию, поверх нее – накидку и отправился на Канцлер-лейн, где располагался Линкольнс-Инн.

Выйдя из ворот, я заметил, что снова становится теплее, а выпавший снег превращается в жидкую ледяную кашу. Я оглянулся на свой дом. Высокие дымоходы, торчавшие на черепичной крыше, четко выделялись на фоне удивительного утреннего неба: бледно-голубые полосы перемежались с розовыми от восходящего солнца облаками. Я двинулся вперед, думая о прошениях, которые должны были слушаться во вторник. В их числе было и дело Адама Кайта. Миновав главные ворота и закрытую по случаю раннего часа сторожку, я пошел по слякотному двору к своей конторе.

День еще не наступил окончательно. Почти все окна были темны, кроме моих собственных! Должно быть, Барак, не заходя домой, вернулся сюда после загульной ночи.

«Ну, погоди, негодник!» – подумал я.

И тут подпрыгнул от мужского крика:

– О боже!

В тот же момент я увидел две фигуры, стоящие возле фонтана и глядящие в воду.

– О боже! – с ужасом воскликнул один из них.

Я повернулся и бросился к ним. Лед был расколот, а вода в чаше приобрела зловещий ярко-красный цвет. Сердце мое оборвалось.

Судя по коротким черным мантиям, в которые были одеты двое молодых людей, стоявших у фонтана, это были студенты. Один – низенький и плотный, второй – высокий и худой. Оба выглядели помятыми и невыспавшимися. По всей вероятности, они возвращались после очередной студенческой попойки, длившейся всю ночь.

– Что там? – резко спросил я. – Что происходит?

Толстый студент повернулся ко мне.

– Там, в фонтане, человек, – дрожащим голосом проговорил он.

Второй показал на что-то, видневшееся из воды, и добавил:

– Вот нога...

Я окинул их цепким взглядом, пытаюсь определить, не является ли все это глупой шуткой подгулявших студентов, но, подойдя поближе, заметил, что из гущи ледяной мешанины действительно торчит мужская нога, обутая в башмак. Сделав глубокий вдох, я наклонился и разглядел очертания черной мантии, которая, подобно крыльям, трепетала в красной воде.

На мгновение у меня закружилась голова, но я собрал волю в кулак и повернулся к студентам.

– Помогите мне вытащить его оттуда! – не терпящим возражений голосом приказал я.

Коротышка в испуге отшатнулся, но высокий, напротив, приблизился ко мне.

– Тяни его за ногу, – велел я, – а потом и я ухвачусь.

Молодой человек осенил себя крестным знаменем, набрал в легкие воздуха и, ухватив утопленника за ногу возле колена, потянул на себя. Из воды появилось тело. Лед падал с него большими кусками. Второй студент пришел нам на подмогу.

Вытащив мертвеца, мы положили его на мокрую землю. Мантия облепила голову несчастного и скрывала его лицо. Я взглянул на тело. Это был хрупкий, худой мужчина.

– Поглядите на воду, – прошептал высокий студент.

Уже почти рассвело, и чаша фонтана теперь представляла собой круг цвета киновари.

– Она полна крови! – выдохнул второй. – Святой боже!

Я вновь повернулся к телу. Меня трясло, и не только от холодной воды, насквозь промочившей меня, пока я вытаскивал несчастного из фонтана. Я наклонился, взялся за край мантии и откинул ее в сторону, открыв лицо покойника.

– Господи Иисусе! – крикнул кто-то из студентов.

Он отвернулся, и я услышал натужные звуки рвоты.

Я же сидел, парализованный двойным ужасом. Первой причиной была глубокая зияющая рана на горле мужчины, протянувшаяся почти от уха до уха, ярко-красная на фоне мертво-бледной кожи. Второй – лицо убитого.

Это был Роджер.

Глава 6

Несколько мгновений я не мог оторвать взгляд от жалких останков моего друга, от ужасной раны на его горле. Глаза Роджера были закрыты, на алебастровом лице застыло мирное выражение. Но почему оно не искажено болью и страхом, которые он наверняка испытал, приняв такую страшную смерть? В моей голове забрезжила безумная надежда: вдруг то, что лежало сейчас передо мной, было вовсе не Роджером, а неким манекеном, который, решив зло подшутить, слепил из глины и сунул в фонтан какой-то сумасшедший художник. Иллюзия растаяла, когда из раны на снег вытекла струйка темной крови.

– Ради всего святого, сэр, прикройте его! – взмолился дрожащим голосом толстый студент.

Я снял плащ, наклонился, и тут на меня обрушилась волна эмоций.

– О, мой бедный друг! – вскричал я, и по лицу неудержимо потекли слезы.

Я нежно прикоснулся к щеке Роджера. Она была холодной как лед. Я накрыл тело плащом и опустился рядом с ним на колени, дав волю рыданиям.

Внезапно мне на плечо легла чья-то рука, и от неожиданности я вздрогнул. Подняв голову, я увидел участливое лицо высокого студента, помогавшего мне.

– Простите, сэр, – робко проговорил он, – что же нам делать? Скоро здесь появятся люди.

Я поднялся – ноги едва держали меня – и сделал глубокий вдох.

– Отправляйся и сообщи о случившемся привратнику. Пусть он поставит в известность констебля, а тот вызовет коронера. Ты сможешь сделать это, сынок?

– Да, сэр.

Парень кивнул и бросился бежать к сторожке у ворот. Я же повернулся и вновь принялся смотреть на огромную каменную чашу, полную кроваво-красной воды. Солнце уже почти взошло, принеся долгожданное тепло и одновременно с этим осветив безжизненное тело и кровавый фонтан во всем их ужасном виде. Второй студент стоял, отвернувшись, и трясся всем телом.

– Эй! – окликнул я его. – Ты можешь сбегать через двор к моей конторе? В ее окнах должен гореть свет. Там, видно, находится мой помощник. Передай ему, чтобы немедленно шел сюда. Его зовут Барак.

Молодой человек всхлипнул, кивнул и поплелся прочь. Я посмотрел на окна квартиры Эллиардов. Они были темны. Я молился о том, чтобы Дороти все еще находилась в постели. С замиранием сердца я думал, что именно мне придется сообщить ей о гибели Роджера. Эту миссию я не мог перепоручить никому другому. Через несколько секунд ко мне подбежал Барак. Когда он увидел тело у фонтана, у него отвисла челюсть.

– Клянусь кишками Иуды! Какого черта здесь приключилось?

У него были красные от недосыпа глаза, и от него пахло вином. Однако ни то ни другое не имело сейчас ровным счетом никакого значения.

– Роджер Эллиард мертв, – срывающимся голосом сообщил я. – Его убили.

– Здесь? – словно не веря своим глазам и ушам, спросил Барак.

– Ночью кто-то перерезал ему горло и бросил тело в фонтан.

– Боже праведный!

Барак наклонился, отвел полу моего плаща, посмотрел в мертвое лицо и снова накрыл его тканью. Затем он взглянул в сторону фонтана.

– Горло ему, должно быть, перерезали, когда он уже находился в фонтане. На земле крови нет. – Барак озадаченно наморщил лоб. – И никаких следов борьбы на снегу. Если только...

Он в нерешительности умолк.

– Что?

– Если только он не сделал это сам. Он ведь боялся, что заболел какой-то страшной болезнью?

– Не было у него никакой болезни. По крайней мере, опасной. В четверг я возил его к Гаю. Ты что же думаешь, что человек способен вот таким способом лишиться себя жизни прямо посередине Гейтхаус-корта? – Мой голос уже звенел. – Не пытайся казаться глупцом! Роджер был всем доволен, у него было все, ради чего стоит жить! Он вынашивал планы создания больницы для бедных, он был счастливо женат на лучшей из женщин...

Я поймал себя на том, что кричу, и осекся. Положил одну ладонь на мокрый лоб, а вторую поднял в примирительном жесте.

– Извини, Джек.

– Все в порядке, – спокойно откликнулся он. – Вы просто в шоке.

– Нет, я зол, – ответил я, чувствуя, как дрожит голос. – Все это было организовано как чудовищный спектакль.

Барак несколько секунд размышлял.

– Да, – медленно проговорил он, – если бы эти студенты не наткнулись на беднягу, его нашли бы ваши коллеги-бюрократы, направляясь на пасхальную службу.

Я вновь посмотрел на тело и стиснул кулаки.

– Кто мог совершить столь ужасающую расправу над хорошим, мирным человеком? Перерезать ему горло и оставить истекать кровью в фонтане! Да еще в день Пасхи. И за что?

Я услышал приглушенный шум голосов. Три барристера вышли из своих домов и приближались к нам. Возможно, они услышали мои крики. При виде тела один из них вскричал:

– Пресвятая Богородица!

Высокий пожилой мужчина в шелковой мантии растолкал коллег и вышел вперед. Я с облегчением узнал в нем казначея Роуланда. Его нечесаные седые волосы стояли торчком.

– Брат Шардлейк? – спросил он. – Что происходит? Меня поднял с постели привратник...

Увидев лежащий на земле труп, прикрытый моим плащом, он резко умолк и переместил наполненный страхом взгляд к кровавому фонтану.

Я рассказал ему все, что знал. Он глубоко вдохнул, наклонился и открыл лицо Роджера. Я едва сдержался, чтобы не потребовать у него не прикасаться к моему мертвому другу. Среди зрителей пробежал шепоток ужаса. К этому времени вокруг нас собралось не менее дюжины человек. Был в их числе и Билкнэп. Всегда приходивший в возбуждение от любого скандала, сейчас он стоял молча – бледный и выглядящий больным. Я подумал, что Дороти непременно услышит гул голосов, значит нужно незамедлительно сообщить ей о случившемся. Но в этот момент Барак тихо проговорил мне на ухо:

– Вы должны кое-что увидеть. Идемте со мной.

– Я должен поставить в известность жену Роджера...

– Но сначала взгляните на то, что я хочу вам показать.

Я постоял в нерешительности, а затем кивнул.

– Мастер казначей, – проговорил я, – вы позволите мне ненадолго удалиться?

– Куда вы собрались? – строго спросил он. – Вы и эти юнцы первыми обнаружили тело, значит вы обязаны дождаться коронера.

– Я вернусь через минуту, а потом сообщу о случившемся миссис Эллиард. Я друг их семьи.

Краем глаза увидев, что из-за угла вышел какой-то студент и направляется к трупу, старик повернулся к нему и завопил:

– Убирайся отсюда, ты, жалкий недоучка! Не на что тут тарашиться!

Я позволил своему помощнику оттащить меня в сторону.

Отведя меня футов на двадцать, Барак спросил:

– Видите эти следы?

Я посмотрел вниз. Суетясь возле фонтана, я и двое студентов примяли снег, а сбежавшие позже зеваки и вовсе затоптали все место преступления. Но Барак указывал на две вереницы следов, не пострадавших от нашествия. Одна цепочка тянулась к фонтану, другая уходила от него и вела за угол здания, где жили Эллиарды. Это было то самое место, где неделей раньше я заметил неизвестного, проникшего на территорию Линкольнс-Инн.

Низко наклонившись, Барак рассматривал следы.

– Обратите внимание, насколько глубже следы, ведущие к фонтану, по сравнению с теми, что уводят от него. Словно кто-то нес сюда что-то тяжелое.

– Я слышал, как кто-то возился здесь в новогоднюю ночь, – выдохнул я. – Он перелез через стену...

– Давайте пройдем по следам.

– Я должен рассказать Дороти...

– Снег скоро растает, и следы исчезнут.

И действительно, утреннее весеннее солнце пригревало на совесть, и уже слышны были звуки капли. Поколебавшись, я последовал за Баракком. Мы завернули за угол здания.

– Следы обычного размера, – заявил Барак.

– Кому бы ни принадлежали эти следы, они больше, чем оставил бы Роджер.

Отпечатки на снегу привели нас к стене, резко повернули направо и уперлись в тяжелую деревянную дверь.

– Он прошел здесь! – воскликнул Барак.

– В последний раз он перелез через стену. Если, конечно, это был тот же человек.

– Тогда он не тащил тело. – Барак подергал дверь и констатировал очевидное: – Заперто.

– Ключи есть только у барристеров. По другую сторону расположена оранжерея, а дальше – Линкольнс-Инн-филдз. У меня есть ключ, но он находится в конторе.

– Помогите, – велел Барак.

Я сделал стремя из рук, крепко сцепив пальцы. Встав на него, Барак подтянулся и оперся локтями о верхнюю кромку стены.

– Следы ведут в оранжерею, – сообщил он и спрыгнул на землю. – Неужели он принес бедного мастера Эллиарда из оранжереи? Господи Иисусе, в таком случае он должен быть настоящим силачом. Скажите мне, в каком ящике лежит ключ, и я сбегаю за ним.

Я колебался.

– Мне нужно вернуться. Именно я обязан сообщить Дороти о смерти Роджера. Фонтан виден из их окна...

– Я все осмотрю сам, но это нужно сделать немедленно, пока следы не растаяли.

– Ты не знаешь, с чем можешь столкнуться по ту сторону забора, – предупредил я.

– Он давно скрылся, а я пройду по следам до самого конца и посмотрю, куда они меня приведут. Вы знаете лучше меня: если убийцу не задержать по горячим следам, чаще всего его не поймать уже никогда. – Барак глубоко вздохнул. – А это не обычное убийство, совершенное из-за денег или в состоянии страсти. Душегуб ударил несчастного по голове и, когда тот лишился сознания, принес его в Линкольнс-Инн и положил в фонтан. Он был еще жив, когда ему перерезали горло, иначе из него не вытекло бы столько крови. Преступник ударил жертву достаточно сильно для того, чтобы она долгое время оставалась без сознания, но не с такой силой, чтобы убить. Это очень рискованно. А если бы мастер Эллиард очнулся и принялся сопротивляться? И вообще, все это напоминает ужасный акт мести.

– У Роджера не было ни единого врага во всем мире! Кто мог убить его? Другой барристер? Только у члена Линкольнс-Инн мог быть ключ от этой двери.

– Мы должны идти, сэр. – Барак посмотрел на меня очень серьезно. – Если вы желаете сообщить о случившемся леди.

Я кивнул, прикусив губу. Барак неожиданно стиснул мой локоть и побежал обратно к Гейтхаус-корт. Я медленно потрусил следом за ним. Стоило завернуть за угол, как пронзительный женский крик резанул мой слух. По позвоночнику прокатилась волна холода, и я стремительно рванул вперед.

Но было поздно. В центре толпы, которая продолжала расти у фонтана, в одной только ночной рубашке, на раскисшем снегу возле безжизненного тела мужа стояла на коленях Дороти. Звук, который вырвался из ее груди, нельзя было назвать криком. Это был вой. Вой отчаяния и абсолютного одиночества.

Кто-то отбросил полу моего плаща, прикрывавшего Роджера. Она увидела его мертвое лицо, ужасную рану и снова завывала.

Подбежав, я присел рядом и обнял Дороти за плечи. Кожа женщины под тонкой тканью была ледяной. Дороти подняла ко мне лицо. Она была буквально раздавлена, челюсть безвольно отвисла, каштановые волосы спутались.

– Мэтью? – едва выдавила она из себя.

– Да, это я, Дороти. Тебе не следовало выходить... Ты не должна была этого видеть...

Я с ненавистью посмотрел на толпу зевак. Люди шаркали ногами и смущенно отводили глаза.

– Я не сумел остановить ее, – угрюмо пробормотал казначей Роулэнд.

– Могли хотя бы попытаться!

– Не смей разговаривать со мной в таком тоне...

– Да замолчите вы! – рявкнул я, с трудом сдерживая гнев, клокотавший у меня в груди.

У казначея открылся рот.

Я поднял Дороти. Едва оказавшись на ногах, она принялась судорожно дрожать.

– Пойдем в дом, Дороти, пойдем...

– Нет! – Женщина стала сопротивляться, пытаясь вырваться из моих рук. – Я не могу оставить Роджера лежать здесь!

Она уже почти кричала.

– Так надо, – убеждал ее я. – Его должен осмотреть коронер.

– Кто... убил его?

Дороти смотрела на меня так, будто пыталась найти на моем лице ответ на вопрос, что за ужас творится вокруг и почему все это происходит именно с ней?

– Мы выясним это. Давай пойдем внутрь. Казначей Роулэнд позаботится о том, чтобы не было допущено ничего непочтительного. Я прав, сэр?

– Да, конечно.

Старик и впрямь оробел.

Дороти позволила мне увести себя в дом, где в дверях стоял клерк Роджера, Бартлет. Это был мужчина средних лет, добросовестный работник, приехавший вместе с Роджером из Бристоля.

– Сэр, – шепотом обратился он ко мне, – что... произошло? Говорят, мастер убит?

– Боюсь, что именно так. Послушайте, я зайду к вам позже и посмотрю, что можно сделать с оставшейся после него работой.

– Да, сэр.

Дороти смотрела на Бартлета так, словно видела его впервые. И снова я взял ее под руки и заботливо повел по широким ступеням, ведущим в их комнаты. Старый Элиас, наполовину одетый, застыл в дверном проеме, неприглаженные волосы топорщились с одной стороны почти лысого черепа. Рядом с ним стояла молодая служанка в белом фартуке и чепце такого же цвета.

– О, миледи! – проговорила служанка с заметным ирландским акцентом и повернула заплаканное лицо ко мне. – Она только встала, сэр, и, проходя мимо окна, увидела все это. Тогда она закричала и побежала вниз, и...

– Не надо волноваться.

Я изучающе посмотрел на полненькую темноволосую девушку. Судя по всему, она была весьма чувствительным существом и сейчас искренне переживала за свою хозяйку. Отныне в повседневной жизни Дороти придется полагаться только на нее.

– Как твое имя? – спросил я.

– Маргарет, сэр.

– В доме есть какое-нибудь крепкое вино, Маргарет?

– У меня есть немного водки, сэр. Сейчас я ее принесу. Скажите, сэр, а там, у фонтана...

Это действительно... наш хозяин?

– К сожалению, да. Отправляйся-ка за водкой и принеси своей хозяйке одежду потеплее.

Она не должна простудиться.

Я отвел Дороти в гостиную и усадил в кресло перед камином. Она дрожала, – видимо, испуг уступал место психологическому шоку. Окинув комнату взглядом, я вспомнил тот приятный вечер, который провел здесь всего неделю назад.

Пришла Маргарет. Она укутала плечи Дороти в теплую шаль и дала ей стакан с водкой, но пальцы женщины так сильно тряслись, что я забрал у нее стакан.

– Остайся здесь, – велел я Маргарет. – На тот случай, если ей что-нибудь понадобится.

– Бедный мастер...

Маргарет поставила стул рядом с креслом хозяйки и тяжело опустилась на него. Было видно, что она потрясена до глубины души.

– Успокойся, – мягко проговорил я, обращаясь к Дороти. – На, выпей, тебе станет полегче.

Она не сопротивлялась. Я приложил край стакана к ее губам и помогал ей пить, как маленькому ребенку. Ее полные щеки стали бледнее полотна и обвисли, словно брылы у собаки. Во время недавнего ужина я сделал ей комплимент, сказав, что она выглядит намного моложе своего возраста. Теперь она в одночасье осунулась и постарела. Я с грустью думал: вернется ли к ней когда-нибудь ее теплая, игривая улыбка?

Водка придавала ее лицу розовый цвет, и было видно, что Дороти постепенно приходит в себя, хотя и до сих пор дрожит.

– Мэтью, – тихо заговорила она, – мне сказали, что это ты нашел Роджера.

– Его нашли какие-то студенты, а я наткнулся на них и помог им вытащить тело из фонтана.

– Я вышла в гостиную и услышала какой-то шум снаружи.

Дороти наморщила лоб, будто вспоминала что-то давно минувшее.

– Вода в фонтане была красной, а рядом стояли люди, и я подумала: «Господи, да что же там происходит?» Потом я увидела лежащее на земле тело и сразу поняла, что это Роджер. Я узнала его башмаки. Его старые кожаные башмаки.

Она всхлипнула, и я подумал, что сейчас она снова разрыдается, но вместо этого женщина подняла на меня полные слез и гнева глаза.

– Кто это сделал? – спросила она. – Кто совершил это ужасное преступление? И почему?

– Не знаю. Скажи, Дороти, где был Роджер вчера вечером?

– Он встречался с клиентом, которого собирался защищать безвозмездно.

– С тем же самым, с которым он встречался в четверг? Когда мы расстались после поездки к доктору Малтону, он сказал, что поедет повидаться со своим клиентом. Он также сообщил, что у него есть письмо, связанное с этим делом.

– Да-да. – Она снова всхлипнула. – Оно пришло во вторник, от какого-то стряпчего. Да, я помню. Этого человека звали Нантвик.

– Роджер не сказал, откуда пришло письмо?

– Из какого-то места неподалеку от Ньюгейта. Ты же знаешь этих поверенных, вечно мечущихся в поисках работы. У половины из них и конторы-то нет. Он слышал, что Роджер практикует безвозмездную защиту интересов бедных людей, и спрашивал, могут ли они встретиться в таверне на Вич-стрит в четверг вечером, поскольку днем этот потенциальный клиент занят на работе.

– Ты видела письмо?

– Я не просила Роджера показать мне его, но просьба о встрече в таверне показалась мне странной. А Роджеру было любопытно, ты ведь знаешь, какой он доверчивый.

Дороти резко умолкла и со стоном втянула в себя воздух: отчаяние с новой силой обрушилось на нее. Она совсем забыла о том, что Роджер мертв, и говорила о нем как о живом. Она посмотрела на меня сумасшедшими глазами. Я сжал ее холодную руку.

– Дороти, я понимаю, тебе больно говорить, но мне необходимо спросить: что произошло на той встрече?

– Ничего. Этот человек так и не появился. Но чуть погода пришло второе письмо, его подсунули под дверь на Страстную пятницу. В нем содержались извинения за то, что клиент не смог явиться в таверну, и просьба к Роджеру еще раз приехать туда. В качестве срока был назван вчерашний вечер. Этого письма я тоже не видела, – тоненьким голоском добавила женщина.

– И конечно же, Роджер поехал. – Я грустно улыбнулся. – Я бы на его месте так не поступил.

Внезапно мое сознание пронзила неожиданная мысль.

– Вчера было холодно, он должен был надеть плащ.

– Он и был в плаще.

Я вздернул брови:

– Где же этот плащ?

– Не знаю.

Несколько секунд Дороти размышляла, а потом заговорила:

– Я отправилась спать, когда пробило десять, а он все еще не вернулся домой. Но ты же знаешь, увлекшись какой-то темой, Роджер мог потерять счет времени и обсуждать ее часами.

«Уже „мог“, а не „может“, – отметил я про себя. – Бедняжка начинает привыкать».

– За день я очень устала и рано отправилась в постель. Я ждала, полагая, что Роджер вот-вот придет, но не дождалась его и уснула. Проснувшись через пару часов, я не обнаружила его рядом, но решила, что, не захотев беспокоить меня, он лег спать в соседней спальне. Он иногда поступает так, когда возвращается домой поздно и боится разбудить меня...

Она вновь осеклась, закрыла лицо руками и стала громко всхлипывать. Я пытался мысленно рассуждать. Клиент просил Роджера о встрече на Вич-стрит. На противоположной стороне Линкольнс-Инн-филдз. Самый короткий путь туда лежит через оранжерею. Значит, Роджер должен был взять свой ключ от двери. Но почему таинственный клиент не появился в таверне в четверг? Мое сердце провалилось от дурного предчувствия: а вдруг Роджер взял с собой письмо, в котором ему была назначена встреча? Так поступил бы любой барристер. Но преступник вряд ли оставил бы при нем это письмо, а плащ Роджера бесследно исчез. В нашем распоряжении осталось имя: Нантвик. Имя, надо сказать, необычное.

Я посмотрел на Дороти, и сердце снова наполнилось жалостью. Она уже не плакала. В ее глазах я увидел гнев. Наверное, то же чувство горело сейчас и в моих.

– Кто это сделал? – повторила она свой вопрос. – У Роджера не было ни одного врага во всем мире! Кто этот дьявол?

– Мы поймаем его, Дороти, обещаю тебе.

– Поклянись!

– Клянусь.

Она схватила мою руку и стиснула ее что было сил.

– Ты должен помочь мне, Мэтью! Прошу тебя. Я теперь совсем одна.

– Я помогу.

Ее лицо сморщилось от нового приступа плача.

– О Роджер!

Тело женщины вновь содрогалось, из груди рвались рыдания. Маргарет обняла хозяйку за плечи, а я держал за руку. Так мы и сидели, как некая скульптурная группа, символизирующая скорбь. В этот момент к нам бесшумно приблизился Элиас и сказал, что коронер находится внизу и желает немедленно видеть меня.

Арчибальд Броун, коронер графства Мидлсекс, был старым, желчным человеком, типичным представителем прежней, коррумпированной до мозга костей, судебной породы. Какой-нибудь несчастный труп мог несколько дней разлагаться на обочине дороги, но такой судебский крючок ни за что не приступит к расследованию, пока не получит за это мзды. Они ничем не напоминали новое поколение хорошо оплачиваемых и вполне компетентных чиновников, порожденное к жизни Тюдорами. Низенький, лысый, коренастый, он являлся обладателем круглой физиономии, изрытой оспинами. Когда я подошел к фонтану, он стоял рядом с казначеем, сунув руки в карманы толстого плаща и глядя на тело Роджера. Казначей Роуленд энергичными жестами отгонял проходящих мимо зевак, которые пытались задержаться и поглазеть на происходящее. Солнце уже растопило большую часть снега. Я размышлял над тем, где сейчас может находиться Барак.

Роуленд махнул рукой в мою сторону и сообщил Броуну:

– А вот и брат Мэтью Шардлейк. Это он поставил в известность констебля.

– Надеюсь, от него будет больше толку, чем от тех двух недорослей, – пробурчал коронер Броун и перевел на меня выцветшие глаза. – Вы говорили с вдовой? Как она?

– Плачет, – ответил я, не вдаваясь в подробности.

– Я должен допросить ее. А вы, если так хорошо с ней знакомы, можете сопровождать меня. И расскажите, что здесь, во имя всего святого, произошло?

Я рассказал ему о том, как было найдено тело Роджера, как Барак отправился по следу, и то, что поведала мне Дороти относительно странного клиента.

– Нантвик? – Казначей Роуленд наморщил лоб. – Никогда не слышал о таком. А я думал, что знаю большинство поверенных.

Броун, сузив глаза, пристально разглядывал меня.

– Шардлейк... Это имя мне знакомо. – Он ухмыльнулся. – Вы тот самый человек из Линкольнс-Инн, которого король выставил на посмешище в Йорке пару лет назад. Я узнал вас по описанию.

«По горбу», – подумалось мне.

Я знал, что эта история будет преследовать меня до гробовой доски.

– Мы должны выяснить, с кем встречался Роджер, – холодно проговорил я.

Броун посмотрел на лицо Роджера и ткнул его голову носком башмака. От ненависти у меня непроизвольно сжались кулаки.

– Страшное дело, – прокаркал он. – Это надо же – сунуть тело в фонтан! Но выглядит он на редкость спокойным. Может, он сам перерезал себе горло, как вы думаете?

– Нет, он был вполне доволен жизнью.

– Тогда все это очень странно.

Коронер покачал головой.

– Вода в фонтане превратилась в кровь. Нужно осушить фонтан, – обратился он к казначею.

Я мучительно задумался. «Вода в фонтане превратилась в кровь». Что-то очень знакомое... Где я слышал что-то похожее?

– Где этот ваш человек, который отправился по следу? – осведомился Броун.

– Не знаю. Он ушел уже полчаса назад.

– Что ж, велите ему, чтобы доложил мне о результатах своих изысканий, когда вернется. Я должен посетить королевского коронера, прежде чем составлять список присяжных.

Я вспомнил о том, что король сейчас находится в Уайтхолле, и выругался про себя. Любое убийство, совершавшееся в радиусе двенадцати миль от августейшей резиденции и за пределами Лондона – даже в таком месте, как Линкольнс-Инн, – оказывалось в сфере юрисдикции королевского коронера. Значит, он будет принимать участие в расследовании вместе с Броуном.

– Это замедлит дело.

Броун пожал плечами:

– Тут уж ничего не поделаешь.

– Сколько времени займет формирование жюри присяжных?

– Это зависит от того, пожелает ли королевский коронер составить жюри из юристов.

Помимо всего прочего, сегодня Пасха. Сомневаюсь в том, что мы сумеем начать расследование раньше середины следующей недели.

Я стиснул зубы. В расследовании любого убийства важнее всего быстрота. В таких случаях необходимо действовать немедленно, пока не остыл след. Как правильно сказал Барак, большая часть убийств раскрываются либо сразу, по горячим следам, либо не раскрываются вовсе.

– Полагаю, юристы Линкольнс-Инн желали бы, чтобы коронерское расследование было проведено как можно скорее, – заметил я. – Ведь убили одного из нас.

Казначей Роуленд согласно кивнул:

– Да, мы хотели бы, чтобы не было никаких проволочек.

– Нам необходимо отыскать этого поверенного Нантвика. Вы могли бы заняться этим, сээр, в качестве части общего расследования, под руководством казначея?

Роуленд кивнул:

– Да, это нужно сделать.

– Мне хотелось бы предложить кое-что, – используя свое преимущество, проговорил я, обращаясь к коронеру. – Способ убийства весьма необычен. Жертву ударили по голове, и она оставалась в бессознательном состоянии, пока ее не положили в фонтан. Возможно, стоило бы провести вскрытие тела.

Мое предложение имело весьма мрачный оттенок, но я надеялся, что Гай сумеет обнаружить что-нибудь, что поможет нам.

– Я знаком с доктором Малтоном, который производит вскрытие тел для лондонского коронера. Он берет весьма умеренную плату. Я мог бы повидаться с ним и обсудить этот вопрос.

– А-а, этот старый мавр! – проворчал Броун. – А кто будет платить?

– Если понадобится, я заплачу. Роджер Эллиард был моим другом. И еще. – Я повысил голос. – Могу ли я попросить, чтобы его прикрыли?

– Ладно.

Коронер набросил полу моего плаща на лицо Роджера и повернулся ко мне, потирая свои пухлые ручки.

– Повторите, как звали погибшего?

– Роджер Эллиард.

– Ага, правильно. Я поговорю с вдовой, а тело можно убрать прямо сейчас. Мастер казначей, велите погрузить его на повозку и отвезти ко мне.

К тому моменту, когда старый Элиас – уже одетый, но все еще с перекошенным от потрясения лицом – провел нас в гостиную, Дороти немного пришла в себя. Вцепившись в руку Маргарет, она сидела у камина и смотрела в огонь.

– Дороти, – мягко заговорил я, – это коронер Броун. Если не возражаешь, он задаст тебе несколько вопросов.

Коронер окинул взглядом резной фриз над камином, с которого смотрели головы животных, и, причмокнув губами, проговорил:

– Ишь ты, стоящая вещица!

Дороти посмотрела в том же направлении.

– Она сломалась, когда мы переехали сюда, – бесцветным голосом сказала она. – Роджер велел починить ее, но работу сделали плохо.

Только теперь я заметил, что нижний угол фриза был действительно выполнен небрежно, да и по цвету отличался от остальной поверхности.

– Все равно она красивая, – сказал Броун.

Я понял, что с его стороны это была неуклюжая попытка наладить контакт с Дороти.

– Могу я присесть? – спросил он.

Дороти махнула рукой в сторону кресла, где недавно сидел я. Коронер задал ей вопросы по поводу загадочного клиента Роджера и о последних передвижениях ее мужа, но ничего нового не услышал. Я заметил, что коронер ничего не записывает, и это обеспокоило меня. Он не был похож на человека с феноменальной памятью.

– У вашего мужа были враги? – спросил Броун.

– Ни одного. Были барристеры, по отношению к которым он испытывал личную антипатию, которым он проиграл или у которых выиграл дела в суде. То же самое можно сказать про всех лондонских барристеров, но они же не убивают своих коллег... – ее голос задрожал, – таким ужасным, отвратительным способом.

– И вы не допускаете мысли о том, что он мог сделать это сам?

Прямота, с которой был задан вопрос, ошеломила меня, но Дороти, наоборот, взвилась:

– Нет, мастер коронер, ни в коем случае! Любой вам скажет, что сама мысль о том, что мой муж мог лишиться себя жизни, нелепа. Жаль, что вы не поговорили с другими, прежде чем задавать мне оскорбительные вопросы о том, мог ли мой супруг перерезать глотку самому себе!

Я испытал восхищение по отношению к этой женщине. Сила духа вернулась к ней!

Броун покраснел и встал с кресла.

– Ну ладно, – сухо произнес он, – на сегодня хватит. Мне пора во дворец, к королевскому коронеру.

Он слегка поклонился нам на прощание и вышел. Мы слышали, как с лестницы доносятся его тяжелые шаги.

– Старый жирный индюк! – выпалила Маргарет.

Дороти взглянула на меня. В ее покрасневших глазах застыло отчаяние.

– Похоже, ему все равно, – сказала она. – Бедный мой Роджер!

– Для него это всего лишь новая работа, но обещаю тебе, я с него не слезу.

– Спасибо. – Она положила ладонь на мою руку.

– А теперь я спущусь в контору Роджера и заберу работу, которую он не довел до конца. Если ты не возражаешь.

– Да, сделай милость. И вот еще... Кто-то должен написать нашему сыну. Сообщить Сэмюэлю.

– Хочешь, это сделаю я? – участливо спросил я.

- Я не хочу отягощать тебя просьбами.
- Я сделаю все, что в моих силах, Дороти. Ради тебя и ради Роджера.

Выйдя на улицу, я с облегчением заметил Барака, следившего за тем, как тело Роджера, завернутое в мой плащ, грузят на повозку. При виде меня Барак опустил глаза, и, посмотрев туда же, я увидел, что он держит в руках другой плащ, который я сразу же узнал.

- Ты нашел плащ Роджера?
- Да, в оранжерее. По размеру я решил, что он принадлежал именно мастеру Роджеру. Я поежился. Без собственного плаща мне было холодно и неуютно.

– Ты прошел по следу?

– Так далеко, как смог. Он вел через оранжерею на поля Линкольнс-Инн, но там снег уже сошел.

– В карманах что-нибудь было?

– Ключи от дома. Ключ от оранжереи убийца, очевидно, оставил себе. И еще кошелек.

Преступник не тронул кошелек, хотя там было почти два фунта.

– А бумаги? Были там какие-нибудь бумаги, записки?

– Ничего такого.

– Вчера вечером он поехал на встречу с новым клиентом в таверну на Вич-стрит.

Барак посмотрел в сторону ограды.

– Значит, его подстерегли где-то на полях. Далековато, чтобы тащить тело. – Хмурясь, он перевел взгляд на меня. – Что, во имя всего святого, происходит?

Глава 7

Двумя днями позже, во вторник после Пасхи, я и Барак шли вдоль реки в надежде поймать лодку, которая доставила бы нас в Вестминстер. На мне был новый плащ. Старый я оставил у коронера. Он был перепачкан кровью Роджера, и я больше никогда не смог бы его надеть.

В то утро впервые ощущался приход весны, ветерок был ласковым и влажным. В иной ситуации столь чудесная погода наполнила бы меня радостью, но сердце мое было занято другим. Меня ждал суматошный день. В суде под председательством мастера прошений должно быть рассмотрено пять дел, и я надеялся узнать дату слушания апелляции по делу Адама Кайта.

Направляясь к Темпл-Бар, на пересечении с Флит-стрит мы увидели, как по направлению к собору Святого Павла волокут осужденного еретика. Он был одет в серый халат, а в дрожащих руках сжимал пучок березовых розог. Голова и плечи несчастного были осыпаны пеплом, отчего волосы и лицо стали серыми. На шею осужденного была наброшена веревка, за которую люди епископа Боннера тащили его по улице. Далее следовали трое алебардчиков, вооруженных мечами. Эту маленькую процессию возглавлял человек, ритмично ударявший в барабан. Прохожие останавливались. Некоторые принимались улюлюкать, другие сохраняли серьезность. Кто-то крикнул:

– Мужайся, брат!

Солдаты принялись зло зыркать по сторонам.

Я опешил, узнав в осужденном уличного проповедника с рынка Ньюгейта. Его, должно быть, арестовали за то, что он проповедовал, не имея специального разрешения. Теперь его приведут на площадь перед собором Святого Павла, где Боннер совершит церемонию изгнания дьявола ереси. Если беднягу после этого поймают еще раз, то могут сжечь.

Лед с реки почти сошел. Серая вода поднялась, а течение сделалось бурным. Лодочники влачили жалкое существование на протяжении долгой зимы, пока река была покрыта льдом, и, наверное, из-за этого у владельца лодки, в которую мы наконец погрузились, был голодный вид. Мы велели ему отвезти нас к Вестминстеру, и он с энтузиазмом ухватился за весла.

– Там невозможно будет подняться на берег, сэр, – предупредил лодочник. – Причал поломался во время ледохода.

– Тогда гребите к причалу Уайтхолла, – распорядился я.

Меня несколько не прельщала перспектива толкаться в толпах пешеходов, заполнивших к этому часу Вестминстер.

Мужчина принялся работать веслами, а я молча смотрел на реку. Накануне я почти весь день просматривал дела Роджера и давал поручения его клерку. Потом написал письмо молодому Сэмюэлю Эллиарду в Бристоль, а вечером снова поднялся на второй этаж, чтобы проведать его мать. Она все так же сидела у камина, глядя в огонь и держа за руку свою верную служанку. С большим трудом нам удалось уговорить ее лечь в постель.

– Слыхали про тех здоровенных рыбин? – спросил лодочник.

– Что? Ах да, конечно.

– Вишь ты, выскочили прямо из-подо льда! Большущие, что твой дом. Я их самолично видел.

– А какие они? – с любопытством осведомился Барак.

– Серые, со здоровенными головами и с невиданными зубами. Теперь они уже начали вонять. Люди вспороли им брюха, чтобы поживиться рыбьим жиром. Не обращая внимания на то, что кое-кто говорит, будто они проклятые. Наш приходский священник твердит, что это левиафаны, морские чудища, провозвестники второго пришествия.

– Возможно, это просто киты, – предположил я, – что-то вроде огромных рыб, живущих глубоко в море. Я слышал, как рыбаки рассказывали про них.

– Они не с глубины, сэр, а по размеру больше, чем может быть любая рыба. Головы у них просто гигантские. Я сам видел. Да что я, их половина Лондона видела!

Лодка причалила к ступеням Уайтхолла. Мы прошли через Холбейнгейт и двинулись по Королевской улице. Я постоянно держал руку на кошельке, поскольку Вестминстер был самым людным и суматошным местом во всей Англии. Впереди темнела махина Вестминстерского аббатства, рядом с которым пигмеем казался даже Вестминстер-холл, где заседала большая часть судов. Там, в расписном зале, собиралась палата общин, а неподалеку заседал суд прощений.

За Вестминстер-холлом начинался муравейник домишек, выживших в пожаре, который лет тридцать назад уничтожил большую часть старого Вестминстерского дворца. Здесь расположились магазины, гостиницы, таверны, которые обслуживали приходивших сюда юристов, священнослужителей и членов парламента. Улицы кишели коробейниками, торгашами, проститутками, а статус Вестминстера как убежища издавна привлекал сюда и разного рода злодеев. Просьбы богатых граждан о присвоении Вестминстеру правового положения отдельного города неизменно натывались на отказ, правительства его то и дело менялись, а когда аббатство было распущено, канули в Лету и властные полномочия, которыми прежде обладал аббат.

Парламент собрался на очередную сессию, поэтому Королевская улица выглядела оживленнее и красочнее, чем обычно. Она была беспорядочно утыкана самыми разношерстными строениями, убогие лачуги соседствовали с двухэтажными домами богатых торговцев. Улица провоняла запахами, проистекавшими из многочисленных дубилен и кирпичного дела мастерских, расположенных на ее задворках. Я помнил, как в прошлом году, после традиционной ежегодной процессии судей, которые, облачившись в свои мантии, следовали в Вестминстер-холл, они жаловались, что по пути им приходилось проталкиваться через отары овец и стада коров, которых гнали на рынок.

Нам тоже пришлось поорудовать локтями, чтобы протиснуться сквозь толпу к дворцовому двору, минуя хозяев лавок, которые во все горло расхваливали свой товар. Уличных торговцев было несметное множество. Некоторые продавали свой товар прямо с повозок, запряженных ослами, другие – с лотков, которые висели у них на шеях на широких лямках. Тех из них, что пытались приблизиться к нам, Барак разгонял энергичными взмахами рук. Несколько одетых в лохмотья, но мускулистых молодых людей с интересом поглядывали на высокомерного вида господина средних лет, который важно шествовал по улице. Он был одет в длинную, отороченную соболиным мехом накидку и богатый дублет.

«Наверное, какой-нибудь член парламента из провинции, – подумал я. – Нашел место и время кичиться своим богатством!»

Если бы дело происходило после наступления темноты, я не дал бы за его кошелек, а то и жизнь и дохлой мухи.

– Расследование начинается завтра, – сказал я Бараку. – Прости, я забыл тебе об этом сообщить.

– Я должен на нем присутствовать?

– Да. И Дороти тоже. Бедная женщина, это станет для нее еще одним испытанием. Они с Роджером так любили друг друга.

– Она выдержит?

– Надеюсь, что да. Дороти сильная. Сегодня утром я зашел проведать ее. Она все такая же тихая и белая как полотно. – Я прикусил губу. – Надеюсь, писаки не пронюхают о случившемся раньше времени, иначе они разнесут эту историю по всему городу.

– Да, причем с большим удовольствием.

– Я знаю. Клянусь смертью Спасителя, от этого коронера Броуна толку никакого. Расследование должно было начаться еще вчера, поскольку сегодня убийца уже может находиться в

другом графстве. – Я в отчаянии покачал головой. – Я сам навещу Гая, чтобы узнать, что дало вскрытие и осмотр тела.

Дорогу мне преградил оборванный коробейник. На шее у него висел лоток, наполненный дешевыми побрякушками.

– Кольца и броши, сэръ! – оглушительно завопил он. – Для вашей дамы! Прямиком из Венеции!

Я обошел оборванца.

Мы почти подошли к новому дворцу, прямо впереди были огромные ворота, ведущие в чертоги Вестминстерского аббатства. Толпы людей стали гуще, и, проходя под аркой ворот, я едва не споткнулся об уличного шулера, который сидел, разложив перед собой крапленые карты, и призывал прохожих «попытать счастья». Мы вошли на широкий Вестминстерский двор, который уже успели заполнить юристы. Часы на башне показывали половину десятого. Мы успели почти вовремя.

– Тамми сказала, что видела вас недавно, – проговорил Барак. – Будто бы вы нас навещали.

Значит, она ему все же рассказала. Может быть, для того, чтобы таким образом надавить на меня и заставить поговорить с ее мужем? Но сейчас время для этого было явно неподходящим.

– Я проезжал мимо Олд-Бардж, возвращаясь от Гая, – сказал я, стараясь, чтобы голос мой звучал как можно более непринужденно. – В твоей берлоге царит ужасающая сырость.

Барак с мрачным видом передернул плечами.

– Я бы переехал, если бы ребенок остался жив. Но судьба распорядилась иначе.

– Тамазин выглядит немного... подавленной.

– Никак не может успокоиться после смерти малыша. В отличие от меня. – В его голосе зазвучали жесткие нотки. – Она полна бабьих слабостей. Куда только подевалась ее прежняя сила духа?

Барак не смотрел мне в глаза, что случалось крайне редко.

Я увидел, что расположенный в центре двора фонтан под куполом, который простоял замерзшим всю зиму, снова работает, весело брызгая водой. Невольно я вспомнил фонтан в Линкольнс-Инн и на мгновение закрыл глаза.

Уайтхолл представлял собой небольшой зал, к которому от входа вел заполненный людьми коридор. По обе стороны коридора вдоль стен стояли скамьи, а на них, робко поджимая под себя ноги, сидели истцы и смотрели на юристов, оккупировавших остальное пространство. Сюда в поисках правды стекался бедный люд со всей страны, надеясь на то, что барристеры, состоящие на государственном содержании, решат все их беды. На многих просителях была грубая домотканая одежда деревенских увальней. Большинство из них были подавлены величием всего, что их окружало, но некоторые выглядели вполне решительно.

Я увидел первого из своих клиентов, Гиба Рука, мужчину тридцати с небольшим лет, низкорослого, коренастого и с квадратным лицом. На нем была красная накидка, слишком яркая, чтобы являться в ней в суд. Рук хмуро наблюдал за двумя мужчинами, которые разговаривали в главном зале. Один был высок и облачен в дорогую одежду; приглядевшись ко второму, я с удивлением обнаружил, что это не кто иной, как Билкнэп. Мой давний недруг выглядел изможденным в своей длинной черной мантии. Он рылся в бумагах, лежавших в его адвокатской сумке. Высокий мужчина, похоже, был недоволен своим собеседником.

– Привет, Гиб! – произнес Барак, плюхнувшись на лавку возле Рука. – Что-то ты чересчур вырядился.

Рук кивнул Бараку и поднял глаза на меня.

– Здравствуйте, мастер Шардлейк. Готовы к схватке?

Я окатил его ледяным взглядом. Обзаведясь собственным барристером, некоторые мои клиенты теряли чувство меры и считали, что имеют право держаться со мной фамильярно и даже насмешливо. Подобное отношение только повредило их делу. Участие в суде требовало трезвого и уважительного поведения.

– Я готов, – ответил я. – Дело у нас верное, а если мы и проиграем, то лишь потому, что суд сочтет ваше поведение нахальным и оскорбительным. Так что следите за своим языком во время заседания. Кстати, вырядившись, как павлин, вы совершили первую ошибку.

Гиб покраснел. Он был одним из многих коттеров¹³, разбивших за последние пятнадцать лет огороды в районе Ламбетских болот на другом берегу реки. Лондон безостановочно разрастался, и ему требовалось все больше пищи. Осушая топи, коттеры заселяли и осваивали появляющиеся участки суши, не спрашивая разрешения у землевладельцев, которые никогда не занимались этой землей, да и жили далеко от своей болотистой собственности. Но недавно арендаторы поняли, что упускают реальную прибыль, и стали использовать поместные суды для того, чтобы выгнать коттеров с захваченных ими земель и присвоить результаты их труда.

Гиб обжаловал выселение с освоенных земель в суде прошений. В поданной им апелляции цитировались древние законы и упоминались туманные прецеденты из прошлого, которые мне удалось отыскать в архивах. В соответствии с ними, если человек возделывал участок размером меньше двух акров в течение двенадцати лет, его нельзя было изгнать с этой земли.

Гиб кивнул на Билкнэпа:

– Эта старая свинья сэра Джефффри, похоже, не очень-то доволен своим адвокатом.

– Я знаю Билкнэпа. Не надо его недооценивать.

Я не кривил душой. Он действительно был умным и умелым юристом. Однако сегодня у него, видимо, возникли какие-то проблемы с бумагами. Сейчас он лихорадочно рылся в своей сумке. Подняв голову и увидев меня, он прошептал что-то своему клиенту, землевладельцу Гиба, и они отошли в сторону.

Я сел по другую сторону Гиба. Он посмотрел на меня горящими от любопытства глазами.

– Толкуют, что в Линкольнс-Инн произошло ужасное убийство, – затараторил он. – Вроде как в фонтане нашли барристера с перерезанной глоткой. И это на Пасху!

Именно этого я и боялся: слухи все же начали распространяться.

– Убийцу непременно найдут, – лаконично ответил я.

Гиб с сомнением покачал головой:

– Говорят, никто не знает, кто это сотворил. Какой жуткий способ убийства! Ох и времена нынче пошли.

– Вы, вероятно, имеете в виду знаки и предзнаменования? – устало предположил я, вспомнив лодочника.

Гиб пожал плечами.

– Насчет этого не скажу, но зато я знаю, что в последнее время произошло несколько очень страшных убийств. В январе убили одного коттера, потом был еще один странный случай. Не удивлюсь, если коттеров убивают арендаторы! – объявил он, повысив голос.

На нас стали оборачиваться.

– Если вы не будете держать себя в руках, мы проиграем дело, – прошипел я.

– А вот и проблемы пожаловали, – прошептал Барак.

Билкнэп оставил своего клиента и направлялся к нам.

– Могу ли я поговорить с вами, брат Шардлейк?

Я заметил, что он потеет, хотя в зале, который ничем не обогревался, был холодно.

Я встал.

¹³ *Коттер* – представитель части феодально-зависимых крестьян средневековой Англии, державший очень мелкий надел: дом с приусадебным участком. Коттеры, как правило, становились батраками, а позднее – наемными рабочими.

– Извольте.

Мы отошли на несколько шагов.

– Ваш клиент, находясь в стенах суда, не должен делать оскорбительных замечаний в адрес землевладельцев, – напыщенно заявил он.

Я вздернул брови:

– И это все, что вы хотели мне сказать?

– Нет-нет...

Билкнэп колебался. От волнения он прикусил губу и набрал полную грудь воздуха.

– У меня беда, брат Шардлейк. Я не представил суду свидетельство о праве моего клиента на землю.

Я смотрел на него в изумлении. Главная обязанность любого адвоката испокон века состояла в том, чтобы представить в суд правильно составленные документы на собственность. Было известно много случаев, когда молодые барристеры проигрывали дела лишь потому, что не выполняли вовремя бумажную работу. Но Билкнэп занимался адвокатской практикой вот уже двадцать лет! Он устремил на меня взгляд своих светло-голубых глаз. В них плескалось смятение.

– Помогите мне, брат Шардлейк! – в отчаянии шептал он. – Помогите своему товарищу по цеху! Сделайте так, чтобы слушания отложили. К новому сроку я соберу все нужные документы.

– Если вы подадите документы сейчас, судья, возможно, выслушает вас, – сказал я. – Канцелярия еще открыта.

– Я потерял их! – выпалил он, словно в приступе внезапного помешательства. – Умоляю вас, Шардлейк! Я собирался принести их сегодня, думал, что они в моей сумке. Я болел! Доктор Арчер снова и снова делал мне промывание желудка, и всю прошлую ночь мои ягодицы были покрыты кровавым потом...

Многие адвокаты, руководствуясь чувством корпоративной солидарности, пошли бы ему навстречу, но мне подобные сделки претили, тем более что они всегда заключались за счет клиента.

– Мне очень жаль, Билкнэп, – тихо произнес я, – но я обязан служить в первую очередь своему клиенту.

Билкнэп издал странный звук – нечто среднее между стоном и рычанием, – наклонился ко мне и прошипел:

– Я знал, что ты откажешься мне помочь, мерзкая горбатая жаба! Я никогда не забуду тебе этого!

Я видел, что клиент Билкнэпа, стоя чуть поодаль, с интересом следит за действиями своего адвоката. Не говоря ни слова, я вернулся к скамье, на которой сидели Барак и Рук.

– Что ему понадобилось? – спросил Барак. – Он выглядел так, будто вот-вот набросится на вас.

– Он где-то потерял документы и не представил в суд свидетельство о собственности на землю.

Барак присвистнул:

– Вот это да! Значит, он в полном дерьме.

Я стиснул губы. Оскорбление, нанесенное мне Билкнэпом, утвердило мою решимость до последнего отстаивать интересы Гибя Рука, тем более что, невзирая на всю его бравату, перед лицом правосудия он был сущее дитя.

– Что? – возбужденно спросил он, услышав, как мы перешептываемся. – Что случилось?

Я пересказал свой недолгий разговор с Билкнэпом и добавил:

– Выложи Билкнэп все начистоту, судья, если он в хорошем настроении, возможно, и согласился бы перенести слушания, но Билкнэп умеет только врать и выкручиваться.

– Значит, с сэром Джеффри покончено?

– Вполне возможно.

Билкнэп присел на корточки и рылся в своих бумагах – отчаянно и безнадежно. Его руки тряслись.

В дверях зала заседаний появился судебный пристав и объявил:

– Пусть все, кто участвует в слушаниях суда прошений его королевского величества, пройдут в зал.

Билкнэп посмотрел на него взглядом, полным ужаса, а потом встал и вместе с остальными вошел в старый, выкрашенный белой краской зал с высокими грязными окнами. Единственным ярким пятном была красная мантия судьи, восседавшего на своей скамье.

Судья Стивен Эйнсворт был человеком справедливым, но острым на язык. Стоило ему дойти до нашего дела, он сразу же заметил, что комплект документов не полон. Как я и ожидал, Билкнэп поднялся со своего места и принялся врать, утверждая, что он предоставил все необходимые бумаги, но секретарь суда, должно быть, потерял их. Сразу же вслед за этим он попросил о переносе слушаний.

– Где расписка секретаря в том, что он принял у вас документы? – спросил Эйнсворт.

– Я отдал ее своему клерку, ключ от конторы у него, а он сегодня туда не приехал. А мне пришлось выехать сюда заранее, поскольку ступени причала на Вестминстере сломаны, и...

Да, Билкнэп умел быстро соображать. Однако судья Эйнсворт повернулся к приставу.

– Приведите сюда секретаря суда прошений, – распорядился он.

Пришел секретарь и, разумеется, сообщил, что никаких документов он не получал. Билкнэп, судя по виду, был готов в любой момент упасть в обморок.

– Я подозреваю, что вы солгали мне, брат Билкнэп, – холодно проговорил Эйнсворт. – Будьте осторожны, сэр. Иск вашего клиента против Гилберта Рука отклонен из-за непредставления необходимых документов. Йомен¹⁴ Рук, вы можете остаться на вашей земле. Вам повезло.

Физиономия Гиба расплылась в улыбке от уха до уха. Билкнэп сел. Его лицо посерело. Клиент склонился к нему и стал что-то яростно шептать ему на ухо. Физиономия сэра Джеффри была перекошена от злости. Я обратил внимание на белоснежные зубы землевладельца. Еще один любитель вставных челюстей.

– Мастер Шардлейк, – продолжал Эйнсворт, – я слышал, вы подали апелляцию по делу некоего подростка, отправленного в Бедлам по решению Тайного совета?

– Да, ваша честь.

Задумчиво нахмурившись, судья постучал пером для письма по столу.

– Слушание подобных дел подпадает под мою юрисдикцию?

– Суть моего иска, ваша честь, состоит в том, что не было предпринято никаких действий, направленных на исследование психического здоровья мальчика. Между тем, прежде чем ограничивать свободу субъекта, это необходимо сделать. Таково требование закона.

Я сделал глубокий вдох.

– Я предлагаю привлечь к этому обследованию врача. Но если вы согласитесь начать слушания, для начала можно было бы обсудить еще некоторые вопросы, связанные с делом: во-первых, кто будет оплачивать счета за содержание юноши в Бедламе и, во-вторых, необходимость регулярных отчетов персонала об изменениях в состоянии его здоровья. Родители парня бедны.

¹⁴ *Йомены* – крестьяне в Англии XIV–XVIII вв., которые вели самостоятельное хозяйство на земле.

– Ну, с этим-то я справлюсь. Суд не станет откладывать дело в долгий ящик и в ближайшее время назначит дату слушаний. Но, мастер Шардлейк... – Он посмотрел на меня долгим серьезным взглядом. – Вы входите в опасные воды. Политика и безумие – это...

– Я знаю, ваша честь.

– Будьте осторожны. Ради блага вашего клиента и вашего собственного.

Гиб был счастлив успешным исходом своего дела. От его наглых манер не осталось и следа, он едва не плакал от облегчения. Он пообещал мне свою благодарность до гробовой доски и вышел из зала суда, чуть не танцуя.

Слушания продолжались. Для меня это был удачный день: я выиграл все поданные мной иски. В половине пятого суд встал, после чего победители и побежденные покинули зал заседаний. Мы с Баракком стояли на ступенях суда.

– Билкнэп выглядел больным, – заметил я.

– И стал выглядеть много хуже после того, как его иском подтерлись.

– Он всегда являлся хитроумным злодеем, но сегодня был просто жалок. С этого дня он будет еще больше ненавидеть меня.

На противоположной стороне квадратного двора, окруженного зданиями, располагался расписной зал, где заседала палата общин. Там горели свечи, и их желтый свет был виден через высокие окна.

Барак хмыкнул:

– Говорят, в эту сессию они штампуют все билли, которые король выносит на их рассмотрение. – Мой помощник сплюнул на землю. – А тех членов палаты, которые не находятся в кармане у его величества, можно купить с помощью взяток или запугать.

Я промолчал, поскольку возразить было нечего.

– Родители Адама Кайта будут довольны, что по его делу пройдут слушания, – констатировал Барак.

– Да. Судья Эйнсворт занервничал, узнав, что в дело замешан Тайный совет, но он честный человек. Это напомнило мне кое-что. Я не рассказывал тебе, но, возвращаясь из Бедлама, я встретился с похоронной процессией лорда Латимера и видел леди Латимер. То есть я решил, что это именно она. Вдова ехала в большой карете.

– Какая она? – с интересом спросил Барак.

– Не такая уж и красавица, но что-то манящее в ней, безусловно, есть. Мне показалось, что она выглядела испуганной.

– Наверное, боится ответить королю «да» и боится сказать «нет».

Я печально кивнул. Явный испуг женщины произвел и на меня гнетущее впечатление.

– Что ж, теперь мне нужно найти лодку, поехать к Гаю и узнать, что ему удалось выяснить. А ты отправляйся в Линкольнс-Инн и оформи на бумаге сегодняшние решения суда. И вот еще что: напиши Кайтам и попроси их прийти ко мне завтра.

Мы пошли обратно, к пристани Уайтхолла. У ворот двора нового дворца уже выстроилась вереница ярко размалеванных шлюх, надеявшихся привлечь внимание кого-нибудь из членов парламента, когда те будут выходить после окончания дневных заседаний. Две из них наклонились, демонстрируя мне свои пышные прелести.

– Они ведут себя весьма нахально, – заметил я. – Если их поймают, то привяжут к повозке и потащат по улицам.

– Этого не случится, – хитро улыбнулся Барак. – Члены парламента будут против. Мысль о возможности покувыркаться с этими красотками – единственное, что помогает им досидеть до конца скучных заседаний.

– Может, именно поэтому они так быстро одобряют все законопроекты короля?

К тому времени, когда я добрался до Гая, уже стемнело. Его лавка была закрыта, но он сразу ответил на мой стук. Открыв дверь и впусив меня внутрь, он с мрачным видом предложил садиться. Сев напротив, Гай сцепил пальцы и уставился на меня серьезным взглядом.

– Как себя чувствует бедная миссис Эллиард? – спросил он.

– Подавлена. Мы ни на шаг не продвинулись в расследовании убийства Роджера. Не можем даже найти поверенного по имени Нантвик, который якобы присылал ему письма. Я начинаю думать, что эти письма писал и отсылал убийца.

– А как ты сам? Выглядишь очень напряженным, хотя совсем недавно держался молодцом. Ты продолжаешь делать упражнения для спины?

– Да, я выполняю все твои предписания, Гай. Я дисциплинированный пациент. – Я сделал глубокий вдох. – И как бы тяжело это ни было, я готов выслушать все, что ты расскажешь мне относительно осмотра тела Роджера. Прошу лишь об одном: поменьше ужасных деталей.

– Сегодня утром я съездил туда, где сейчас хранится тело. Я взял с собой Пирса...

Я нахмурился. Мысль о том, что Гай взрежет тело Роджера и станет копаться в его внутренностях, была ужасна сама по себе, но то, что это будет делать совсем посторонний человек, какой-то мальчишка...

– Я натаскиваю его, Мэтью. Лицензия на вскрытие трупов, которой я располагаю, предоставляет уникальную возможность изучать человеческую анатомию. В будущем он использует эти знания, чтобы помогать другим людям.

И все же мне было неприятно думать об этом.

– Что ты узнал? – спросил я.

– Пока я могу сказать одно: на момент смерти мастер Эллиард находился в отменном здравии.

– Так оно и было, до того момента, пока кто-то не оглушил его и не перерезал ему горло.

– Не думаю, что он был оглушен, – проговорил Гай все тем же мрачным тоном. – По крайней мере, не в том смысле, какой мы вкладываем в это слово.

Я ошарашенно смотрел на собеседника.

– Ты хочешь сказать, что в момент смерти он находился в сознании?

– Нет, не это. Ты когда-нибудь слышал про двейл?

Я отрицательно мотнул головой.

– Впрочем, зачем тебе это знать? Это жидкий компонент опия, а также некоторых других веществ, например укуса и свиной желчи. С помощью этого вещества человека можно вогнать в бессознательное состояние. В зависимости от использованного количества. Оно может вызывать расслабление, отключение сознания или смерть. Его использовали столетиями с единственной целью: отключить пациента перед хирургической операцией.

– Значит, это сильное обезболивающее! Почему же тогда я никогда не слышал о нем?

Гай покачал головой:

– Тут все не так просто. Более того, существует большущая проблема. Правильную дозу очень трудно определить. Чрезвычайно трудно. Она зависит от многих факторов: срока хранения ингредиентов, габаритов и возраста самого пациента. Малейшая передозировка – и на руках у врача оказывается свеженький труп. По этой причине сегодня это вещество применяется крайне редко. Но я думаю, убийца мастера Эллиарда использовал именно его.

– Почему?

– Позволь, я кое-что покажу тебе.

Гай вышел из комнаты и вернулся через несколько секунд. Я с испугом думал, что за ужасную вещь он с собой принесет, но это оказался всего лишь башмак Роджера. Он положил башмак себе на колено, поднес к нему свечу, и в ее пламени стало видно большое темное пятно.

– Этот башмак был сухим. Он, должно быть, находился на той ноге, которая торчала из фонтана. Увидев это пятно, я сначала понюхал его, а потом повозил по нему пальцем и

попробовал на вкус. Тут явно ощущается вкус двейла. – Он посмотрел на меня. – Первым делом человек, принявший его, впадает в состояние эйфории, затем теряет сознание. Этим и объясняется столь мирное выражение, что застыло на лице твоего друга.

– Ты говоришь, что это вещество больше не применяется. Кто же мог использовать его?

– Очень немногие врачи и хирурги, кто-то из лекарей, не имеющих лицензии на врачевание.

Гай помолчал, снедаемый какими-то внутренними сомнениями, и добавил:

– Традиция использования этого вещества существовала в некоторых монастырях.

В комнате повисла тишина. Я пристально посмотрел на друга и спросил:

– Ты тоже пользовался этой штукой?

Гай неохотно кивнул:

– Только в тех случаях, когда думал, что пациент во время серьезной хирургической операции может умереть от болевого шока. Кроме того, у меня богатая практика в определении правильной дозы. И хотя сегодня это вещество уже не используется, его формула хорошо известна врачам. Тут никакого секрета нет.

– Значит, тут требуется богатый опыт?

Малтон снова кивнул.

– Убийца не хотел давать Роджеру смертельную дозу. Ему нужно было устроить эту ужасную картину в фонтане. Поэтому он накачал мастера Эллиарда двейлом так, что тот отключился и не пришел в себя даже тогда, когда ему перерезали горло.

– Что еще поведало тебе тело?

– Больше ничего. Все органы в прекрасном состоянии. Его здоровью мог бы позавидовать и более молодой мужчина.

– Ты говоришь как-то очень отстраненно, Гай.

– Иначе и быть не может, Мэтью, в противном случае разве мог бы я спокойно смотреть на все те вещи, которые мне приходится видеть почти ежедневно?

– А вот я не могу быть таким беспристрастным. По крайней мере, в данном случае.

– Тогда, может быть, тебе стоит предоставить расследование другим людям?

– Не могу, я дал Дороти обещание найти убийцу.

– Очень хорошо.

На мгновение Гай вдруг стал таким же напряженным и усталым, каким был в тот вечер, когда я привел к нему Роджера.

– Была, правда, у него шишка на затылке. Я думаю, тот человек, с которым встречался твой друг, действительно оглушил его ударом по голове, а когда он пришел в сознание, каким-то образом принудил его принять двейл. Он снова отключился, теперь уже основательно, и убийца отнес его в Линкольнс-Инн.

– Через поле и оранжерею.

Я рассказал ему про следы, по которым шел Барак.

– Роджер был субтильным мужчиной, но этот негодяй все равно должен был быть очень сильным человеком.

– И целеустремленным. И злым.

Я покачал головой:

– А еще образованным. Судя по тому, что ты рассказал, он должен быть хорошо знаком с медициной. Да и с миром юриспруденции тоже, если ему удалось сочинить письмо от имени мифического поверенного, которому поверил Роджер. Но зачем? Зачем убивать человека, который никогда в жизни не причинил никому вреда? Зачем устраивать весь этот чудовищный спектакль?

– У него не было врагов?

– Ни одного.

Я снова посмотрел на башмак Роджера, и этот взгляд словно переполнил чашу. К горлу подкатила тошнота.

– Мне нужно в уборную, Гай... – с трудом выдавил я.

– Ты знаешь дорогу.

Я ушел в уборную, стоявшую на заднем дворе. Это был обыкновенный деревянный унитаз с выгребной ямой, но пахло здесь не так сильно, как в других подобных местах. В воздухе, видимо, было разбрызгано какое-то вещество, которое заглушало запах нечистот. В уборной меня долго рвало, а когда я возвращался в дом, ноги дрожали и подкашивались.

Из комнаты доносились приглушенные голоса. Дверь была приоткрыта, и я увидел Гая и мальчишку Пирса, сидевших за столом. Они поставили перед собой свечу и рассматривали в ее свете раскрытую книгу, лежавшую перед ними на столе. Я даже издали узнал анатомический атлас Везалия с его кошмарными иллюстрациями. Пирс отбросил со лба темный чуб и возбужденно проговорил:

– Смотрите, сердце на этой картинке выглядит точь-в-точь как сердце Эллиарда.

В этот момент он увидел меня, и его лицо залила краска.

– Мастер Шардлейк? Я не знал, что вы все еще здесь. Я принес книгу...

– Вижу, – коротко ответил я. – Бедный Роджер. Что бы он испытал, узнав, что самые интимные органы его тела станут предметом для болтовни мальчишки-ученика? Хотя, возможно, его эта мысль позабавила бы. А вот мне она ничуть не кажется забавной.

Я с отвращением посмотрел на цветную гравюру, где было изображено разверстое человеческое тело и показаны все внутренние органы.

– Все это лишь во имя познания, сэр, – пробормотал Пирс.

Я наградил подростка ледяным взглядом, подумав, что Гай дает ему слишком много воли.

– Нет, Пирс, это была моя вина.

Гай выглядел смущенным и расстроенным.

– Ты будешь давать показания на следственных слушаниях, которые состоятся завтра утром? – спросил я его.

– Да, конечно.

– А Адам? Ты пока не решил, когда сможешь посетить его? Мне тоже нужно в Бедлам. В пятницу утром судебных слушаний не проводится, мы могли бы поехать туда вместе. В пятницу тебе будет удобно сделать это?

Он достал длинную записную книжку в кожаном переплете и полистал ее.

– В пятницу, в полдень.

– Хорошо. А теперь я ухожу.

Я бросил злой взгляд на книгу, которая все так же лежала открытой на столе, и на Пирса, терпеливо стоявшего рядом со своим хозяином.

Гай протестующе поднял руку:

– Нет, Мэтью, подожди.

Я колебался, не зная, что делать.

Гай закрыл атлас Везалия и протянул его Пирсу.

– Забери ее, мой мальчик, и принеси нам вина. А потом можешь продолжить изучение книги, если есть желание.

– Да, сэр.

Гай дружески похлопал парня по плечу, и тот удалился.

– Прости, Мэтью, мы ничем не желали оскорбить Роджера Эллиарда. Просто труд Везалия чрезвычайно важен для любого, кто занимается медициной, а ты ведь сам просил меня выяснить, как и отчего погиб твой друг. Причем, уверяю тебя, даже в те минуты, когда я этим занимался, я не переставал молиться о его бедной душе.

Я улыбнулся. Я слишком хорошо знал Гая и его доброту, чтобы сердиться на него слишком долго.

– Неужели этот твой Везалий такой выдающийся? – спросил я.

– О да! И главным образом потому, что он положил начало совершенно новому подходу, основываясь на наблюдении, а не слепом следовании общепринятой доктрине.

– В таком случае его труды не очень понравятся большинству врачей.

– Конечно, ведь он подрывает их монополию на некое тайное знание, а кто знает, к чему это приведет? – Он взглянул на диаграмму, висевшую на стене. – Вполне возможно, используя подход Везалия, можно поставить под сомнение и проверить сами основы медицинской науки, которые вплоть до сегодняшнего дня считались незыблемыми.

Я проследил за его взглядом и тоже посмотрел на схему с нарисованными на ней сложными уравнениями и символами. Представление о том, что человеческое тело состоит из четырех главных жидкостей – черной желчи, желтой желчи, слизи и крови, – соответствующих четырем стихиям – земле, огню, воде и воздуху, – настолько прочно укоренилось в сознании людей, что я даже представить себе не мог, как можно бросить вызов этой догме. Точно так же, как и прописной истине, в соответствии с которой любая хворь человека вызвана дисбалансом между четырьмя стихиями его тела. Я вспомнил, как мы с Роджером обсуждали эту концепцию в последний вечер, когда я его видел.

– В таком случае мне не рекомендуется есть салат, когда у меня плохое настроение, чтобы смягчить последствия разлития черной желчи?¹⁵ – проговорил я. – Это облегчило бы мое состояние.

Гай грустно улыбнулся:

– Я бы скорее рекомендовал тебе посещение музыкального вечера или долгую прогулку по Линкольнс-Инн-филдз.

– Только не эти поля, Гай. Похоже, именно там Роджер повстречал своего палача.

В дверь постучали. Пирс принес высокий кувшин с вином и два бокала. Когда он ушел, я сказал:

– Я обещал Дороти поймать убийцу, но беда в том, что я не знаю, как его ловить.

– Мне известно лучше, чем кому бы то ни было, как много загадок ты разгадал в прошлом. Сейчас ты просто недооцениваешь самого себя.

– Я был бы глупцом, если бы недооценил все сложности, связанные с этим делом. Из-за Пасхи и никудышной работы коронерских контор расследование начинается лишь через четыре дня после убийства. Четыре дня без официального расследования! Я надеялся на то, что королевский коронер ускорит ход событий, но этого не случилось. Готов поставить десять к одному, что убийцы уже нет в Лондоне, хотя при том, как обстоят дела, он вполне мог бы остаться здесь, втихомолку подсмеиваясь над коронарами, констеблями и их непроходимой глупостью.

Я сокрушенно покачал головой.

– Если он образованный человек, это сузит круг поисков. Ты не хуже меня знаешь, что мир медицины и мир юриспруденции весьма закрыты и их обитатели не любят делиться своими секретами.

– Возможно. Но многие неплохо разбираются в обеих науках. Впрочем, знание относительно двейла довольно необычно.

– Не только относительно самого вещества, но и о способах его применения. Подождем завтрашних слушаний. Может, что-нибудь прояснится.

¹⁵ «Разлитием черной желчи» (или меланхолией) Гиппократ называл состояние, которое сейчас обозначается как депрессия.

Я кивнул и сделал глоток вина. Гай уже допил свой бокал, и это удивило меня, поскольку его неизменно отличала умеренность буквально во всем.

– Спасибо, что согласился взяться за Адама Кайта, – поблагодарил я.

Он кивнул:

– Мания спасения души. Станный вид одержимости. Предрасположенные к маниям люди оказываются заикленными на других людях, идеях или религии. А уж от религиозных фанатиков вообще не стало прохода. Остается удивляться тому, что такие, как Адам Кайт, встречаются еще не так часто.

Гай задумчиво перевернул бокал доньшком вверх.

– Лодочник сказал мне сегодня, что огромные рыбыны, которые выбросились из реки, на самом деле левиафаны и они предвещают второе пришествие Христа.

Гай мотнул головой:

– Левиафан был только один.

– Вот и я так думаю.

– Мир стал черно-белым, Мэтью. Это манихейский мир, в котором священники призывают всех и каждого принять участие в схватке между добром и злом. И при этом, разумеется, каждый абсолютно уверен в том, что его позиция единственно правильная.

Я склонил голову и улыбнулся:

– Вроде противостояния между протестантами и католиками?

– Совершенно верно. Не забывай, мои родители были мориски¹⁶, которых изгнала из Испании инквизиция. Я собственными глазами видел дикость, разыгравшуюся после того, как эти фанатики, не знающие сомнений в своей правоте, дорвались до власти. – Гай посмотрел на меня угрюмым взглядом. – Но заметь: сколько бы несправедливостей ни натворила католическая церковь, она всегда верила в свободу воли, что люди своими действиями и своей верой могут выбрать собственный путь к Богу. Новый протестантский радикализм подобного не допускает, предоставляя человеку лишь две возможности: либо он будет спасен, либо проклят. Не благодаря своему выбору, а токмо по Божьему разумению. И вот в результате мы получаем Адама Кайта, который считает, что он не угоден Богу.

– А его тупой викарий не способен излечить парня и поэтому думает, что он одержим.

– Так ему проще оправдать свою несостоятельность.

– Я никогда не разделял убеждений Лютера относительно предопределения, Гай. В их споре с Эразмом Роттердамским на тему свободы выбора я неизменно стоял на стороне Эразма. – Я взглянул на Гая. – Сегодня утром я видел, как на площадь перед собором Святого Павла тащили уличного проповедника, облаченного во власяницу и с головой, посыпанной пеплом. Боннер намерен обрушиться на протестантов и сломить их сопротивление, но они этого так не оставят. Для иноземцев наступают тяжелые времена.

– Да, ты прав. Учитывая мою смуглую кожу и монашеское прошлое, мне лучше вести себя тише воды ниже травы и как можно реже выходить из дома. А кроме того, поменьше рассуждать об открытиях Везалия и тем паче того польского ученого, который утверждает, что Земля вращается вокруг Солнца. Но разве можно тут говорить о душевном спокойствии, даже если безвылазно сидишь дома?

Гай говорил так тихо, что я едва разбирал слова. Его лицо внезапно исказилось болью и грустью.

– Что с тобой, Гай? – участливо спросил я. – У тебя какие-то личные затруднения?

¹⁶ *Мориски* – мусульманское население, оставшееся в Испании после падения эмирата Гранады (1492 г.), насильственно обращенное в христианство, но в своем большинстве продолжавшее тайно исповедовать ислам. Жестоко преследовались инквизицией.

– Нет, – с усилием улыбнулся он. – Старые болячки дают о себе знать, вот и все. Но у меня в погребе достаточно вина, чтобы заглушить эту боль. Пойду-ка я спать. – Он встал из-за стола. – Спокойной ночи.

– Я передам родителям Адама Кайта, что ты встретишься с ними. Для них это станет огромным облегчением.

Мы пожали друг другу руки, и я ушел. Я был рад, что расстались мы все-таки по-дружески. Но я не поверил Гаю, когда он сказал, что у него все в порядке.

Глава 8

На следующее утро я зашел за Дороти, чтобы сопровождать ее на коронерские слушания. Она не выходила из дома со дня смерти Роджера, и я беспокоился о том, как ей удастся вынести предстоящие хлопоты. Проходя по Гейтхаус-корт, я заметил, что фонтан, как и фонтан в Вестминстере, уже включили и он весело брызгается струйками воды. Погода стояла теплая, в ветвях деревьев щебетали птицы. Мир природы возвращался к жизни, но я не мог найти в себе сил порадоваться этому весеннему пробуждению.

Дороти сидела в кресле перед камином, ее верная Маргарет – рядом с ней. Обе женщины были одеты в черные платья и чепцы с широкими траурными лентами. На темном фоне бледный овал лица Дороти казался белым как снег. Ее вид напомнил мне о том, как недавно я видел еще одну безутешную вдову – Кэтрин Парр.

Увидев меня, Дороти храбро улыбнулась:

– Уже пора? Да, по твоему лицу вижу, что пора.

Она вздохнула и посмотрела на фриз, висевший над камином. Я взглянул туда же. Из зарослей толстых ветвей на меня смотрел горноста́й.

– Прямо как живой, – заметил я.

– О, как нравилась эта вещь Роджеру! Его сердило лишь то, что угол фриза плохо отремонтировали после повреждения.

– Ты уверена, что сможешь выдержать то, что нас ждет сегодня? – спросил я, поглядев на ее белое лицо и впалые щеки.

– Да, – ответила Дороти, и в ее голосе прозвучала прежняя решительность. – Я должна видеть, как ловят убийцу Роджера.

– Опознание тела, если хочешь, я могу взять на себя.

– Да, сделай одолжение. Боюсь, что это будет для меня чересчур.

– До Гилдхолла¹⁷ доберемся на лодке.

– Хорошо.

Помедлив, она неожиданно для меня спросила:

– О чем говорят люди на улицах?

– Только о том, что здесь произошло жестокое убийство.

– Если кто-то осмелится сказать про Роджера хотя бы одно дурное слово, я выпарапаю ему глаза.

– Вот это правильно, хозяйка, – одобительно проговорила Маргарет и помогла Дороти подняться с кресла.

В огромном, с колоннами зале лондонской ратуши царило обычное оживление. Необычным было другое: два констебля, которых зачем-то поставили у входа. По залу во всех направлениях суетливо перемещались члены Городского совета и чиновники различных гильдий. Некоторые из них с любопытством поглядывали на большую группу одетых в черное адвокатов, собравшихся в дальнем углу. Я узнал суровое лицо казначея Роуланда, остальные были барристерами из Линкольнс-Инн, избранными в состав жюри присяжных. Меня удивило то, что, за исключением казначея Роуланда, все они были очень молоды. Многим было явно не по себе. В том числе и двум студентам, которые нашли тело. Они стояли с краю группы. Гай находился чуть в стороне и был погружен в беседу с Баракком.

¹⁷ Гилдхолл – лондонская ратуша, в которой с XV в. было сосредоточено управление городом, где проходили заседания магистрата и различных городских корпораций.

Дороти взглянула на стоящих мужчин, поколебалась, а затем двинулась к скамейке у стены. Сев, она жестом подозвала Маргарет.

– Мы подождем здесь начала слушаний, – сказала она мне. – Для меня сейчас невыносимо говорить с кем бы то ни было.

– Как пожелаешь.

Я подошел к Бараку и Гаю.

– Здравствуй, Мэтью, – поздоровался Гай. – Это, должно быть, бедная вдова? Она выглядит ужасно бледной.

– Ей стоило невероятных усилий прийти сюда сегодня. Но она храбрая женщина.

– Да, несмотря на страдания, в ней чувствуется сила. – Он кивнул на Барака. – Джек заметил кое-что любопытное.

– Что именно?

Барак выглядел невыспавшимся и раздраженным. Неужели опять провел всю ночь в каком-нибудь притоне? Он наклонился ко мне, обдав нечистым дыханием.

– Громкое убийство вроде этого неизменно собирает толпы зрителей, которые заполняют галерею для публики. Но эти констебли не пускают никого из посторонних.

– Вот как?

С одной стороны, отсутствие зевак сбережет нервы Дороти, но вообще-то, подобное было немислимым. Коронерский суд¹⁸, как и любой другой, всегда был открытым.

Рядом со мной появился казначей Роулэнд.

– Брат Шардлейк, можно вас на пару слов?

Мы отошли в сторонку.

– Мой клерк сообщил мне, что на слушания не допускают зрителей, – проговорил я.

– Судебный пристав говорит, что принято решение объявить слушания закрытыми. Дескать, для того, чтобы избежать слухов и досужих разговоров. Никогда не слышал ни о чем подобном.

Нас прервал судебный пристав в черной мантии, пригласивший всех в зал заседаний. Я подошел к Дороти. Она встала со скамьи. Губы плотно сомкнуты, на щеках пылают красные пятна.

– Возьми меня за руку, Маргарет, – негромко попросила она.

Присяжные расступились, чтобы пропустить их в зал.

Нам выделили одно из помещений ратуши, где проводились слушания по самым разным вопросам. За столом сидели два коронера, перед ними выстроились ряды скамеек. Пристав провел меня и остальных свидетелей на первый ряд, присяжные заняли второй и третий. Скамейки, которые при иных обстоятельствах занимала бы публика, сейчас были пусты.

Я смотрел на двух коронеров, сидевших за столом лицом к нам. Броун сцепил пухлые руки на круглом животе. Мужчина, расположившийся рядом с ним, был совсем другим: сорока с небольшим лет, не высокий, но крепко сложенный, с квадратным лицом. Под его черной шапочкой кучерявились густые каштановые волосы; короткая, уже начинавшая сесть борода была аккуратно подстрижена. Мы посмотрели друг на друга. Взгляд его светло-голубых глаз оказался цепким и оценивающим.

– Это сэръ Грегори Харснет, – прошептал Барак, – заместитель королевского коронера. Раньше он был в лагере лорда Кромвеля. Один из немногих реформаторов, которым удалось сохранить свой пост и положение.

¹⁸ В судебной системе Великобритании существует много различного рода специальных судов. Коронерские суды созываются для установления причин насильственной смерти.

Броун громко рыгнул. Харснет неодобрительно покосился на него, и вторую отрывку коронер попытался замаскировать под кашель. После этого у меня не осталось сомнений в том, кто здесь главный. Пристав закрыл двери.

– Прошу тишины! – провозгласил Харснет.

Он говорил чистым негромким голосом, в котором угадывался акцент выходца из западных графств.

– Сегодня мы собрались здесь, чтобы заслушать обстоятельства внезапной и ужасной гибели Роджера Эллиарда, барристера из Линкольнс-Инн. Поскольку все присяжные являются юристами, мне нет нужды говорить о том, что сегодня мы осмотрим тело, выслушаем показания свидетелей и решим, можем ли мы вынести вердикт.

Присяжных привели к присяге. Молодые барристеры поочередно подходили к судебному приставу, державшему Библию, клали на нее ладонь и произносили слова клятвы.

Затем Харснет вновь обратился к нам:

– Прежде чем мы осмотрим тело, я вызываю доктора Гая Малтона, на которого была возложена задача провести исследование тела. Пусть расскажет нам о том, что ему удалось выяснить.

Гай встал и представился, перечислив все свои врачебные звания и титулы. Присяжные с нескрываемым любопытством рассматривали его смуглую кожу. Гай сообщил, что, по его мнению, Роджера ввели в бессознательное состояние, накачали наркотиком, называемым двейл, отнесли к фонтану и там перерезали ему горло.

– Он умер не оттого, что захлебнулся водой, а от обильной кровопотери. Это означает... – Гай замаялся. – Это означает, что после того, как ему перерезали горло, его держали над фонтаном до тех пор, пока он не умер, и только после этого бросили туда.

Ответом зала было молчание. Все присутствующие, без сомнения, пытались представить себе ужасную сцену, которую описал Гай.

– Как долго он был мертв к тому моменту, когда его нашли? – спросил Харснет.

– Несколько часов. Трупное окоченение было замедлено холодной погодой. – Гай бросил взгляд на меня. – Я даже думаю, что к тому времени на поверхности воды должна была сформироваться ледяная корка.

– Так и было, – подтвердил я.

Я посмотрел мимо Барака на Дороти, которая вместе с Маргарет сидела справа от Гая. Она выглядела спокойной, ее лицо ничего не выражало. В черных траурных одеждах Дороти почему-то казалась меньше, словно усохла.

Харснет, хмурясь, посмотрел на Гая:

– Какую цель мог преследовать злоумышленник, поставив столь жуткий спектакль – убитый человек, лежащий в фонтане крови?

Гай только развел руками:

– Не могу сказать.

И снова эти слова показались мне знакомыми. «Фонтан крови...» Но где я их слышал?

– Страшное дело.

Харснет покачал головой. На его лице читалась глубокая озабоченность. Затем он медленно поднялся.

– Присяжные, – негромко проговорил он, – сейчас мы вместе произведем осмотр тела. Доктор Малтон тоже пойдет с нами – на случай, если возникнут вопросы. В бумагах говорится, что опознать погибшего должен брат Шардлейк. – Он перевел взгляд на меня. – Это вы?

– Да, мастер коронер.

Он посмотрел на меня долгим оценивающим взглядом.

– Как давно вы знали погибшего?

– Двадцать лет. Я хотел избавить его вдову от тяжелой обязанности опознания.

Харснет посмотрел на Дороти.

– Очень хорошо, – произнес он, поднялся и вышел из зала.

За ним последовали присяжные и мы с Гаем.

Когда простыню, прикрывавшую тело Роджера, отбросили, никто из присяжных не произнес ни слова. Несмотря на то что в воздухе предусмотрительно разбрызгали ароматическую эссенцию, здесь явственно ощущался запах разложения. Увидев мертвое лицо Роджера, я закрыл глаза. Хотя в последнее время я редко обращался к Богу, сейчас я стал молиться, чтобы Он помог поймать убийцу, дал мне сил выполнить свою миссию до конца и в кои-то веки выполнил мои просьбы. Открыв глаза, я увидел, что лица парочки присяжных позеленели. Гай показал нам страшную рану и еще раз рассказал, как наступила смерть. Вопросов ни у кого не оказалось, и мы вернулись в зал заседаний.

Когда все расселись, Харснет обвел присутствующих серьезным взглядом.

– Сегодня, – заговорил он, – нам предстоит квалифицировать смерть Роджера Эллиарда. Ясно, что это убийство, но кто совершил его? Я вызываю Джека Барака.

Он задал Бараку несколько вопросов относительно следов на снегу, которые тот обнаружил на месте убийства.

– Следы вели сначала к фонтану, а потом – в обратном направлении, – рассказал Барак. – Идя к фонтану, убийца нес что-то тяжелое, а возвращался уже налегке. Снег быстро таял, но следы отпечатались на нем очень отчетливо.

Харснет буравил свидетеля взглядом.

– Обычный человек не может пронести бессознательное тело так далеко, как вы утверждаете.

– Может, если он обладает недюжинной силой и дьявольской решимостью.

– Насколько мне известно, вы служили у лорда Кромвеля?

Интересно, подумалось мне, откуда Харснет об этом узнал?

– Это так. Я работал на него до того, как стал клерком в адвокатской конторе.

– В качестве кого?

– В качестве кого угодно, – радостно сообщил Барак. – Выполнял все, что прикажет хозяин.

– Садитесь, – холодно обронил Харснет.

Легкомысленный ответ Барака ему явно пришелся не по душе. Коронер Броун, сидевший рядом, глупо ухмыльнулся. Он вообще не принимал участия в разговоре, и его присутствие на слушаниях, очевидно, являлось простой формальностью.

Дали показания двое студентов, а после них – я. Мы рассказали о времени и обстоятельствах обнаружения тела. Харснет вызвал казначея Роуланда. На вопрос о душевном состоянии Роджера он четко и внятно ответил, что тот был жизнелюбивым, бодрым человеком, который пользовался уважением среди коллег, имел множество друзей и ни с кем не враждовал.

– И все же один враг у него был, – заметил Харснет, – жестокий и умный. Убийство было спланировано с огромным терпением и хитростью.

Я с уважением посмотрел на помощника королевского коронера. Этот человек явно обладал незаурядным умом.

– Кто-то ненавидел Роджера Эллиарда, – подвел он итог и повернулся к Роуланду. – Что с поверенным, который написал письмо мастеру Эллиарду?

– Это мифическая фигура, сэр. Никто не знает клерка с таким необычным именем, как Нантвик. Я наводил справки во всех судебных корпорациях. Кроме меня, этим никто не озаботился, – добавил он, бросив красноречивый взгляд на Броуна.

Харснет неодобрительно посмотрел на Роуланда, но своенравный старик оставался тверд и даже не отвел взгляда.

– Могу я позволить себе напомнить суду об одном обстоятельстве? – спросил Гай, поднявшись со своего места.

– Да, – прорычал Харснет.

Меня удивила злость, прозвучавшая в его голосе. Я понимал: свидетели, которые высказываются по собственному усмотрению, могут раздражать, но обстоятельство, на которое обратил внимание Роулэнд, было немаловажным, да и Гай, несомненно, собирался говорить не о пустяках.

– Сэр, даже для опытного врача было бы сложно рассчитать правильную дозу наркотика. Этот человек наверняка является дипломированным специалистом.

– Вполне возможно, – кивнул Харснет, – но, к сожалению, это не позволяет нам продвигаться ни на шаг вперед. Когда речь идет о жестокой мести, как в нашем случае, налицо должен быть подозреваемый, а я не вижу ни одного. Учитывая то, что из-за пасхальных праздников расследование началось с запозданием, не думаю, что убийцу удастся быстро изловить.

Мои глаза расширились от удивления. Коронер не имел права занимать столь откровенно пораженческую позицию. При этом я чувствовал, что, произнося эти слова, Харснет испытывал неловкость. Броун снова ухмыльнулся – так, будто он ожидал подобного оборота дел.

– Мы должны быть реалистами, – продолжал Харснет. – Я предвижу, что вердикт будет гласить: «Убийство, совершенное одним или группой неизвестных», и подозреваю, что они так и останутся неизвестными.

Я был потрясен. Оказывалось вопиющее давление на жюри присяжных, но никто из молодых барристеров не осмелился произнести ни слова.

И тут я услышал шорох юбок. Дороти встала со своего места и стояла, глядя на помощника королевского коронера.

– Вы не предоставили мне слова, сэр, но если кто-то здесь и имеет на то право, то это я. Я любой ценой увижу, как схватят убийцу моего мужа, и уверена, что это непременно произойдет. Благодаря помощи наших верных друзей.

Она дрожала всем телом, щеки покраснелись, но голос оставался чистым и резал воздух, словно острый нож. Произнеся последние слова, она повернулась ко мне. Я поддержал ее энергичным кивком, и она опустилась на скамью.

Я ожидал взрыва негодования со стороны Харснета, но он просто сидел, сжав губы в узкую полоску. Его лицо побагровело. Броун усмехался. Замешательство вышестоящего чиновника явно забавляло его. Мне хотелось встать и стереть эту ухмылку с жабьего лица коронера. Наконец Харснет заговорил:

– Учитывая то, что миссис Эллиард находится в расстроенных чувствах, я не стану выносить ей порицания. Скажу лишь одно: для вынесения вердикта жюри необходимы дополнительные свидетельства и улики. Поэтому сегодня я не буду настаивать на вынесении вердикта. Дело остается открытым, а я тем временем проведу самостоятельное расследование...

Я вскочил на ноги.

– В обход жюри присяжных? Разве это допустимо, сэр?

– Коронер имеет право проводить собственное расследование в тех случаях, когда считает это необходимым. Это тот самый случай. Присяжные – юристы, каковым являлся и погибший. Чем меньше эмоций и чем больше здравого смысла будет в расследовании, тем лучше для дела, а это возможно лишь в том случае, если я буду действовать в одиночку. Сядьте.

Я сел, но не сводил взгляда с Харснета.

– А теперь слушайте внимательно и накрепко запомните то, что я сейчас скажу.

Харснет обвел взглядом сидевших в зале. Он говорил медленно, отчего его акцент стал еще более заметен.

– Я не позволю, чтобы слухи об этом убийстве будоражили Лондон. Уже подписан королевский указ, запрещающий публикацию любых статей на эту тему. Все присутствующие обя-

заны хранить то, что они знают, в тайне, а любопытным давать от ворот поворот. Город нынче и без того переполнен пересудами. Таков мой приказ как помощника королевского коронера, и всякий, кто ослушается его, будет примерно наказан.

Харснет встал. Броун тоже хоть и с трудом, но поднялся.

– Эти слушания объявляются отложенными *sine die*¹⁹. Они будут продолжены после того, как в моем распоряжении окажутся новые свидетельства. Всего наилучшего, джентльмены.

Пристав открыл дверь, и коронеры удалились. Сразу же послышался гул голосов.

– Это, должно быть, работа дьявола. Такое ужасное преступление накануне Светлого Христова Воскресенья! Убийца, скорее всего, одержим нечистым.

Я обернулся на молодого человека, произнесшего эти слова. Ну что за бред!

– А его нечеловеческая сила? Такое всегда наблюдается в случаях одержимости.

Маргарет повернулась ко мне:

– Хозяйке плохо. Нужно поскорее увести ее отсюда.

Дороти, судя по ее виду, действительно находилась в полуобморочном состоянии. Я поднялся и помог Маргарет вывести ее из зала. Рука Дороти показалась мне легкой, как птичья лапка, и я задумался: а ела ли она хоть что-нибудь все это время? Мы подвели ее к скамье, стоявшей в вестибюле, и усадили. Следом за нами вышли Барак и Гай, потом с сердитым видом появился казначей Роулэнд. Я надеялся, что он подойдет и скажет Дороти несколько слов ободрения, но он только кивнул мне и проскользнул мимо, стуча каблуками по мраморным плиткам пола. Его в первую очередь заботила не горящая вдова, а репутация Линкольнс-Инн и собственная власть. Вероятнее всего, в самом скором времени от Дороти потребуют освободить занимаемое помещение, принадлежащее корпорации.

Поначалу она сидела с закрытыми глазами, но потом выпрямилась и поочередно посмотрела на меня, на Маргарет, на Барака и на Гая.

– Спасибо вам за помощь и за то, что вы не позволили отвратить вас от поисков истины. – Она повернулась ко мне. – Они ведь не станут ничего расследовать? Они считают, что убийца давно сбежал и все это пустая трата времени?

– Нет, тут что-то происходит. Не зря Харснет решил полностью забрать дело себе.

– Что он за человек?

– Мне о нем ничего не известно.

– Они пытаются похоронить дело, – с горечью проговорила Дороти. – Разве я не права?

– Ну-у...

– Будет тебе, Мэтью. Я двадцать лет была замужем за Роджером и за это время успела узнать немало о мире юриспруденции. Эти люди хотят закрыть дело и забыть о нем.

– Похоже на то. – Я сокрушенно покачал головой. – Если и дальше будем терять время, убийцу, возможно, действительно никогда не удастся найти.

– Ты сможешь мне, Мэтью? Я всего лишь женщина, они не станут меня и слушать.

– Даю тебе слово. Я начну с того, что поговорю с коронером Харснетом. Гай, ты побудешь здесь с Дороти?

Он кивнул.

– Тогда идем, Барак.

– Вы взяли на себя непосильные обязательства, – проговорил Барак, спускаясь следом за мной по ступеням Гилдхолла. – Она зациклилась на том, чтобы поймать убийцу, и я не представляю, что с ней будет, если сделать этого не удастся.

– У нас все получится, – твердо сказал я.

В дальнем конце вымощенной булыжником площади я увидел облаченную в черное фигуру Харснета. Он разговаривал с высоким, крепким мужчиной лет тридцати. Незнакомец

¹⁹ На неопределенный срок (*лат.*).

был одет очень дорого: под накинутой на плечи толстой шубой виднелся зеленый камзол с золотым кантом и рубашка, украшенная замысловатым испанским кружевом. На голове красовалась красная шапочка с белым пером, торчащим под заливчатским углом. Ножны шпаги, висевшие на боку, были выполнены из великолепной кожи и инкрустированы золотом. Длинная медная борода добавляла великолепия облику этого господина.

В иных обстоятельствах я не рискнул бы вступать в полемику с королевским чиновником в общественном месте, да еще в тот момент, когда он занят беседой с человеком явно знатного происхождения и высокого положения, но сейчас, как никогда прежде, мной двигала ярость.

При моем приближении оба мужчины повернулись. Бородатый человек, в красивом лице которого ощущалась какая-то жесткость, с улыбкой взглянул на Харснета и проговорил:

– Правильно он сказал. Вот и Шардлейк. Явился не запыхавшись.

Я посмотрел сначала на одного, потом на второго и задал вопрос:

– Что вы имеете в виду, сэр? Кто и что вам сказал?

Харснет тяжело вздохнул. Вблизи он выглядел куда более напряженным и озабоченным.

– Меня предупреждали, что вы можете остаться недовольны вердиктом, брат Шардлейк.

– Предупреждали? Но кто?

Тот, что был помоложе, указал на Барака:

– Избавьтесь от своей мелкой сошки, и я вам скажу.

Барак наградил его враждебным взглядом, но я кивнул и попросил помощника:

– Джек, скажи Дороти, что мне, возможно, придется задержаться, поэтому ей лучше отправляться домой. Я зайду к ней позже. А ты поезжай с ними.

Барак неохотно направился обратно к ратуше, а я повернулся к Харснету. Он смотрел на меня колючим взглядом. Его друг тоже. Мне вдруг стало не по себе.

– Рискну предположить, что вы пришли, желая выяснить, почему я отложил слушания, – спокойно проговорил Харснет.

– Да. – Я глубоко вздохнул. – Все это выглядит так, будто вы не хотите найти убийцу.

Высокий мужчина горько засмеялся.

– Вот в этом вы ошибаетесь, адвокат. – Он говорил глубоким, музыкальным голосом. – Ничего на свете мы не хотим больше.

– Тогда почему...

– У этого дела имеется политическая подоплека, – пояснил Харснет.

Он оглянулся и, убедившись, что нас никто не слышит, продолжал:

– Мне говорили, что вы выступите против моего решения. А говорил это архиепископ Кранмер.

– Кто?!

Взгляд светло-голубых глаз Харснета был прикован ко мне.

– Вы действительно больше всего на свете хотите отыскать убийцу мастера Эллиарда?

При упоминании имени Кранмера по моей спине пробежал холодок. Выходит, в смерти Роджера каким-то образом вовлечена высокая политика, с которой я поклялся не связываться больше во веки веков. Но затем я вспомнил изуродованное тело Роджера и искаженное горем лицо Дороти.

– Да, – ответил я.

Богато одетый незнакомец вновь рассмеялся:

– Вот видишь, Грегори, в чем в чем, а в смелости ему не откажешь.

– Кто вы, сэр? – напрямую спросил я.

Мое нахальство заставило мужчину нахмуриться.

– Это сэр Томас Сеймур, – сообщил Харснет, – брат последней королевы Джейн.

– Так что будьте поучтивее, приятель, – проворчал Сеймур.

На несколько мгновений я утратил дар речи.

– Полученные мною инструкции состоят в следующем, – продолжал тем временем Харнет почти извиняющимся тоном. – Если вы поставите под сомнения мои действия, я должен буду доставить вас к архиепископу Кранмеру.

– Что за всем этим кроется?

– Гораздо больше, чем одна только смерть мастера Эллиарда. – Он посмотрел мне прямо в глаза. – Нечто поистине темное и страшное. Однако идемте. Лодка ждет. Она доставит нас до дворца Ламбет.

Глава 9

У причала Трех Журавлей нас ожидала одна из личных лодок архиепископа Кранмера, а в ней – четверо гребцов в белой форме. Харснет приказал им грести к Ламбету, и как можно быстрее.

Ледоход закончился, и река пестрела белыми парусами яхт и лодками, перевозившими лондонцев вдоль Темзы и с берега на берег. Вверх по реке ползли тяжелые баржи. Их матросы громко дули в трубы, сгоняя со своего пути более мелкие суденышки. Небо было светло-голубым, речной бриз – легким и прохладным. Но я думал о пучине под нами, из которой появились гигантские рыбы.

Позади нас высился Лондонский мост, утыканный домами и лавками, еще дальше мрачно темнела махина Тауэра. На арке в южном конце моста торчали длинные колья, на которые были насажены головы (к счастью, с такого расстояния их было не разглядеть) тех, кто бросил вызов королю или чем-то рассердил его. Среди них до сих пор находилась и голова моего старого хозяина, Томаса Кромвеля, а также головы Дирхэма и Келпепера, предполагаемых любовников казненной королевы Кэтрин Говард. Я вспомнил Томаса Келпепера, с которым познакомился в Йорке, – его красоту, петушиную гордость – и невольно поежился, оттого что снова попал в мир придворных интриг.

– Да, все еще холодно, – заметил Сеймур, неверно истолковав пробравшую меня дрожь, и плотнее запахнулся в свою шубу.

Я внимательно изучал его. Мне было известно, что он младший брат третьей жены Генриха, Джейн Сеймур, умершей при родах наследного принца Эдварда. Говорили, что она была единственной из пяти жен Генриха, кончину которой он искренне оплакивал. Старший брат Томаса Сеймура, Эдвард, граф Хартфордский, занимал высокое положение при дворе и был назначен лорд-адмиралом королевского флота. Лорд Хартфорд являлся единственным высокопоставленным реформатором, который удержался в Тайном совете после падения Кромвеля три года назад. Он был известен как серьезный, умелый политик и удачливый военачальник, который прошлой осенью успешно провел военную кампанию против шотландцев.

А вот его брат Томас заслужил репутацию безответственного ловеласа. Глядя на его красивое лицо, в это было несложно поверить: полуулыбка на пухлых губах, модная длинная борода – все говорило о чувственности этого человека. Барак рассказывал мне, что сэр Томас считался авантюристом, и поэтому его ни за что не включили бы в состав Тайного совета, но при этом он занимал ряд весьма доходных должностей и совсем недавно был послом при дворе германского императора, который в ту пору воевал с турками.

Сеймур изящно запахивался в полы шубы, нежно поглаживая длинный меховой воротник, Харснет, с его резкими чертами, серьезным взглядом и озабоченным выражением лица, был полной противоположностью сэру Томасу.

Лодка плыла по беспокойной поверхности Темзы, а я с тревогой гадал, каким образом Томас Сеймур может быть связан со смертью несчастного Роджера.

Мы в молчании достигли дальнего берега и быстро двигались по направлению к дворцу Ламбет. Позади осталась пустая ниша, где раньше стояла статуя Томаса Беккета, которой кланялись все лондонские лодочники. Теперь памятник этому архиепископу, бросившему вызов королю, разрушили. Мы миновали Тауэр, за толстыми стенами которого томились в заключении еретики. Я вспомнил встреченного мною в Йорке жестокого тюремщика, находившегося на службе у Кранмера, и снова поежился. Тогда, зная, что Кромвель доверяет мне, архиепископ заставил меня взяться за выполнение опасной миссии, однако потом в нем, видимо, проснулась совесть, и, пытаясь задобрить ее, он подыскал для меня должность в суде прошений. И вот мне

предстояло снова встретиться с этим неистовым, не знающим покоя, фанатично преданным Господу человеком.

Гладкую дубовую дверь, ведущую в кабинет Кранмера, я помнил еще по своему последнему визиту сюда. Харснет постучал и вошел, я и Сеймур – следом за ним.

Архиепископ Кентерберийский в белой сутане и черной епитрахили на шее сидел за большим столом. Темные, но уже седеющие волосы были не прикрыты. Морщины на щеках за прошедший год стали глубже. Большие синие глаза, насколько мне помнилось, всегда были наполнены страстью и жадной борьбой. Кранмер был далек от радикального реформаторства, но тем не менее постоянно ощущал угрозу со стороны консервативных царедворцев. Многие из них с радостью сожгли бы его, будь на то их воля, но он давно пользовался расположением короля, и только это до поры до времени служило залогом его безопасности.

Рядом с архиепископом стоял второй человек, одетый в неброское, но дорогое платье. Крупный нос, вытянутое лицо и атлетическая фигура делали его до такой степени похожим на Томаса Сеймура, что сомнений быть не могло: это его брат. Однако те же самые черты, которые делали Томаса красивым, слегка измененные и чуточку смещенные, заставляли лорда Хартфорда выглядеть уродом. У него были большие глаза навывкате, слишком длинное и худое лицо, всклокоченная борода. И все же в безыскусно одетом Хартфорде чувствовалась глубина характера, неординарность личности, целеустремленность – все то, чего недоставало его брату. Я напомнил себе, что именно он вместе с архиепископом Кранмером отправил Адама Кайта в Бедлам, хотя Ричард Рич хотел уготовить парню гораздо более незавидную участь.

Сэр Томас изысканным движением снял шапочку и сжал руку брата.

– Рад видеть тебя, Эдвард.

Он повернулся к Кранмеру и поклонился.

– Милорд. Как видите, мы привезли его.

– Да, Томас.

Голос Кранмера звучал устало, а во взгляде, который он бросил на младшего Сеймура, угадывалась неприязнь. Он посмотрел на меня, сопроводив взгляд обычной для него печальной улыбкой.

– Ну вот, Мэтью Шардлейк, мы и снова встретились. И опять в связи с очень необычными обстоятельствами. Господин адвокат высшей категории, – добавил он, напомнив о ранге, присвоенном мне благодаря его покровительству. – Затем архиепископ повернулся к Харснету. – Ну что, все обстоит именно так, как мы и опасались?

– Да, милорд, все в точности соответствует другому случаю.

Кранмер переглянулся с лордом Хартфордом, а потом долго смотрел на языки пламени, танцующие за каминной решеткой. Я понял: эти люди чем-то не на шутку встревожены. При этом они являются наиболее влиятельными реформаторами при дворе. Кранмер снова обратил свой взгляд ко мне и с видимым усилием заставил себя улыбнуться.

– Что ж, Мэтью, как идут твои дела в суде прошений?

– Лучше не бывает, милорд, и я еще раз приношу вам благодарность за то, что вы помогли мне получить эту должность.

– Вы заслужили ее.

Я вдруг осознал, что все в комнате смотрят на меня: Кранмер, Харснет и лорд Хартфорд – серьезно, а сэр Томас – с циничной усмешкой. От неловкости я переступил с ноги на ногу. Молчание нарушил сэр Томас.

– Можем ли мы доверять этому горбуну? – осведомился он.

– Не смейте так называть его! – уже всерьез разозлился Кранмер. – Прошу прощения, Мэтью. Да, я уверен, что он заслуживает доверия.

– После того как коронер отложил слушания, он погнался за нами, как бешеная собака.

Кранмер пристально смотрел на меня.

– Мэтью, – негромко заговорил он, – вы обнаружили тело, и, как мне известно, вы являетесь близким другом адвоката Эллиарда и его жены. Насколько глубоко вы вовлечены во все это?

– Я обещал миссис Эллиард найти убийцу ее мужа, – ответил я.

– Вы будете это делать для себя или для нее?

Этот вопрос задал Хартфорд. Я повернул голову и встретился с ним взглядом.

– Для нас обоих, милорд. Но обещание, данное мною миссис Эллиард, является долгом чести.

– Не пропадет ли у вас желание отдать этот долг, если выяснится, что сюда вовлечена политика? – спросил Кранмер. – Тщательно подумайте, прежде чем отвечать, Мэтью. Однажды вы заявили мне, что никогда больше не желаете участвовать в делах подобного рода, но если вы решитесь помочь нам докопаться до истины, вам придется это сделать.

Я колебался.

Томас Сеймур хохотнул:

– У него для этого кишка тонка. Да вы еще рассказывали, что в последний раз он потерпел фиаско, поскольку так и не нашел те бумаги.

Я опустил голову. Мне не хотелось, чтобы он видел выражение моего лица. На самом деле никакого фиаско я не потерпел, а просто решил сохранить в тайне то, что мне удалось узнать. При мысли о том, что эти мужчины способны сделать со мной, сердце забилось быстрее.

– Вы обладаете острым умом и большим опытом, – проговорил Кранмер. – И умением хранить секреты.

Я глубоко вздохнул. Перед моим мысленным взором возникло лицо Роджера: улыбающееся, дружелюбное, полное жизни. Я посмотрел на архиепископа.

– Если я смогу хоть чем-то помочь вам в этом, можете всецело располагать мною, милорд.

После того как я произнес эти слова, у меня возникло ощущение, что за моей спиной горит и рушится мост, по которому я пришел сюда.

Кранмер обвел глазами остальную троицу. Харснет и лорд Хартфорд кивнули, Томас Сеймур передернул плечами. Кранмер наградил его хмурым взглядом.

– Вы, Томас, находитесь здесь лишь благодаря вашему брату и из-за ваших особых отношений... с ней.

Сеймур покраснел и, казалось, был готов взорваться. Он перевел взгляд на брата.

– Архиепископ прав, Томас, – с серьезным выражением проговорил лорд Хартфорд.

Сэр Томас сердито сжал губы, но кивнул.

Кранмер повернулся ко мне:

– Вы, Мэтью, должно быть, гадаете, каким образом убийство вашего друга связано с политикой.

– Совершенно верно, милорд.

Он сделал глубокий вдох, словно до последнего момента не желая выдавать своих секретов, и сказал:

– Ваш друг – не единственный, кого убили столь ужасным способом.

От удивления у меня отвисла челюсть.

– То есть было еще одно похожее убийство?

– Не похожее, а в точности такое же. Совершенно идентичное, вплоть до мельчайших кошмарных деталей. Информация о нем держалась в секрете из-за личности убитого.

Архиепископ кивнул Харснету:

– Расскажите ему, Грегори.

Харснет перевел взгляд на меня и заговорил:

– Однажды утром, примерно месяц назад, в конце февраля, рабочий шел вдоль Темзы по ламбетскому берегу.

Харснет сделал паузу.

– На берегах в ту пору лежал снег, а лед на реке был не меньше ярда толщиной. Но приливы и отливы продолжали происходить даже подо льдом, образуя на берегах большие лужи. В то утро рабочий обратил внимание, что вода в одной из таких луж красного цвета и в ней что-то плавает.

Мои глаза расширились. Харснет серьезно кивнул.

– Да, он нашел лежащего там мужчину с перерезанным горлом. Точно так же, как Эллиарда бросили на всеобщее обозрение в фонтан, этого несчастного оставили в луже на берегу, чтобы его без промедления нашли.

– Боже праведный!

– Наш рабочий отправился к констеблю, который, в свою очередь, вызвал коронера. – Харснет пронзил меня острым взглядом. – Мой коллега, коронер графства Суррей, является добрым реформатором и старается быть в курсе всех придворных новостей. Поняв, кем был убитый, он пришел ко мне, поскольку знал о моих тесных связях с архиепископом.

– Проводились ли коронерские слушания? – спросил я.

– Нет, – на сей раз ответил лорд Хартфорд. – Было крайне важно сохранить случившееся в тайне. – Он не сводил с меня своих выпученных глаз. – Это до сих пор необходимо.

Вновь заговорил Харснет:

– Погибший оказался врачом, доктором Полом Гарнеем. – Он помолчал. – Это был известный человек, личный врач лорда Латимера, последнего мужа леди Кэтрин Парр. Доктор Гарней лечил лорда Латимера с тех пор, как тот заболел прошлой осенью, и постоянно посещал его дом в районе Чартерхауса.

Так вот она, связь!

– Говорят, сам король обхаживает леди Латимер, – брякнул я.

– Правильно говорят, – кивнул Кранмер.

– Мы не можем рассказывать ему все! – взорвался Томас Сеймур. – Если что-то выплывет на поверхность, эта добропорядочная дама может оказаться в опасности.

– Мэтью не нарушит тайны, – отрезал Кранмер. – Если он даст мне обещание сохранить все, что мы расскажем ему, в секрете, он сдержит слово. И я думаю, наша позиция должна быть ему близка. Клянетесь ли вы, Мэтью, не говорить ни слова о том, что связано с этим делом, никому, кроме нас? Помните, это может означать, что, если убийцу найдут, вы, возможно, не сможете рассказать вдове своего друга о том, как это случилось.

Поколебавшись, я ответил вопросом на вопрос:

– Могу я сказать ей, что убийца найден и сейчас с ним разбираются?

– Да, тем более что так оно и будет, – мрачно проговорил лорд Хартфорд, и я вновь ощутил силу и безжалостность, которые излучал этот суровый человек.

– В таком случае я клянусь, милорд.

Кранмер с удовлетворенным видом откинулся на спинку кресла.

– Продолжайте, Грегори. Расскажите ему все без утайки.

– Я начал расследование, – снова заговорил Харснет, – втихомолку, никому ничего не говоря, но не нашел никаких зацепок. Как и в случае с мастером Эллиардом, доктор Гарней был человеком, уважаемым в своей профессии, имевшим много друзей и ни одного врага. Он был бездетным вдовцом, поэтому его знакомым мы сказали, будто он умер неожиданно, во сне. Тщательное расследование ни на шаг не приблизило нас к пониманию того, кто и зачем расправился с ним. Мы не узнали ровным счетом ничего. Тайные расспросы позволили выяснить, что доктор Гарней ушел из дома лорда Латимера поздно вечером накануне. В последнее время он безотлучно находился там, поскольку Латимер уже стоял одной ногой в могиле. У

него на спине была огромная опухоль. Дворецкому доктор Гарней сообщил лишь, что должен отойти в город, чтобы выполнить некую «миссию милосердия».

– Получал ли он какое-нибудь письмо? Как Роджер?

– Об этом нам ничего не известно, хотя исключать этого нельзя. Доктор Гарней тоже помогал бедным людям, которые нуждались в его совете. И возможно, погиб из-за этого.

– Было ли произведено вскрытие тела?

– Нет, но, наверное, это следовало сделать. – Харснет нахмурился. – Сегодня этот мавр дал нам очень важную зацепку, связанную с наркотиком. Из этого следует, что мы должны искать человека, имеющего отношение к медицине.

– И к юриспруденции. Это человек, обладающий всесторонними познаниями.

– Я посоветовался с лордом Хартфордом, – продолжал Кранмер, – и мы решили, что о случившемся должно знать как можно меньше людей. Кэтрин Парр была замужем за лордом Латимером в течение десяти лет, они оба являлись видными фигурами при дворе, и король давно положил на нее глаз. Когда в январе стало известно, что лорд Латимер скоро умрет, король перестал скрывать свою заинтересованность. Теперь он предложил ей выйти за него замуж.

– Еще один старый муж! Латимеру было за сорок, – с горечью в голосе проговорил Томас Сеймур.

Я вспомнил слова Барака о том, что, помимо Генриха, интерес к Кэтрин Парр проявляет кое-кто еще. Неужели это Сеймур? Они с вдовой, вероятно, ровесники.

Кранмер сцепил руки.

– Это был бы благоразумный, крепкий брак, а у нашего короля, видит бог, таких было мало.

Архиепископ помолчал, словно раздумывая, стоит ли расшифровывать свою реплику, и посмотрел мне прямо в глаза.

– Леди Кэтрин заинтересована в проведении религиозной реформы. До поры до времени она не афишировала свои взгляды, поскольку лорд Латимер был отъявленным консервативом, а нам сейчас так нужен влиятельный союзник! Епископ Винчестерский Гардинер вместе с епископом Лондона Боннером, заседаая в королевских советах, делают все, чтобы сокрушить реформаторов.

Он сделал многозначительную паузу и добавил:

– Даже я не могу чувствовать себя в безопасности.

Хартфорд предупреждающе мотнул головой, но Кранмер поднял унизанную перстнями руку.

– Нет, Эдвард, уж если мы решили посвятить его в суть дела, то должны рассказать все. Тем более что через какое-то время все это и так станет достоянием гласности. Мэтью, консерваторы наступают сразу на многих фронтах. Кампания преследования уличных проповедников Лондона, которую проводит епископ Боннер, вскоре наберет новые обороты, в парламент будет внесен законопроект, предлагающий разрешить чтение Библии только аристократам и людям знатного происхождения. Для простолюдинов и женщин Священное Писание станет недоступно.

Архиепископ сделал паузу, и этим воспользовался Харснет.

– Они отберут у народа священное слово Христа, – горько сказал он.

Я бросил на него косою взгляд. Так обычно говорили радикалы. Кранмер слегка нахмурился.

– И наконец, – продолжил он, – они пытаются свалить меня. Не исключено, что и лорда Хартфорда тоже, но в первую очередь меня. Уже арестованы некоторые радикалы из числа моих людей в Кентербери, а также среди молодых придворных из Виндзора. Их обвинят в

ереси. Молодые люди, которые слишком много болтают, – вот кто представляет для меня наибольшую угрозу.

Левая щека Кранмера непроизвольно дергалась, и я понял: архиепископ боится. Но он сумел совладать с собой и вновь посмотреть на меня.

Заговорил лорд Хартфорд, негромко и размеренно:

– Сейчас нас в наибольшей степени защищает то, что в окружении короля до сих пор остались умеренные реформаторы, люди, которым он доверяет. Это его врач, доктор Баттс, и новый секретарь Уильям Паджет. Пока такие, как Гардинер и Норфолк, шепчут на ухо королю ядовитые речи, эти люди, пользуясь почти неограниченным доступом к персоне монарха, в силах противостоять им. Но королева, придерживающаяся реформаторских взглядов, могла бы помочь нам еще больше.

– Но будет ли этот брак безопасен для нее? – вклинился в разговор Томас Сеймур. – Анна Болейн пыталась оказывать на короля давление по религиозным вопросам и была казнена. А меньше года назад была обезглавлена Кэтрин Говард.

Мне вспомнился затравленный и испуганный взгляд Кэтрин Парр, которую я увидел в карете похоронной процессии.

Кранмер кивнул:

– Верно. Поэтому нечего удивляться тому, что она до сих пор не приняла предложения короля. Впервые, Мэтью, потенциальная жена отказала королю в ответ на предложение руки и сердца. Но на старости лет он нуждается в компаньонке. Я знаю, леди Кэтрин отдала решение этой дилеммы в руки Господа. Более щекотливой ситуации не придумаешь. Жестокое убийство, совершенное в ее окружении, а теперь и второе – все это должно было бы насторожить короля, который, как известно, крайне суверен. Две шокирующие, бессмысленные смерти. Люди непременно станут говорить, что убийца одержим дьяволом.

– Об этом уже говорят, – вставил Харсет. – Поначалу мы полагали, что цель убийцы – устроить скандал, который поставил бы под угрозу брачные переговоры. Но если так, то зачем он нанес второй удар?

– Может, для того, чтобы устроить представление, которое прочно связали бы со смертью доктора? – предположил я.

– В таком случае он был недалеко от цели, – сказал Кранмер, – но этого нельзя допустить. Именно поэтому мы официально положили под сукно расследование убийства мастера Эллиарда. А неофициально я переверну каждый камушек, чтобы отыскать душегуба. Кстати, Кэтрин Парр, как и все остальные, думает, что доктор Гарней умер от удара.

Я понял, почему все они были так напряжены. Король не любил, когда от него что-то держали в тайне. Меня снова втянули в нечто чреватое крупными неприятностями со стороны короля, в нечто весьма опасное. Во второй раз я могу и не уцелеть. Но ведь я дал клятву, и обратного хода нет.

– Способ, которым совершены эти убийства, ужасен, – сказал Кранмер, прикоснувшись к серебряному наперсному кресту, висевшему у него на груди.

Томас Сеймур мрачно рассмеялся:

– Не ужаснее того, что мне довелось видеть в Венгрии.

Он положил руку на свои инкрустированные золотом ножны.

– Я видел, как побежденная армия императора возвращалась из Буды. Им не удалось отбить этот город у турок, но в качестве трофея они привезли целую повозку отрубленных голов. На вершине этой страшной пирамиды сидел один живой турок, весь в крови, прикрывавшийся тряпками от тюрбанов своих казненных товарищей. Все смеялись, когда задняя часть повозки открылась, и турок, вопя, скатился с груды отрубленных голов на землю.

Сэр Томас улыбнулся, и я понял, что, наблюдая описываемый им случай, он тоже смеялся.

– То была война, – возразил его брат. – Она велась жестоко, но с достоинством. Я поглядел на Хартфорда и подумал: а что он сам видел и делал в Шотландии?

– Что ж, Мэтью, – проговорил Кранмер, – вы новый человек в этом деле, и вы хорошо знали бедного Эллиарда. Что, по вашему мнению, нам следует предпринять?

Все опять смотрели на меня. Я как мог расправил плечи.

– Для начала я предложил бы выяснить, имели ли доктор Гарней и Роджер общих знакомых или клиентов. Хотя было бы странно, если бы кто-то до такой степени ненавидел их обоих.

– У меня имеется обширный список друзей и пациентов доктора Гарнея, – сообщил Харснет.

– А я могу составить такой же список применительно к Роджеру, – сказал я и, посмотрев на помощника королевского прокурора, добавил: – С помощью его вдовы.

– Очень хорошо, – кивнул Кранмер. – Но она не должна ничего знать про Гарнея.

Мне была ненавистна мысль о том, что придется обманывать Дороти, но я понимал, что без этого не обойтись.

– Сколько лет было доктору Гарнею?

– За пятьдесят. Он был уже стар.

– Как он был сложен?

– Как сложен? – озадаченно переспросил Харснет. – На вид небольшой, худощавый...

– Как и Роджер. Наш убийца перенес Роджера к фонтану Линкольнс-Инн, а Гарнея к приливным лужам. Это выглядит так, будто он предпочитает убивать subtilных мужчин, достаточно легких, чтобы хватило сил донести жертву на руках до определенного места.

– Каковы были религиозные воззрения мастера Эллиарда? – поинтересовался Харснет.

– Он принадлежал к сторонникам реформ.

– В точности как доктор Гарней, который, правда, был весьма умеренным реформатором.

Из соображений безопасности.

В словах Харснета прозвучало что-то похожее на осуждение.

– То же самое я могу сказать про Роджера. Вот видите, между ними обнаруживается все больше общего.

– И это укрепляет меня во мнении, что преступления совершили паписты в надежде расстроить брачные планы короля, – заявил Харснет. – Боже правый, они способны на что угодно! Они сожрут бедных протестантов, как скот пожирает траву.

– А к какому лагерю вы относите себя, мастер Шардлейк? – вкрадчиво спросил Хартфорд. – Каковы ваши религиозные взгляды? Я слышал, что вы чуть ли не лаодикиец, человек неусердный в вере.

– Взгляды Мэтью не станут нам помехой, – вклинился Кранмер. – По крайней мере, до тех пор, пока он считает, что мы действуем праведными методами. – На его лице вновь появилась грустная улыбка. – Тут проблем не будет.

– И кто же станет решать, что есть праведно? – фыркнул Томас Сеймур. – Горбатый адвокат?

Его брат повернулся к нему, внезапно вспыхнув от гнева.

– Клянусь ранами Христовыми, Томас, еще одно слово, и я вышвырну тебя отсюда! Уверен, что от этого человека будет во сто крат больше пользы, чем от тебя.

Томас Сеймур выглядел как побитая собака. Ему недвусмысленно указали, кто здесь хозяин.

Кранмер повернулся ко мне:

– Мэтью, я снова приношу извинения за поведение сэра Томаса.

– Это не имеет значения, милорд, – поклонился я, хотя и чувствовал себя глубоко задетым.

Зачем только они связались с этим глупым невежей?

– Мне хотелось бы поговорить с тем рабочим, который обнаружил первое тело, и осмотреть место преступления. Сходство между двумя убийствами настолько очевидно, что это может помочь нам в расследовании.

Кранмер посмотрел на Харснета:

– Где этот человек сейчас, Грегори?

– Я велел на несколько дней посадить его в камеру, чтобы он осознал необходимость хранить молчание. Сейчас он, наверное, вернулся домой. Я велю послать за ним.

– Благодарю вас, коронер.

– Я хотел бы, чтобы вы с Грегори совместно вели расследование, – сказал Кранмер.

– Могу ли я привлечь своего помощника Барака? Он может оказаться весьма полезен.

– А-а, тот самый... – Кранмер улыбнулся. – Да, я знаю, что лорд Кромвель доверял ему. Но больше – никого, в том числе и этого бывшего монаха, а ныне врача. С доктором Гарнеем он нам не поможет, поскольку тот уже несколько недель как похоронен.

– Я понимаю.

– Обо всем происходящем вы будете немедленно информировать меня. Будете приходить только сюда и иметь дело только с моим секретарем Ральфом Морисом. Больше я никому не верю.

– Да, милорд.

Кранмер встал. Мы с Харснетом последовали его примеру и низко поклонились.

– Грегори, Мэтью, – сказал Кранмер, – я буду молиться нашему Спасителю о том, чтобы ваши труды увенчались успехом.

– Аминь, милорд, – с чувством откликнулся Харснет.

– Вы, вероятно, вынесли дело Адама Кайта на рассмотрение суда прошений? – неожиданно для меня спросил Кранмер.

– Да, милорд. Я подал прошение о том, чтобы ему обеспечили должный медицинский уход, а его родителям не выставлялись счета. Кроме того, я добился медицинского освидетельствования на предмет определения его психического здоровья.

– Я позабочусь о том, чтобы Тайный совет не чинил вам препятствий. Что касается счетов за содержание парня в Бедламе, то вчера этот вопрос поднимался, и при упоминании вашего имени сэр Ричард Рич пришел в крайнее возбуждение. Кто будет производить освидетельствование? Доктор Малтон?

– Да, милорд.

Кранмер кивнул, подумал и опять воззрился на меня своим всепроникающим взглядом.

– Ни лорд Хартфорд, ни я не хотим, чтобы мальчика выпустили. По крайней мере, до тех пор, пока его не вылечат, чтобы он больше не доводил окружающих до исступления своими сумасшедшими выходками. Пока его следует держать в безопасном месте.

– В годину испытаний христиане должны быть мудры, как змеи, и просты, как голуби, – проговорил Хартфорд.

У него было очень грустное лицо.

– Я понимаю, милорд.

Кранмер улыбнулся:

– Вот и хорошо. Позаботьтесь о том, чтобы этот ваш старый экс-монах не превратил его в паписта.

Значит, ему известно о прошлом Гая, подумалось мне. Он наверняка навел справки.

Лорд Хартфорд бросил на меня любопытный взгляд, прошел мимо, поклонившись на прощание, и удалился, оставив меня наедине с Харснетом. Мы вышли одновременно. Как мне показалось, Харснет чувствовал себя со мной немного не в своей тарелке. После некоторых раздумий он все же сказал:

– Я приношу извинения за то, как мне пришлось вести слушания. Надеюсь, теперь вы понимаете, что так было нужно.

– Я понимаю, почему вы сделали это, сэр, – нейтральным тоном ответил я и, искоса взглянув на него, невольно подумал: каково будет работать с этим человеком?

Когда десять лет назад король порвал со Святым престолом, чтобы жениться на Анне Болейн, он позволил Томасу Кромвелю допустить в королевское окружение людей, которые были даже большими реформаторами, чем он сам, даже лютеран. После падения Кромвеля король постоянно шел на попятную, двигаясь к прежней религиозной практике, и реформаторы в большинстве своем вели себя подобно флюгеру, по крайней мере публично. Но некоторые радикалы все же остались на своих постах благодаря недюжинным способностям и хитрости.

– Я боюсь за леди Кэтрин Парр, – признался Харснет. – Я встречался с ней. Она хорошая, милая женщина. Надеюсь, убийца подобрался к доктору не через кого-нибудь из ее близких.

– Он и к Роджеру не так подобрался.

– Нет, но в чем тогда связь между двумя этими случаями? – Он серьезно посмотрел на меня. – Мы должны выявить ее, адвокат Шардлейк. Я согласен, вам стоит поговорить с человеком, обнаружившим тело доктора Гарнея. Я устрою эту встречу и пришлю вам весточку. А вы тем временем приготовьте список всех, с кем был знаком мастер Эллиард: клиентов, друзей, возможных врагов.

– Да, я поговорю с его клерком. – Я тяжело вздохнул. – И с его вдовой. А что с телом? Можно ли забрать его для похорон?

– Разумеется.

Харснет снова почувствовал себя неловко.

– Благодарю вас.

Где-то один раз пробили часы. На сегодня в Линкольнс-Инн у меня была назначена встреча с Кайтами, и еще я должен был зайти к Дороти.

Мы вышли во двор дворца Ламбет, и на нас повеяло запахом мокрой травы, забытым за долгие месяцы, в течение которых на земле лежал снег.

Я повернулся к Харснету:

– Я не понимаю, для чего вы привлекли к этому сэра Томаса Сеймура. Он выглядит...

– Ненадежным? Безмозглым хамом? – Коронер холодно усмехнулся. – Он сочетает в себе не только все эти качества, но и многие другие, куда более непривлекательные. Это человек невиданного самомнения и зазнайства, рожденный, чтобы повсюду приносить вред. Он сидит на шее у брата. Но без него нам не обойтись.

– Почему?

– Томас Сеймур хотел жениться на Кэтрин Парр, а она была влюблена в него. Почему? Это только богу известно. Видимо, иногда ум за разум заходит даже у самых здравомыслящих женщин. Из-за короля ему пришлось уйти в тень, но теперь он заставил брата привлечь его к этому делу. По его собственным словам, ради ее безопасности. Если у лорда Хартфорда и есть слабость, то это привязанность к брату. Но Томас – хуже любого паписта.

– Чем?

На лице Харснета появилась гримаса отвращения.

– Он атеист. Человек, отрицающий Бога.

Глава 10

Харснет оставил меня у реки. Отыскав свободную лодку, я вернулся к причалу Темпл, а оттуда – в Линкольнс-Инн. Необузданная злость, которую я испытывал после окончания слушаний, сменилась рассудительным страхом. Стоило мне вспомнить о могущественных людях, с которыми я только что сидел за одним столом, мои внутренности начинали скручиваться в тугий болезненный узел. Но, по крайней мере, успокаивал себя я, на сей раз нет никакой неопределенности. Мы все на одной стороне и едины в желании поймать убийцу.

Для меня было облегчением увидеть, что Барак находится в конторе и работает за своим столом, рядом с молодым Скелли. Я мотнул Бараку головой, делая знак пройти в мой кабинет. Скелли посмотрел на нас сквозь толстые стекла очков, которые он носил по причине слабого зрения. Выражение его лица было грустным. Вероятно, он чувствовал себя лишним, исключенным из каких-то важных событий, происходящих вокруг Линкольнс-Инн. Ну и ладно, так было безопаснее для всех, в том числе и для него.

Я пересказал Бараку все, о чем мне стало известно во дворце Ламбет, полагая, что он обрадуется перспективе новых волнующих приключений, но он выслушал меня молча и долго сидел, задумавшись.

– Этот Томас Сеймур, – сказал он наконец, – очень опасный тип. Лорд Кромвель не доверял ему и всячески препятствовал его возвышению, хотя при этом весьма уважал его брата.

– Его романтическая увлеченность Кэтрин Парр усложняет дело.

– Он известен как бабник, который к тому же не делает тайны из своих походов. А болтун в данном случае опаснее любого врага, особенно если Кранмер хочет сохранить все в тайне от короля.

– Это понятно, но я вынужден помогать им, я дал обещание Дороти. – Я посмотрел на Барака. – А вот ты вовсе не обязан влезать во все это, если у тебя нет желания. Тебе нет резона подставлять голову под топор.

– Это верно, – ответил он, – и все же я вам помогу.

Однако было видно, что Бараку тоже не по себе.

– Я не могу понять сути произошедшего. Одно убийство, совершенное столь необычным способом, – это дико само по себе, но два?

– А может, убийца – сумасшедший? Может, он возненавидел Роджера и того доктора, решив, что они каким-то образом навредили ему?

– Сумасшедший не смог бы столь тщательно спланировать и выполнить эти преступления.

– Это точно. Убийца очень ловко обманул Роджера своими письмами. Возможно, что-то подобное он проделал и с доктором. Заманил их в безлюдное место, накачал каким-то образом наркотиком, а потом отнес к приливной луже и фонтану и перерезал глотки.

Я с растерянным видом пожал плечами.

– Помните ту ночь, когда вы спугнули какого-то неизвестного, который шастал рядом с жильем Эллиардов? Не исключено, что он осматривался на Гейтхаус-корт, готовился к осуществлению своего плана.

– Это означало бы, что территория Линкольнс-Инн ему незнакома. Но зато он неплохо разбирается в тонкостях юридического дела, если сумел изготовить фальшивые письма к Роджеру, и достаточно – в медицине, чтобы рассчитать нужную дозу двейла.

Я покачал головой. А ведь стоило мне в тот вечер выйти от Роджера и Дороти чуть раньше, и я столкнулся бы с убийцей нос к носу! Убил бы он тогда и меня, чтобы я не смог опознать его?

– Не могу понять, откуда эта скотина могла узнать все это? – проговорил Барак.

– И кто мог ненавидеть Роджера до такой степени, чтобы устроить этот кошмарный спектакль в фонтане? – Я внимательно посмотрел на своего помощника. – А ведь это был именно спектакль. Он хотел, чтобы жертву обнаружили в таком виде, да еще в людном месте. И судя по тому, что я сегодня услышал, то же самое было и с доктором Гарнеем.

Барак кивнул:

– Когда я работал на лорда Кромвеля, я сталкивался с очень странными и мрачными вещами. Но ни о чем подобном не слышал. Никогда.

– И я тоже.

Некоторое время мы молчали, потом я встал.

– Ладно, мы пока слишком мало знаем, чтобы строить предположения. Нам нужно предпринять практические шаги.

– Хорошо. С чего начнем?

– Для начала я составлю список клиентов и приятелей Роджера, чтобы проверить, не было ли у них с доктором Гарнеем общих знакомых. Для этого мне нужно будет поговорить с клерком Роджера и с Дороти. Кстати, как она вела себя по пути домой?

– Спокойно. Но было видно, что она здорово расстроена тем, как прошли и чем закончились слушания.

– Да, – вздохнул я, – мне придется быть очень осторожным в разговоре с ней. И мне хотелось бы, чтобы ты вместе со мной встретился с тем человеком, который наткнулся на тело доктора у реки. Харснет организует эту встречу.

– Каков он, этот Харснет, при ближайшем знакомстве?

– Один из ярых, как мне кажется. Но при этом твердо стоит на земле. Умен, практичен. – В голову пришла неожиданная мысль. – Но многие коронеры не такие. А ведь мы находимся на перекрестке, где сходятся полномочия четырех коронеров – Суррея, Кента, Мидлсекса и Лондона. Полагаю, Харснету следует проверить, не было ли похожих убийств в этих графствах. Я обязательно посоветую ему сделать это.

– Гиб Рук упоминал про жуткое убийство какого-то коттера.

– Но его наверняка убили не так, как Роджера, иначе он непременно сказал бы про это. Но все равно, возможно, с ним стоит поговорить. Хорошая мысль, спасибо, Барак, – добавил я, желая воодушевить помощника. – Видишь, какая от тебя польза!

– Хорошо хоть кому-то смог помочь, – угрюмо откликнулся он.

Поколебавшись, я спросил:

– Ты сейчас подумал о Тамазин?

Барак пожал плечами:

– Она жалуется на то, что меня вечно не бывает дома. Я не потерплю, чтобы женщина указывала мне, куда ходить и куда не ходить.

– Может, она просто ревнует? – предположил я.

– Пусть сначала перестанет ныть и жаловаться, тогда, возможно, ее компания станет для меня более привлекательной.

– Она до сих пор страдает оттого, что вы потеряли ребенка, Барак, – успокаивающим тоном произнес я. – Да и ты, как мне кажется, тоже. Общее горе должно вас объединить.

По злой гримасе, исказившей его лицо, я понял, что зашел слишком далеко.

– Это касается только нас, – грубо ответил он. – Если вы намереваетесь отправиться к миссис Эллиард, не забудьте о том, что родители Адама Кайта придут в три часа.

С этими словами он повернулся и вышел из кабинета.

Идя через Гейтхаус-корт, я ловил на себе любопытные взгляды проходивших мимо адвокатов. Присяжные уже успели разнести новость о том, как прошли слушания, кроме того, некоторые из них видели, как я уходил вместе с Харснетом и сэром Томасом Сеймуром. Что ж,

их любопытству суждено остаться неудовлетворенным. Я вошел в контору Роджера и поздоровался с его клерком.

– Здравствуйте, Бартлетт, – сказал я. – Как идут дела?

– Пытаюсь справляться, сэр, – ответил он с выговором бристольца. – Миссис Эллиард попросила меня организовать похороны, вот я и хотел спросить, можно ли забрать тело?

– Да, коронер разрешил.

– На этой неделе в суде должно слушаться два иска.

Я прикусил губу. Мне и на свою-то работу времени не хватало, а тут еще дела Роджера!

– Думаю, мы передадим эти дела барристерам, которым можно доверять и которые заплатят Дороти за работу, уже проделанную Роджером. Я назову тебе несколько имен.

– А я прослежу за тем, чтобы они заплатили, сэр.

– Спасибо, – с благодарностью улыбнулся я.

– Мастер Эллиард всегда был добр ко мне. Он был хорошим человеком.

Клерк смахнул непрошеную слезу.

– Это верно.

Я помолчал.

– Но так уж повелось, что адвокат, хочешь не хочешь, наживает себе врагов. Вы не припомните каких-нибудь недовольных клиентов или, возможно, других барристеров, которых он одолел в суде и которые могли затаить на него злость?

– Не знаю, что и сказать, сэр. Не припомню ни одного такого. Мастера Эллиарда все любили.

– Знаю. Тогда составьте для меня список всех клиентов и юристов, с которыми он профессионально общался с тех пор, как приехал из Бристоля. Вы сможете сделать это до вечера?

– Постараюсь, сэр. – Он помялся. – Могу ли я спросить, что будет теперь? Говорят, слушания отложили?

– Будет проводиться расследование, и я принимаю в нем участие. Больше пока сказать ничего не могу, Бартлетт. А список, который я попросил вас составить, может помочь следствию. – Я посмотрел в честное лицо клерка. – Что намерены делать вы? Вернетесь в Бристоль?

– Пока останусь в Лондоне. Здесь вся моя семья.

– Я постараюсь подыскать для вас работу в какой-нибудь другой конторе, как только вы разберетесь с делами Роджера.

Его лицо осветилось радостью.

– Спасибо! Вы... Вы добрый человек, сэр.

– Надеюсь, что это так, Бартлетт. Хотя с этим согласились бы не все.

Я поднялся по лестнице на второй этаж. Старый Элиас открыл мне дверь и с поклоном впустил внутрь. Вид у него до сих пор был пришибленный. Из гостиной вышла Маргарет.

– Как ваша хозяйка? – шепотом осведомился я.

– Немного успокоилась, сэр. А на этих проклятых слушаниях так разволновалась, так рассердилась, что я боялась, как бы ей не стало плохо. Слава богу, обошлось. – Девушка помялась. – Она надеялась, что вы принесете какие-нибудь новости.

– Спасибо, Маргарет. Я пойду к ней.

Я заметил, что щеки девушки бледны. Жизнь прислуги тоже внезапно перевернулась с ног на голову, их будущее стало неопределенным.

Дороти, как обычно, сидела в своем кресле под фризом. Подняв на меня взгляд, она заставила себя улыбнуться, но на ее лице явственно проступал гнев.

– Что случилось? – спросила она. – Почему ты ушел с этим коронером?

– Чтобы обсудить расследование. А оно будет, Дороти, и я приму в нем участие, обещаю тебе. Завтра мы сможем забрать тело и организовать похороны.

Женщина смотрела на меня пронизывающим взглядом.

– Если они знают, что произошло убийство, для чего был нужен весь этот спектакль?

Я развел руками:

– Политика. Большого я сказать не могу. Хотел бы, да не могу.

Глаза Дороти округлились.

– Боже милостивый! Но Роджер не имел никакого отношения к политике. Он презирал всех придворных политиканов.

– Мне это известно, но его смерть каким-то образом связана с политическими интригами, и я обещал выяснить, каким именно.

– Кому ты это обещал, Мэтью?

– Кранмеру. Впрочем, я и так сказал тебе больше, чем следовало бы.

– Но ведь ты сам ненавидишь политику не меньше, чем Роджер. Ты столько раз повторял это.

– И тем не менее найти убийцу Роджера я смогу только во взаимодействии с этими людьми. Мы с ними хотим одного и того же. – Поколебавшись, я добавил: – Я буду работать совместно с коронером Харснетом.

– С этим человеком? Вспомни, как он пытался все извратить!

– Это делалось для того, чтобы отложить слушания, не привлекать к ним внимания публики. С уверенностью могу сказать одно: он не получал удовольствия, обманывая тебя.

Она посмотрела на меня грустными, усталыми глазами:

– Может, мне стоит освободить тебя от твоего обещания найти убийцу Роджера, Мэтью? Я ведь знаю, что ты, как и любой здравомыслящий человек, боишься этих всевластных людей.

Я печально улыбнулся:

– От нас уже ничего не зависит, Дороти. Я дал обещание Кранмеру.

– Я превращаюсь в обузу, – бесцветным голосом заметила она. – Это участь любой одинокой немолодой женщины.

Я наклонился и взял ее руку.

– Нет, Дороти, ты сильная женщина. Просто сейчас на тебя обрушилось слишком много всего. Это понятно. Но со временем ты непременно вновь обретешь свою силу.

– Говорят, когда умирает любимый, ты чувствуешь рядом с собой его душу. Я сидела здесь, ждала, надеялась, но... ничего не ощутила. Я чувствую только, что Роджера больше нет, что его вырвали из моей жизни.

– Время, Дороти. Тебе нужно время, чтобы смириться с этой утратой, – попытался утешить ее я.

– Теперь у меня впереди много свободного времени. Долгие годы, которые нечем занять.

При виде ее страданий у меня сдавило сердце.

– Дороти, – негромко заговорил я, – я хотел бы попросить тебя кое о чем. Понимаю, сейчас не самый подходящий момент, но это срочное дело. Нам необходимо выяснить, были ли общие знакомые у Роджера и... у еще одного умершего человека. Бартлетт готовит для меня список его профессиональных контактов. Не могла бы ты припомнить всех остальных, кого он знал. Его друзей, которые не были связаны с юридической практикой...

– Таких у нас не было. Юриспруденция была жизнью Роджера.

– Тогда, может быть, торговцы, его парикмахер, его врач. Не увольняли ли вы в последнее время кого-нибудь из слуг?

– Нет, ни одного человека.

– Как бы то ни было, такой список мне очень нужен.

– Тогда я составлю его прямо сейчас.

Я велел Маргарет принести бумагу. Дороти склонилась над листом, подумала и написала имена всех в Лондоне, с кем был знаком Роджер. Она передала лист мне.

– Здесь все, – сказала она.
Я взглянул на список:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.